

ТОМ 8, №1, 2025

eISSN 2658-7165

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Общая психология / Психология личности / Психофизиология / Педагогическая психология / Социальная психология / Возрастная психология / Коррекционная психология / Дефектология / Общая педагогика

www.inov-ppd.ru
DOI 10.23947/2658-7165

Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология

Рецензируемый научный журнал

eISSN 2658–7165

Издается с 2017 года

Периодичность – 6 выпусков в год

DOI: 10.23947/2658-7165

Учредитель и издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Целью журнала является содействие распространению нового и актуального научного знания в области психологии, педагогики, дефектологии путем публикации научных работ, выполненных и подготовленных к публикации в соответствии с международными издательскими стандартами.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по следующим научным специальностям:

- 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (психологические науки)
- 5.3.2 – Психофизиология (биологические науки)
- 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)
- 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)
- 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки)
- 5.3.8 – Коррекционная психология и дефектология (психологические науки)
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Регистрация:

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 71604 от 13 ноября 2017 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Индексация и архивация:

РИНЦ, CyberLeninka

Сайт:

<https://inov-ppd.ru>

Адрес редакции:

344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

E-mail:

inovppd@gmail.com

Телефон:

+ 7 (908) 506–19–06

Дата выхода

28.02.2025

№ 1, 2025 в свет:

Innovative science: psychology, pedagogy, defectology

Peer-reviewed scientific journal

eISSN 2658–7165

Published since 2017

Periodicity – 6 issues per year

DOI: 10.23947/2658-7165

Founder and Publisher – Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

The purpose of the journal lies in the contribution to improving the quality of scientific research in the fields of psychology, psycholinguistics, pedagogy, and defectology. Our impact is made by publishing scientific works, written and prepared in accordance with international standards.

The journal is included in the List of the leading peer-reviewed scientific publications (Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation), where basic scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Science in scientific specialties and their respective branches of science should be published.

The journal publishes articles in the following fields of science:

- General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences)
- Psychophysiology (psychological sciences)
- Psychophysiology (biological sciences)
- Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences)
- Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences)
- Age psychology (psychological sciences)
- Correctional Psychology and Defectology (psychological sciences)
- General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

Registration:

Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77 – 71604 dated 13 November, 2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Indexing and Archiving:

RISC, CyberLeninka

Website:

<https://inov-ppd.ru>

Address

1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

of the Editorial Office:

E-mail:

inovppd@gmail.com

Telephone:

+ 7 (908) 506–19–06

Date of publication

28.02.2025

No. 1, 2025:

Главный редактор, Ирина Владимировна Абакумова, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Заместитель главного редактора, Павел Николаевич Ермаков, доктор биологических наук, профессор, академик РАО, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Редакционный совет

Алла Константиновна Белоусова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Валерий Павлович Белянин, доктор филологических наук, профессор, Университет Торонто (Торонто, Канада);

Ася Суреновна Берберян, доктор психологических наук, профессор, Российско-армянский (славянский) университет (Ереван, Армения);

Марина Блувштейн, доктор философских наук, профессор, Центр адлериянской практики и исследований в Университете Адлера (Чикаго, США);

Евгений Федорович Бороховский, доктор психологических наук, доцент, университет Конкордия (Конкордия, Канада);

Владимир Пантелеймонович Борисенков, доктор педагогических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Ольга Владимировна Гукаленко, доктор педагогических наук, профессор, Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Российская Федерация);

Юрий Петрович Зинченко, доктор психологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация);

Лазарь Стошич, доктор технических наук, профессор, университет UNION Nikola Tesla (Белград, Сербия).

Редакционная коллегия

Валентина Владимировна Абраухова, доктор педагогических наук, профессор Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Виталий Вадимович Бабенко, доктор биологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Зинаида Игоревна Березина, доктор психологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Вера Александровна Лабунская, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Викторовна Воробьева, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Ивановна Власова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Максим Николаевич Дмитриев, кандидат медицинских наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Александр Викторович Дятлов, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Надежда Федоровна Ефремова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лаура Цраевна Кагермазова, доктор психологических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический университет (Грозный, Российская Федерация);

Анатолий Викторович Карпов, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Ярославль, Российская Федерация);

Ирина Александровна Кибальченко, доктор психологических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Михайловна Кобрина, доктор педагогических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Анжелика Ильинична Лучинкина, доктор психологических наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Российская Федерация);

Татьяна Викторовна Лисовская, доктор педагогических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (Минск, Белоруссия);

Наталья Александровна Лызь, доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Евгений Ефимович Несмеянов, доктор философских наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Савельевна Мавропуло, кандидат педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Александровна Макарова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Елена Валерьевна Муругова, доктор филологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Марина Леонидовна Скуратовская, доктор педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ольга Дмитриевна Федотова, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Лариса Александровна Цветкова, доктор психологических наук, доцент, Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Любовь Яковлевна Хоронько, доктор педагогических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Татьяна Николаевна Щербакова, доктор психологических наук, профессор, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Выпускающий редактор, Евгений Александрович Проненко, кандидат психологических наук, доцент, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Ответственный секретарь, Диана Валерьевна Запорожец, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Переводчик, Влада Романовна Старыгина;

Литературный редактор, Маргарита Евгеньевна Беликова, Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Editor-in-Chief, Irina V. Abakumova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Deputy Editor-in-Chief, Pavel N. Ermakov, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Editorial Board

Alla K. Belousova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Valery P. Belyanin, Dr.Sci. (Philology), Professor, University of Toronto (Toronto, Canada);

Asya S. Berberyan, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Russian Federationn-Armenian University (Yerevan, Armenia);

Marina Bluvstein, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Center for Adlerian Practice and Research at Adler University (Chicago, USA);

Evgeny F. Borokhovskiy, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Concordia University (Concordia, Canada);

Vladimir P. Borisenkov, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Olga V. Gukalenko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Institute for Education Development Strategy of the Russian Federationn Academy of Education (Moscow, Russian Federation);

Yuri P. Zinchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation);

Lazar Stosic, Dr.Sci., Professor, Faculty of Management, Sremski Karlovci, University UNION Nikola Tesla, (Belgrade, Serbia).

Editorial Board

Valentina V. Abraukhova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vitaly V. Babenko, Dr.Sci. (Biology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Zinaida I. Berezina, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vera A. Labunskaya, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Vorobyeva, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana I. Vlasova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Maxim N. Dmitriev, Cand.Sci. (Medicine), Associate Professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Alexander V. Dyatlov, Dr.Sci. (Sociology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Nadezhda F. Efremova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Laura T. Kagermazova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation);

Anatoly V. Karpov, Dr.Sci. (Psychology), Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation);

Irina A. Kibalchenko, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa M. Kobrina, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg, Russian Federation);

Angelika I. Luchinkina, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov (Simferopol, Russian Federation);

Tatiana V. Lisovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank (Minsk, Belarus);

Natalia A. Lyz, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Evgeny Ye. Nesmeyanov, Dr.Sci. (Philosophy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga S. Mavropulo, Cand.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena A. Makarova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Elena V. Murugova, Dr.Sci. (Philology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Vlada I. Pischik, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Marina L. Skuratovskaya, Dr.Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Olga D. Fedotova, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Larisa A. Tsvetkova, Dr.Sci. (Psychology), Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

Lyubov Ya. Khoronko, Dr.Sci. (Pedagogy), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Tatiana N. Shcherbakova, Dr.Sci. (Psychology), Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Executive Editor, Evgeny A. Pronenko, Cand.Sci. (Psychology), Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Responsible secretaries, Diana V. Zaporozhets, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Translator, Vlada R. Starygina;

Literary editor, Margarita E. Belikova, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Содержание

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Академическая мотивация: связь с субъектностью, верой в свободу, жизненной позицией и осознанным присутствием** 9

Евгений А. Проненко

- Исследование взаимосвязи ассертивности, личностной идентичности и параметров самоотношения у молодых специалистов сферы образования** 18

Анастасия А. Малькова, Владимир Г. Маралов

- Жизнестойкость, временная перспектива и ведущий тип пищевого поведения у женщин с разным отношением к прошлому опыту** 32

Луиза А. Етумян, Наталья Е. Комерова, Татьяна Г. Мухина

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Доверие в изолированных социальных группах на примере коллективов автоматизированных диагностических комплексов ОАО «РЖД»** 42

Максим С. Казаков

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

- Влияние транскраниальной электростимуляции правой префронтальной и левой веретенообразной коры на распознавание выражения эмоций** 55

Евгений А. Мелещенко, Валерия А. Егорова, Александр А. Вальгерст

ПСИХОЛОГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

- Рациональное потребление как междисциплинарный феномен: анализ истории и перспектив исследований в условиях формирования моделей устойчивого развития** 68

Екатерина Г. Денисова, Анастасия О. Гостева, Юлия В. Зотова

Contents

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY

- Academic Motivation: Connection with Subjectivity, Belief in Freedom, Life Position and Conscious Presence 9**
Eugeny A. Pronenko
- Study of the Relationship between Assertiveness, Personal Identity and Self-Relationship Parameters in Young Educational Specialists 18**
Anastasia A. Malkova, Vladimir G. Maralov
- Resilience, Time Perspective, and Leading Type of Eating Behavior in Women with Different Attitudes Toward Past Experiences 32**
Luiza A. Yetumyan, Natalia E. Komerova Tatiana G. Mukhina

SOCIAL PSYCHOLOGY

- Trust in Isolated Social Groups on the Example of Teams of Automated Diagnostic Complexes of “Russian Railways” 42**
Maxim S. Kazakov

PSYCHOPHYSIOLOGY

- Effects of Transcranial Electrical Stimulation of the Right Prefrontal and Left Spindle Cortex on the Recognition of Emotion Expression 55**
Eugene A. Meleshchenko, Valeria A. Egorova, Alexander A. Walgert

PSYCHOLOGY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

- Rational Consumption as an Interdisciplinary Phenomenon: Analysis of History and Prospects of Research in the Context of Formation of Models Sustainable 68**
Ekaterina G. Denisova, Anastasia O. Gosteva, Julia V. Zotova

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, GENERAL PSYCHOLOGY

УДК 159.9

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-9-17>

FVGGZN

Академическая мотивация: связь с субъектностью, верой в свободу, жизненной позицией и осознанным присутствием

Евгений А. Проненко

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ heimag@yandex.ru

Аннотация

Введение. Субъектность в академической среде связана со способностью студентов к активному преобразованию себя и окружающей действительности, свободному и осознанному выбору; субъектность способствует самореализации студентов, повышению их вовлеченности в образовательный процесс и качества получаемых знаний, и задача повышения субъектности как преподавателей, так и студентов, остается актуальной. При этом исследований, проясняющих связи субъектности с академической мотивацией, недостаточно как в российской, так и в мировой науке.

Цель. Определение связи субъектности, жизненной позиции личности, веры в свободу и осознанного присутствия и типов академической мотивации.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 65 студентов (средний возраст – 18,7 лет), обучающихся на 1–3 курсах гуманитарных специальностей. Методики исследования: опросник субъектности, шкала академической мотивации; опросник «Жизненная позиция личности»; методика оценки осознанного присутствия; опросник «Вера в свободу/детерминизм» в адаптации. Для обработки применен корреляционный анализ.

Результаты исследования. Внутренняя мотивация связана с субъектностью: так, мотивация достижения наиболее связана с активностью личности и гармонией с жизнью, мотивация саморазвития – с осознанностью жизни и активностью жизненной позиции, а познавательная мотивация – и с осознанностью, и с активностью, и с гармонией с жизнью. Внешние же типы мотивации отрицательно связаны с субъектностью: интроецированная показала отрицательную связь со свободой выбора, способностью к рефлексии и верой в свободу, экстерналистская – со способностью к рефлексии и осознанным присутствием. Оба типа внешней мотивации отрицательно связаны с гармонией с жизнью.

Обсуждение результатов. В данном разделе каждый полученный вывод проанализирован с опорой на исследования субъектности и академической мотивации. Установлено, что результаты исследования согласуются с основными определениями феномена субъектности и представляют собой опору для улучшения образовательного процесса.

Ключевые слова: субъектность, академическая мотивация, внутренняя мотивация, жизненная позиция личности, гармония с жизнью, вера в свободу, осознанное присутствие, осознанность

Для цитирования. Проненко, Е. А. (2025). Академическая мотивация: связь с субъектностью, верой в свободу, жизненной позицией и осознанным присутствием. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(1), 9–17. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-9-17>

Academic Motivation: Connection with Subjectivity, Belief in Freedom, Life Position and Conscious Presence

Eugeny A. Pronenko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ heimag@yandex.ru

Abstract

Introduction. Subjectivity in the academic environment is associated with the ability of students to actively transform themselves and the surrounding reality, free and conscious choice; subjectivity contributes to the self-realisation of students, increasing their involvement in the educational process and the quality of knowledge obtained, and the task of increasing the subjectivity of both teachers and students remains relevant. At the same time, there is insufficient research clarifying the connections between subjectivity and academic motivation in both Russian and world science.

Objective. To determine the relationship of subjectivity, personal life stance, belief in freedom and conscious presence and types of academic motivation.

Materials and Methods. Sixty-five students (average age – 18.7 years) studying in 1–3 courses of humanities specialities took part in the study. Research methods: subjectivity questionnaire, academic motivation scale; questionnaire “Life position of personality”; methodology for assessing conscious presence; questionnaire “Belief in freedom/determinism” in adaptation. Correlation analysis was applied for processing.

Results. Intrinsic motivation is related to subjectivity: thus, achievement motivation is most related to personal activity and harmony with life, self-development motivation – to life awareness and activity of life position, and cognitive motivation – to both awareness and activity, and to harmony with life. External types of motivation, on the other hand, are negatively related to subjectivity: introjected motivation showed a negative relationship with freedom of choice, capacity for reflexion, and belief in freedom, and externalised motivation – with capacity for reflexion and conscious presence. Both types of external motivation were negatively related to harmony with life.

Discussion. In this section each of the findings is analysed with reference to the research on subjectivity and academic motivation. It is found that the results of the study are consistent with the main definitions of the phenomenon of subjectivity and represent a support for improving the educational process.

Keywords: subjectivity, academic motivation, intrinsic motivation, personal life stance, harmony with life, belief in freedom, conscious presence, mindfulness

For Citation. Pronenko, E. A. (2025). Academic motivation: connection with subjectivity, belief in freedom, life position and conscious presence. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(1), 9–17. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-9-17>

Введение

Какую позицию занимают студенты, когда попадают в академическую среду? Будут ли они активными участниками образовательного процесса, способными к осмыслению и преобразованию окружающей действительности, или примут позицию «того, кого обучают»? Первая позиция – позиция, основанная на ощущении субъектности. Вторая же позиция склоняется к ощущению студентом себя как «объекта» педагогического воздействия.

Личностно-ориентированная педагогика опирается на необходимость становления и воспитания субъектности у обучающихся и преподавателей (Захарова и Вилкова, 2020; Klemenčič, 2017), и взаимодействие преподаватель-студент ценно тогда, и когда каждый является субъектом, и когда каждый считает субъектом и себя, и другого (Вачков, 2014; Molla & Nolan, 2020).

Субъектность – личностная характеристика, связанная со способностью к активно преобразующей, свободно выбираемой деятельности и изменению мира и самого себя (Винокурова, 2013; Гусакова, 2015; Цой и Кулагина, 2022), основываясь на позиции «автора» своей жизни. Следовательно, субъект – существо «целесолагающее, свободное, развивающееся и целостное» (Петровский, 2021, с. 175). Свобода при этом будет проявляться в возможности выбирать, осознанно действовать, поддерживать личную автономию и нести ответственность за свои действия (Реан, 2021; Кузьмина, 2007). Субъектность проявляется только в деятельности личности (Фоминых, 2024; Рубинштейн, 2013), но деятельность невозможна без активности; субъектность человека проявляется в его активности (Выготский, 1999). Активность жизненной позиции, способность практически преобразовывать свою жизнь – показатель осознанного отношения к миру (Гусакова, 2015). Осознанность же, неразрывно связанная с субъектностью (Захарова и Вилкова, 2020), является фактором, способствующим благополучию (Brown & Ryan, 2003; Leggett, 2022). Таким образом, в концепции субъектности переплетены активность, осознанность и свобода.

Субъектность способствует проявленности студента и его самореализации (Вачков, 2014), в том числе в академической среде. В вузе субъектность студента проявляется в «способности адаптировать активности, зало-

женные в учебной программе, под свои цели» (Захарова и Вилкова, 2020, с. 2), то есть приводить в соответствие условия обучения и свои внутренние побуждения (точнее – внутреннюю мотивацию) – проявлять активность, нацеленную на улучшение качества жизни и повышение вовлеченности в образовательный процесс. Внутренняя мотивация также требует активной деятельности: только через активность субъекта побуждения, связанные с мотивацией достижения, самопознания или саморазвития могут быть реализованы (Гордеева, 2022). Субъектность также выступает предиктором высоких академических достижений (Code, 2020). Осознанность студентов как способность присутствовать в «здесь и сейчас» в академической среде положительно связана с успеваемостью (Sumell et al., 2021) и удовлетворенностью жизнью (Medlicott et al., 2021).

Таким образом, субъектность способствует повышению осознанности, проявленности, активности личности; субъектность отражает активную жизненную позицию и веру человека в свободу воли и свободный выбор, что особенно необходимо в академической среде (Захарова и Вилкова, 2020).

Цель и гипотезы. Мы предполагаем, что в образовательном процессе субъектность связана со внутренней мотивацией и способствует осознанному присутствию студентов на занятиях. **Цель данного исследования** – определить связь типов академической мотивации с субъектностью, а также проанализировать связь типов академической мотивации с жизненной позицией личности, верой в свободу и осознанным присутствием.

Материалы и методы

Выборка. Выборку исследования составили 65 студентов, обучающихся на 1–3 курсах гуманитарных специальностей в Южном федеральном университете ($n = 41$) и Донском государственном техническом университете ($n = 24$), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация. Средний возраст – 18,692 лет, стандартное отклонение – 1,045 год, минимальный возраст 17 лет, максимальный – 23 года. В выборке 57 девушек, 8 юношей.

Методики. Были применены следующие психодиагностические методики:

- **Опросник субъектности Е. Н. Волковой и И. А. Серегиной (1999; 2023) (Волкова и др., 2023);** шкалы, использованные при анализе результатов: «Общая субъектность», «Активность», «Способность к рефлексии», «Свобода выбора», «Осознание уникальности», «Понимание и принятие», и «Саморазвитие»;
- **Шкала академической мотивации (ШАМ; Гордеева, Сычев, Осин, 2014).** В описании результатов используются шкалы: «Познавательная мотивация», «Мотивация достижения», «Мотивация саморазвития», «Мотивация самоуважения», «Интроецированная мотивация», «Экстернальная мотивация» и «Амотивация».
- **Опросник «Жизненная позиция личности» (ЖПЛ; Леонтьев, Шильманская, 2019);** проанализированы шкалы «Гармония с жизнью», «Осознанность жизни» и «Активность жизненной позиции».
- **Методика оценки осознанного присутствия, авторы (Brown & Ryan, 2003) в адаптации (Митина и др., 2021);** одноименная шкала «Шкала осознанного присутствия».
- **Вера в свободу/детерминизм, D. Paulhus, J. Carey (2011) в адаптации (Моспан, Леонтьев, 2021);** используются шкалы «Свобода» и «Непредсказуемость».

Обработка результатов. Обработка результатов проводилась в свободно распространяемом ПО Jasp 0.19.3 (JASP Team, 2025). Основным методом анализа выступил корреляционный анализ, применен непараметрический тест ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

Субъектность и академическая мотивация. Итак, результаты поиска связей между академической мотивацией и различными аспектами субъектности вынесены в таблице 1. Здесь и далее в таблицах вынесены только значимые корреляции ($p < 0,05$).

Познавательная мотивация, основанная на интересе к изучаемому предмету и приносящему удовольствие желанию его изучать, оказалась положительно связана с общей субъектностью ($\rho = 0,398, p < 0,01$): активностью, способностью к саморегуляции, самодетерминации, автономии, и переживанием уникальности собственного существования ($\rho = 0,29, p < 0,05$).

Мотивация достижения также отражает удовольствие от процесса учения, но при доминировании мотивации достижения на первый план у субъекта выходит процесс преодоления: решения трудных задач, освоения новых областей, достижения высоких результатов в учебе. Мотивация достижения оказалась положительно связана с субъектностью ($\rho = 0,444, p < 0,01$) и практически всеми ее аспектами: активностью ($\rho = 0,385, p < 0,01$), способностью к рефлексии ($\rho = 0,306, p < 0,05$), свободой выбора ($\rho = 0,255, p < 0,05$), осознанием уникальности ($\rho = 0,334, p < 0,01$) и саморазвитием ($\rho = 0,285, p < 0,05$). Наибольшая связь проявляется с активностью: чем больше студент стремится выходить «за пределы» задаваемых рамок и значений, чем более он осознает свою способность влиять на события и преобразовывать действительность, тем более для него в учебной деятельности будет характерно стремление достигать высоких результатов.

Мотивация саморазвития также показала значимую положительную связь с субъектностью ($\rho = 0,431, p < 0,01$), активностью ($\rho = 0,370, p < 0,05$), свободой выбора ($\rho = 0,279, p < 0,05$) и осознанием уникальности

($\rho = 0,397, p < 0,05$): чем более студент осознает себя активным, деятельным и действующим по свободной воле, тем более для него будет характерно желание в академической среде развивать собственные способности и реализовывать личностный потенциал.

Таблица 1

Корреляции между шкалами опросника «Шкала академической мотивации» и шкалами опросника субъектности

Шкалы ШАМ	Шкалы опросника субъектности	Spearman's rho	p
Познавательная мотивация			
Познавательная мотивация	– Общая субъектность	0,398	0,001
Познавательная мотивация	– Осознание уникальности	0,290	0,019
Мотивация достижения			
Мотивация достижения	– Общая субъектность	0,444	< 001
Мотивация достижения	– Активность	0,685	< 001
Мотивация достижения	– Способность к рефлексии	0,306	0,013
Мотивация достижения	– Свобода выбора	0,255	0,040
Мотивация достижения	– Осознание уникальности	0,334	0,006
Мотивация достижения	– Саморазвитие	0,285	0,021
Мотивация саморазвития			
Мотивация саморазвития	– Общая субъектность	0,431	< 001
Мотивация саморазвития	– Активность	0,370	0,002
Мотивация саморазвития	– Свобода выбора	0,279	0,025
Мотивация саморазвития	– Осознание уникальности	0,397	0,001
Интроецированная мотивация			
Интроецированная мотивация	– Способность к рефлексии	–0,256	0,040
Интроецированная мотивация	– Свобода выбора	–0,270	0,030
Экстернальная мотивация			
Экстернальная мотивация	– Способность к рефлексии	–0,276	0,026

Таким образом, три типа мотивации, которые мы можем отнести к внутренним типам, оказались связаны с субъектностью студентов.

Закономерно обнаружены отрицательные корреляции интроецированной и экстернальной типов академической мотивации со шкалами опросника субъектности. Так, интроецированная мотивация отрицательно связана со шкалой «Свобода выбора» ($\rho = -0,270, p < 0,05$): отказ от ответственности студента за выбор собственного пути и предпочтение следовать «чужой воле» связаны с учебой из чувства долга и стыда; и шкалой «Способность к рефлексии» ($\rho = -0,256, p < 0,05$). Редкое обращение к внутренним переживаниям и накопленному опыту, которое также усиливается ограниченностью возможностей выбора («степенями свободы») связано с присвоением себе «чужой» учебной мотивации («так сказали родители», «так принято» и пр.). Более того, низкая способность к рефлексии связана с экстернальной мотивацией – учебе из ощущения вынужденности и необходимости ($\rho = -0,276, p < 0,05$).

Значимых связей субъектности и мотивации самоуважения, а также амотивации, выявлено не было.

Осознанное присутствие и академическая мотивация. Продолжение учебы не из чувства интереса, желания достигать, преодолевать и совершенствовать себя, а из ощущения вынужденности и необходимости следовать правилам (экстернальная мотивация), отрицательно коррелирует с осознанным присутствием (таблица 2).

Таблица 2

Значимые корреляции шкал опросника ШАМ и шкалы осознанного присутствия

Шкалы опросника ШАМ	Шкала осознанного присутствия	Spearman's rho	p
Экстернальная мотивация	– Шкала осознанного присутствия	–0,275	0,026

Студентам, для которых экстернальный тип мотивации является доминирующим, характерно снижение осознанности (mindfulness): отсутствие полноты и открытости восприятия и внимания, невозможность принять новый опыт, отсутствие любопытствующей, интересующейся позиции ($\rho = -0,275, p < 0,05$).

Жизненная позиция и академическая мотивация. Субъектность связана с внутренними типами мотивации; далее мы оценили их связь с гармонией с жизнью, ее осознанностью и активностью жизненной позиции (таблица 3).

Таблица 3

Значимые корреляции шкал опросника ШАМ и шкал опросника ЖПЛ

Шкалы опросника ШАМ		Шкалы опросника ЖПЛ	Spearman's rho	p
Познавательная мотивация	–	Гармония с жизнью	0,330	0,007
Познавательная мотивация	–	Осознанность жизни	0,298	0,016
Познавательная мотивация	–	Активность жизненной позиции	0,351	0,004
Мотивация достижения	–	Гармония с жизнью	0,263	0,034
Мотивация саморазвития	–	Осознанность жизни	0,266	0,032
Мотивация саморазвития	–	Активность жизненной позиции	0,327	0,008
Интроецированная мотивация	–	Гармония с жизнью	–0,313	0,011
Экстернальная мотивация	–	Гармония с жизнью	–0,280	0,024

Познавательная мотивация оказалась положительно связана со всеми аспектами опросника жизненной позиции личности: с гармонией с жизнью ($\rho = 0,330, p < 0,01$), осознанностью жизни ($\rho = 0,298, p < 0,05$) и активностью жизненной позиции ($\rho = 0,351, p < 0,01$). Мотивация достижения показала значимую положительную связь с гармонией с жизнью ($\rho = 0,263, p < 0,05$). А мотивация саморазвития оказалась связана с осознанностью жизни ($\rho = 0,266, p < 0,05$) и активностью жизненной позиции ($\rho = 0,327, p < 0,05$).

Интересно, что интроецированная ($\rho = -0,313, p < 0,05$) и экстернальная ($\rho = -0,280, p < 0,05$) типы учебной мотивации показали значимую отрицательную связь со шкалой «Гармония с жизнью», которая отражает ощущение аутентичности собственной жизни. Получается, что для студентов, обучающихся из ощущения стыда и долга или вынужденности, характерно ощущение «неадекватности проживаемой жизни самому себе», несоответствия жизни самоощущению ее «своей».

Вера в свободу и академическая мотивация. Вера в свободу человека – это вера в то, что человек способен преодолевать любые препятствия, принимать решения и нести ответственность за них, и вера в свободу воли: способность без принуждения делать выбор. Вера в непредсказуемость, напротив, отражает те воззрения, согласно которым будущее невозможно предвидеть и жизнь управляется случайностями и удачей. Значимые корреляции аспектов Шкалы академической мотивации и опросника «Вера в свободу/детерминизм» отражены в таблице 4.

Таблица 4

Значимые корреляции шкал опросника ШАМ и шкал опросника «Вера в свободу/детерминизм»

Шкалы опросника ШАМ		Шкалы опросника «Вера в свободу/детерминизм»	Spearman's rho	p
Познавательная мотивация	–	Непредсказуемость	–0,321	0,010
Интроецированная мотивация	–	Свобода	–0,251	0,046
Интроецированная мотивация	–	Непредсказуемость	0,261	0,037

Интроецированная мотивация показала отрицательную связь с верой в свободу ($\rho = -0,221, p < 0,05$) и положительную с верой в непредсказуемость ($\rho = 0,261, p < 0,05$). Познавательная же мотивация показала только отрицательную связь с верой в непредсказуемость ($\rho = -0,321, p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Внутренняя мотивация (познавательная мотивация, мотивация достижения и мотивация саморазвития, согласно (Гордеева, Сычев, Осин, 2014)) **связана с общей субъектностью личности.**

Субъектность связана со внутренней мотивацией поведения (Иванова, 2014) и студенческой автономностью (Klemenčič, 2017) – способностью студента нести ответственность за процесс и результаты обучения, которая является составляющей внутренней учебной мотивации (Гордеева, Сычев, Осин, 2014). Вообще, сами проявления внутренней мотивации схожи с проявлениями субъектности: целеполагание, автономия, активность, возможность осознанного выбора (Гордеева, Сычев, Осин, 2014), и субъектности (Петровский, 2021; Реан, 2021; Гусакова, 2015). Субъект стремится к развитию (Петровский, 2021), как и студент, движимый познавательной мотивацией; субъект самостоятелен в формировании и высказывании собственного мнения (Капцов и Колесникова, 2018), как и студент, движимый мотивацией саморазвития. Наши результаты согласуются с исследованием субъектной позиции и учебной мотивации у младших школьников (Цой и Кулагина, 2022).

Мотивация достижения имеет наибольшую связь с таким компонентом субъектности, как активность. Способность и желание преодолевать свои возможности – это и характеристики субъектности (Винокурова, 2013; Code, 2020), и основные составляющие мотивации достижения (Гордеева, Сычев, Осин, 2014). Активность – это сред-

ство, благодаря которому внутренние проявления субъектности реализуются в среде (Захарова и Вилкова, 2020), и в случае с мотивацией достижения активность – единственное средство реализации побуждений (Гордеева, 2022).

Интроецированная академическая мотивация отрицательно связана со шкалой «Свобода выбора» и шкалой «Способность к рефлексии». Интроецированная мотивация – это учебная мотивация из «присвоенных правил и требований, связанных с чувствами вины и стыда, побуждающих действовать так, а не иначе» (Гордеева и др., 2017, с. 65). Закономерно, что при принятии «чужих» правил, укрепленных достаточно трудно переносимыми и интенсивными чувствами, какими являются вина и стыд, вера в свободу выбора будет нарушена; интроецированная мотивация, по нашему мнению, изначально связана с нарушением активности студента, и, как следствие, с нарушением его субъектности. Активность студента, которая проявляется в его возможности выбирать и самостоятельно определять цели деятельности, в случае с присвоением интроецированной мотивации нарушается, так как студенту приходится следовать не собственному выбору, а «присвоенному» извне. Рефлексия же, выступая «внутренней честностью», может выступать формой защиты студента от признания факта интроекции: факта, что основная часть его жизни сейчас (обучение в университете) не является его выбором. Данные предположения, конечно, больше связаны с идеями гештальт-терапии (интроецированная мотивация, в таком случае, будет базироваться на механизме регуляции границы контакта – интроекции) (Перлз, 1996), но и исследования свидетельствуют о отрицательной связи интроецированной мотивации и проявлений субъектности (Цой и Кулагина, 2022).

Экстернальная мотивация связана с низкой способностью к рефлексии. Экстернальная мотивация, связанная с продолжением учебы из ощущения «вынужденности», в целом связана с объектной позицией, как отмечают (Цой и Кулагина, 2022); объектная позиция не предполагает рефлексивного осмысления опыта. Более того, (Корешникова и Авдеева, 2022) отмечали, что внешние типы мотивации (к которым относится экстернальная), отрицательно связаны со способностью студентов к критическому анализу и рассмотрению информации, и укрепление преподавателем внешней мотивации будет в дальнейшем только снижать способность студентов критически мыслить. И, поскольку субъектная позиция поддерживает ощущение целостности жизненного опыта (Петровский, 2021; Фоминых, 2024), объектность «раздрабливает его»: объектность студентов в академической среде снизит и степень присутствия, и ощущение согласованности жизни внутреннему опыту (что было также получено в наших результатах: экстернальная учебная мотивация отрицательно связана с гармонией с жизнью). Здесь мы отметим важность поддержания преподавателем субъектности у студентов.

Студентам, для которых экстернальный тип мотивации является доминирующим, характерно снижение степени осознанного присутствия. Аналогично с предыдущим пунктом, объектная позиция, принимаемая личностью – это позиция, связанная с пассивным восприятием информации, низкой ответственностью за результат обучения, стремлением к минимизации усилий. Мы заключаем, что осознанное присутствие студентов с экстернальным типом учебной мотивации на занятиях будет нарушено: для таких студентов будут характерны фаббинг, отвлечение, «замыленность» восприятия и отсутствие вовлеченности в образовательный процесс, что, в целом, соотносится с описанием сущности экстернальной мотивации (Гордеева и др., 2017).

Внутренние типы учебной мотивации связаны с активностью жизненной позиции, осознанностью жизни и гармонией с жизнью:

- познавательная мотивация оказалась положительно связана с активностью жизненной позиции личности, осознанностью жизни и гармонией с жизнью;
- мотивация достижения показала значимую положительную связь с гармонией с жизнью;
- мотивация саморазвития оказалась связана с осознанностью жизни и с активностью жизненной позиции.

Закономерно, что студенты, движимые внутренней мотивацией (интересом, желанием познавать, достигать, совершенствоваться и пр.), будут более вовлечены в образовательный процесс – а принимая во внимание тот факт, что университет является практически основной средой, где студенты проводят время (что особенно характерно для нашего исследования, где большинство выборки являются студентами 1 и 2 курсов), эта вовлеченность и получение удовольствия от процесса обучения, которое занимает достаточно много времени, будут являться важными факторами поддержания психологического благополучия (Medlicott et al., 2021) и способствовать поддержанию ощущения гармонии с жизнью.

Интроецированная и экстернальная типы учебной мотивации показали значимую отрицательную связь со шкалой «Гармония с жизнью». Данный пункт является антитезой предыдущему: нахождение в учебной среде «не по своей воле» будет способствовать ощущению жизни как не своей, незначимой и раздробленной; это также связано и с «объектностью», рассмотренной выше.

Интроецированная мотивация показала отрицательную связь с верой в свободу и положительную с верой в непредсказуемость. Вера в возможность человека совершать свободный выбор – характеристика субъектности (Винокурова, 2013; Реан, 2021). А согласно концепту Д. А. Леонтьева (Моспан и Леонтьев, 2021), вера в непредсказуемость отрицательно связана с осмысленностью жизни, ее осознанностью, рефлексией (что является проявлениями субъектности). Более того, вера в непредсказуемость снижает эмоциональную насыщенность и полноту жизни. Этот результат дополняет характеристику интроецированной мотивации, подчеркивая ее связь с «объектностью».

Познавательная мотивация показала отрицательную связь с верой в непредсказуемость. Аналогично предыдущему пункту, данный результат вносит вклад в рассмотрение связи субъектности и внутренней мотивации; однако остается неясным, почему иные типы мотивации не показали значимых связей с верой в свободу.

Субъектность и субъектную активность называют высшими проявлениями личности (Винокурова, 2013; Bandura, A., 2018), и, согласно нашим результатам, повышение уровня субъектности в образовательном процессе будет связано с укреплением внутренней учебной мотивации у студентов.

Заключение. Итак, по результатам нашего исследования на выборке 65 студентов, обучающихся на 1–3 курсах гуманитарных специальностей, субъектность и ее отдельные аспекты (такие как активность, рефлексия и пр.) оказались положительно связаны с внутренней академической мотивацией (познавательной, достижения и саморазвития), гармонией с жизнью, верой в свободу и осознанным присутствием. Отрицательные связи субъектности были найдены для внешних типов учебной мотивации: интроецированной и экстернальной.

Список литературы

- Вачков, И. В. (2014). Полисубъектное взаимодействие в образовательной среде. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 36–50.
- Волкова, Е. Н., Беляева, С. И., Васильева, С. В., Кошелева, А. Н., Микляева, А. В., & Хороших, В. В. (2023). *Субъективные факторы психологического благополучия одаренных подростков: учебно-методическое пособие*. РГПУ им. Герцена.
- Выготский, Л. С. (1999). *Мышление и речь*. Лабиринт.
- Гордеева, Т. (2022). *Психология мотивации достижения*. Litres.
- Гордеева, Т. О., Сычев, О. А., & Осин, Е. Н. (2014). Опросник «Шкалы академической мотивации». *Психологический журнал*, 4.
- Гордеева, Т. О., Сычев, О. А., Гижицкий, В. В., & Гавриченко, Т. К. (2017). Шкалы внутренней и внешней академической мотивации школьников. *Психологическая наука и образование*, 22(2), 65–74. <https://doi.org/10.17759/pse.2017220206>
- Гусакова, М. А. (2015). Феномен субъектности в теории и практике педагогики. *Педагогическое образование в России*, 4, 90–95.
- Захарова, У. С., & Вилкова, К. А. (2020). Субъектность студентов в условиях очного и дистанционного обучения: взгляд преподавателей. *Современная зарубежная психология*, 9(3), 87–96.
- Иванова, В. А. (2014). Мотивация в структуре субъектности. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 22(13 (184)), 334–339.
- Капцов, А. В., & Колесникова, Е. И. (2018). Становление субъектности студентов в вузе в аспекте компетентностного подхода. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология*, 1(23), 16–33.
- Корешникова, Ю. Н., & Авдеева, Е. А. (2022). Заинтересовать нельзя заставить. Роль академической мотивации и стилей преподавания в развитии критического мышления студентов. *Вопросы образования*, 3, 36–66.
- Кузьмина, Е. (2007). *Психология свободы*. Питер.
- Леонтьев, Д. А., & Шильманская, А. Е. (2019). Жизненная позиция личности: от теории к операционализации. *Вопросы психологии*, 1, 90–100.
- Митина, О. В., Леонтьев, Д. А., Александрова, Л. А., Костенко, В. Ю., & Кошелева, Н. В. (2021). Осознанность в структуре саморегуляции: структура и психодиагностические возможности методики оценки осознанного присутствия (МООП). *Психологические исследования*, 76.
- Моспан, А. Н., & Леонтьев, Д. А. (2021). Апробация и валидизация методики веры в свободу/детерминизм. *Психология. Журнал ВШЭ*, 1.
- Петровский, В. А. (2021). Субъектность Я в персонологической ретроспективе. *Мир психологии*, 1–2, 174–193.
- Реан, А. А. (2021). Свобода: ответственность, негативизм, забота. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 83–101.
- Рубинштейн, С. Л. (2012). *Человек и мир*. Питер.
- Фоминых, Е. С. (2024). Психологические индикаторы субъектности жизненной позиции. *Российский психологический журнал*, 21(1), 254–266.
- Цой, Л. В., & Кулагина, И. Ю. (2022). Соотношение внешней мотивации и субъектной позиции в учебной деятельности младших школьников. *Психолого-педагогические исследования*, 14(1), 3–16. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2022140101>
- Bandura, A. (2018). Toward a psychology of human agency: Pathways and reflections. *Perspectives on Psychological Science*, 13(2), 130–136.
- Brown, K. W., & Ryan, R. M. (2003). The benefits of being present: Mindfulness and its role in psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 84.
- Code, J. (2020). Agency for learning: Intention, motivation, self-efficacy and self-regulation. *Frontiers in education*, 5.
- JASP Team (2025). JASP (Version 0.19.3) [Computer software].
- Klemenčič, M. (2017). From student engagement to student agency: Conceptual considerations of European policies on student-centered learning in higher education. *Higher Education Policy*, 30(1), 69–85.

Leggett, W. (2022). Can mindfulness really change the world? The political character of meditative practices. *Critical Policy Studies*, 16(3), 261–278.

Medlicott, E., Phillips, A., Crane, C., Hinze, V., Taylor, L., Tickell, A., ... & Kuyken, W. (2021). The mental health and wellbeing of university students: Acceptability, effectiveness, and mechanisms of a mindfulness-based course. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(11), 6023.

Molla, T., & Nolan, A. (2020). Teacher agency and professional practice. *Teachers and Teaching*, 26(1), 67–87.

Paulhus, D. L., & Carey, J. M. (2011). The FAD-Plus: Measuring lay beliefs regarding free will and related constructs. *Journal of Personality Assessment*, 93(1), 96–104. <https://doi.org/10.1080/00223891.2010.528483>

Sumell, A. J., Chiang, E. P., Koch, S., Mangeloja, E., Sun, J., & Wu, J. P. (2021). A cultural comparison of mindfulness and student performance: Evidence from university students in five countries. *International Review of Economics Education*, 37, 100213.

References

Bandura, A. (2018). Toward a psychology of human agency: Pathways and reflections. *Perspectives on Psychological Science*, 13(2), 130–136.

Brown, K. W., & Ryan, R. M. (2003). The benefits of being present: Mindfulness and its role in psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 84.

Code, J. (2020). Agency for learning: Intention, motivation, self-efficacy and self-regulation. *Frontiers in education*, 5.

Gordeeva, T. (2022). *The psychology of achievement motivation*. Litres. (In Russ.)

Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., & Osin, E. N. (2014). The Academic Motivation Scales questionnaire. *Psychological Journal*, 4. (In Russ.)

Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., Gizhitsky, V. V., & Gavrichenkova, T. K. (2017). Scales of intrinsic and extrinsic academic motivation of schoolchildren. *Psychological Science and Education*, 22(2), 65–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2017220206>

Gusakova, M. A. (2015). The phenomenon of subjectivity in the theory and practice of pedagogy. *Pedagogical Education in Russia*, 4, 90–95. (In Russ.)

Fominykh, E. S. (2024). Psychological indicators of subjectivity of life position. *Russian Psychological Journal*, 21(1), 254–266. (In Russ.)

Ivanova, V. A. (2014). Motivation in the structure of subjectivity. *Voprosy journalistiki, pedagogy, linguistics*, 22(13 (184)), 334–339. (In Russ.)

JASP Team (2025). JASP (Version 0.19.3) [Computer software].

Kaptsov, A. V., & Kolesnikova, E. I. (2018). Becoming subjectivity of students in higher education in the aspect of competence-based approach. *Vestnik Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology*, 1(23), 16–33. (In Russ.)

Koreshnikova, Y. N., & Avdeeva, E. A. (2022). Interesting cannot be forced. The role of academic motivation and teaching styles in the development of students' critical thinking. *Issues in Education*, 3, 36–66. (In Russ.)

Klemenčič, M. (2017). From student engagement to student agency: Conceptual considerations of European policies on student-centred learning in higher education. *Higher Education Policy*, 30(1), 69–85.

Kuzmina, E. (2007). *The psychology of freedom*. Piter. (In Russ.)

Leontiev, D. A., & Shilmanskaya, A. E. (2019). Life position of personality: from theory to operationalisation. *Voprosy psichologii*, 1, 90–100. (In Russ.)

Leggett, W. (2022). Can mindfulness really change the world? The political character of meditative practices. *Critical Policy Studies*, 16(3), 261–278.

Medlicott, E., Phillips, A., Crane, C., Hinze, V., Taylor, L., Tickell, A., ... & Kuyken, W. (2021). The mental health and wellbeing of university students: Acceptability, effectiveness, and mechanisms of a mindfulness-based course. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(11), 6023.

Mitina, O. V., Leontiev, D. A., Alexandrova, L. A., Kostenko, V. Y., & Kosheleva, N. V. (2021). Awareness in the structure of self-regulation: structure and psychodiagnostic possibilities of the methodology of conscious presence assessment (MOPA). *Psychological Research*, 76. (In Russ.)

Mospan, A. N., & Leontiev, D. A. (2021). Approval and validation of the belief in freedom/determinism methodology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 1. (In Russ.)

Molla, T., & Nolan, A. (2020). Teacher agency and professional practice. *Teachers and Teaching*, 26(1), 67–87.

Paulhus, D. L., & Carey, J. M. (2011). The FAD-Plus: Measuring lay beliefs regarding free will and related constructs. *Journal of Personality Assessment*, 93(1), 96–104. <https://doi.org/10.1080/00223891.2010.528483>

Petrovsky, V. A. (2021). Subjectivity of the Self in personological retrospect. *The World of Psychology*, 1–2, 174–193. (In Russ.)

Rean, A. A. (2021). Freedom: responsibility, negativism, care. *Vestnik of Moscow University. Series 14. Psychology*, 3, 83–101. (In Russ.)

Rubinstein, S. L. (2012). *Man and the world*. Piter. (In Russ.)

Sumell, A. J., Chiang, E. P., Koch, S., Mangeloja, E., Sun, J., & Wu, J. P. (2021). A cultural comparison of mindfulness and student performance: Evidence from university students in five countries. *International Review of Economics Education*, 37, 100213.

Tsoi, L. V., & Kulagina, I. Y. (2022). Correlation of extrinsic motivation and subject position in the learning activity of junior schoolchildren. *Psychological and Pedagogical Research*, 14(1), 3–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psyedu.2022140101>

Vachkov, I. V. (2014). Polysubject interaction in the educational environment. Psychology. *Journal of the Higher School of Economics*, 11(2), 36–50. (In Russ.)

Volkova, E. N., Belyaeva, S. I., Vasilieva, S. V., Kosheleva, A. N., Miklyaeva, A. V., & Khoroshikh, V. V. (2023). *Subjective factors of psychological well-being of gifted adolescents: an educational and methodological manual*. Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russ.)

Vygotsky, L. S. (1999). *Thinking and speech*. Labyrinth. (In Russ.)

Zakharova, U. S., & Vilkova, K. A. (2020). Students' subjectivity in the conditions of face-to-face and distance learning: the teachers' view. *Modern Foreign Psychology*, 9(3), 87–96. (In Russ.)

Об авторе:

Проненко Евгений Александрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая и консультативная психология», Донской государственный технический университет, (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [ScopusID](#), [SPIN-код](#), heimag@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Evgeny Alexandrovich Pronenko, Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, General and Consultative Psychology Department, Don State Technical University, (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [ScopusID](#), [SPIN-code](#), heimag@yandex.ru

Conflict of Interest Statement: the author declare no conflict of interest.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 10.11.2024

Поступила после рецензирования / Revised 31.01.2025

Принята к публикации / Accepted 01.02.2025

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY

УДК 159.923

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-18-31>

Оригинальное эмпирическое исследование

HBTJPR

Исследование взаимосвязи ассертивности, личностной идентичности и параметров самоотношения у молодых специалистов сферы образования

Анастасия А. Малькова , Владимир Г. Маралов

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация

✉ aaermakova@chsu.ru

Аннотация

Введение. Актуальность проблемы обусловлена значимостью изучения личностных качеств, способствующих адаптации индивида к социуму и к профессиональной деятельности. Одним из таких качеств является ассертивность как способность человека достигать собственных целей, не причиняя вреда другим людям и не нарушая их прав.

Цель. Выявление взаимосвязи ассертивности, личностной идентичности и параметров самоотношения у молодых специалистов сферы образования.

Материалы и методы. В качестве диагностического инструментария использовались опросники на выявление ассертивности В. П. Шейнова и А. С. Девидина, личностной идентичности Л. Б. Шнейдер, самоотношения С. Р. Пантелеева. Обработка результатов проводилась с применением корреляционного анализа, дихотомического и точно-бисериального коэффициентов корреляции Пирсона.

Результаты исследования. Всего в исследовании приняло участие 83 молодых специалиста сферы образования г. Череповца Вологодской области (96,39 % выборки составили женщины) в возрасте до 35 лет, со стажем от 2 месяцев до 3 лет. Выявлена положительная связь низкого уровня ассертивности (пассивные) с двумя статусами идентичности: преждевременной и мораторием идентичности. Также обнаружена положительная связь с такими параметрами самоотношения, как закрытость, внутренняя конфликтность, самообвинение, и отрицательная связь с самоуверенностью, самооценностью, отраженным самоотношением. Средний уровень ассертивности (ассертивные) положительно коррелирует со статусом «достигнутая идентичность», а также с самоуверенностью, самоуправлением и самооценностью, и отрицательно – с внутренней конфликтностью и самообвинением. Высокий уровень ассертивности (настойчивые) положительно связан с гиперидентичностью и закрытостью, как характеристикой самоотношения, и отрицательно – с самоуправлением и самопринятием.

Обсуждение результатов. В ходе обсуждения делается вывод, что наиболее оптимальным для успешного функционирования личности является сочетание среднего уровня ассертивности («ассертивные») с достигнутой идентичностью и позитивными параметрами самоотношения, особенно с самопринятием и самоуправлением, которые дают возможность наиболее полно проявить свою субъектность на основе принятия себя. Полученные результаты могут быть использованы в процессе работы с молодыми специалистами образовательной сферы в период их адаптации образовательной организации.

Ключевые слова: ассертивность, личностная идентичность, статусы идентичности, самоотношение, молодые специалисты

Для цитирования. Малькова, А. А., и Маралов, В. Г. (2025). Исследование взаимосвязи ассертивности, личностной идентичности и параметров самоотношения у молодых специалистов сферы образования. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(1), 18–31. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-18-31>

Study of the Relationship between Assertiveness, Personal Identity and Self-Relationship Parameters in Young Educational Specialists

Anastasia A. Malkova , Vladimir G. Maralov

Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

 aaermakova@chsu.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the problem is due to the importance of studying personal qualities that contribute to the adaptation of an individual to society and professional activity. One of such qualities is assertiveness as a person's ability to achieve their own goals without harming other people and without violating their rights.

Objective. Identify the relationship between assertiveness, personal identity, and self-relationship parameters in young specialists in the sphere of education.

Materials and Methods. The assertiveness questionnaires of V. P. Sheinov and A. S. Devitsyn, L. B. Schneider's personal identity, and S. R. Panteleev's self-relationship questionnaires were used as diagnostic tools. The results were processed using correlation analysis, Pearson's dichotomous correlation coefficients, and point-biserial correlation coefficients.

Results. A total of 83 young specialists in the field of education in Cherepovets, Vologda Oblast (96.39% of the sample were women) aged up to 35 years, with an experience of 2 months to 3 years, participated in the study. A positive connection of the low level of assertiveness (passive) with two identity statuses was revealed: premature identity and moratorium identity. A positive relationship was also found with parameters of self-relationship such as closedness, inner conflict, self-blame, and a negative relationship with self-confidence, self-value, and reflected self-relationship. The medium level of assertiveness (assertive) correlates positively with achieved identity status, as well as self-confidence, self-management, and self-value, and negatively with internal conflict and self-accusation. High level of assertiveness (persistent) is positively correlated with hyperidentity and closedness as a characteristic of self-relationship, and negatively with self-management and self-acceptance.

Discussion. During the discussion, it is concluded that the most optimal for the successful functioning of personality is the combination of the average level of assertiveness ("assertive") with achieved identity and positive parameters of self-relationship, especially self-acceptance and self-management, which give the opportunity to manifest their subjectivity most fully on the basis of self-acceptance. The results obtained can be used in the process of working with young professionals in the educational sphere during their adaptation to the educational organization.

Keywords: assertiveness, personal identity, identity statuses, self-relationship, young professionals

For Citation. Malkova, A. A., & Maralov, V. G. (2025). The study of the relationship between assertiveness, personal identity, and self-relationship parameters in young specialists in the sphere of education. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(1), 18–31. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-18-31>

Введение

Среди многообразия личностных характеристик особую роль играют такие из них, которые дают возможность человеку, с одной стороны, плодотворно решать свои задачи, достигать поставленных целей, а с другой – максимально учитывать интересы других людей, не причиняя им вреда и не нарушая их прав. Одной из таких характеристик является асертивность. К настоящему времени существует множество определений асертивности. Однако, практически все они, так или иначе, возвращаются вокруг этих двух ее составляющих: настойчивости (уверенности) в процессе достижения собственных целей и непричинения вреда другим людям, нарушения их прав (Duckworth & Mercer, 2006). К конкретным проявлениям асертивности обычно относят отстаивание своих личных прав; знание того, как сказать «нет», как начать, продолжить или закончить разговор; как решать конкретные социальные проблемы; как противостоять групповому давлению; как испытывать чувство свободы действия или осуществления выбора; как завоевать признание и поддержку других людей и др. (de Acedo Lizarraga et al., 2003).

Открытие феномена асертивности во второй половине XX века породило множество исследований ее проявления в различных видах деятельности и у разных категорий людей. Изучение асертивности прошло ряд этапов. И. Пенева и С. Мавродиев (Peneva & Mavrodiev, 2013) выделяют четыре основных этапа. На первом этапе (50–70-е годы XX столетия) асертивность рассматривалась как метод борьбы с психическими заболеваниями, такими как тревожность, депрессия и др. На втором этапе (70–80-е годы XX столетия) асертивность изучалась в контексте защиты прав человека. На третьем этапе (80-е годы до конца XX века) асертивность рассматривается как метод саморазвития и самореализации. Четвертый этап (начало XXI века) характеризуется сосредоточением научного интереса психологов на применении асертивных навыков в различных видах деятельности. В настоящее время предпринимается попытка рассмотреть ее с более широких позиций взаимодействия человека

с окружающим миром. В частности, А. Э. Абеле с соавторами (Abele et al., 2016) выделяют две сферы взаимодействия человека с миром, которые они называют «фундаментальными измерениями». Это сфера деятельности (произвольная деятельность) и сфера общения. Каждое из этих измерений имеет два аспекта. Произвольная деятельность может быть охарактеризована такими понятиями, как настойчивость и компетентность, а для общения характерны дружелюбие (теплота) и справедливость (нравственность). Отсюда, ассертивная личность – это личность, у которой все эти четыре характеристики выражены на высоком уровне, то есть она является настойчивой, компетентной, дружелюбной и справедливой.

Особый интерес, на наш взгляд, вызывает теория ассертивности, развиваемая Д. Эймсом, Э. Ли и Э. Вацлавек (Ames et al., 2017), которые предлагают рассматривать ассертивность как оптимальный баланс между целями и устремлениями конкретного индивида и окружающих его людей. По их мнению, результативность деятельности связана с ассертивностью перевернутой U-образной кривой. Результативность деятельности будет низкой либо при очень низкой, либо при очень высокой ассертивности, и оптимальной при умеренном уровне ассертивности. Низкая ассертивность может принимать несколько форм, которые имеют последствия для действующих лиц:

- 1) робость в запросах или претензиях;
- 2) готовность выполнять просьбу или навязывания партнеров;
- 3) избегание или неприятие просьб, конфликтов или переговоров.

Высокая ассертивность проявляется в стремлении во что бы то ни стало добиться своего несмотря на сопротивление партнеров по взаимодействию, что может приводить к тупику. Авторы отмечают также, что высокий уровень ассертивности связан с ухудшением отношений, утратой доверия, и препятствует благополучию, вызывая стресс и различного рода конфликты.

Попытку описать когнитивные механизмы ассертивности предприняли П. Вагос и А. Перейра (Vagos & Pereira, 2016). Согласно их выводам, социальное событие активизирует базовые межличностные убеждения и опыт человека с учетом реакций других людей. Все это способствует возникновению ряда возможных вариантов поведения, из которых выбирается такой, который в наибольшей степени учитывает убеждения самого человека и реакции других людей. Авторами выделяются четыре группы межличностных убеждений (Vagos & Pereira, 2010). Первая группа относится к позитивному представлению о других людях как о поставщиках поддержки, принятия и привязанности. Вторая – к представлению о себе как о человеке, обладающем способностями, необходимыми для управления повседневной жизнью. Третья группа характеризует способность решать проблемы в рамках межличностных контактов. Четвертая группа связана с убеждениями о себе как о привлекательном для определенной категории людей человеке.

На проявления ассертивности оказывает влияние множество факторов, среди которых особая роль принадлежит такому важному психологическому конструкту, как «расширение прав и психологических возможностей» (Azizi et al., 2020). Заслуга в его описании принадлежит Г. М. Шпрейтцер (Spreitzer, 1995), которая выделила в нем четыре компонента:

- 1) смысл – это ценность цели или задачи работы, оцениваемая по отношению к собственным идеалам или стандартам человека;
- 2) компетентность или самоэффективность – вера человека в свою способность умело выполнять действия;
- 3) самоопределение отражает автономию в инициировании и продолжении рабочего поведения и процессов, например, принятие решений о методах работы, темпе и усилиях и т. п.;
- 4) влияние – это степень, в которой человек может влиять на стратегические, административные или операционные результаты на работе.

Ассертивность нужна человеку во многих профессиях, однако особую значимость она приобретает в профессиях социономического (помогающего) типа. Так, например, врачи, психологи, дефектологи, и юристы должны обладать этим качеством. Не является исключением и образовательная сфера, где работает большое число специалистов различного типа: учителя, воспитатели, социальные педагоги, психологи, педагоги дополнительного образования и др. Доказано, что ассертивность педагога не только самоценна как форма оптимального взаимодействия с социальным окружением, в первую очередь с учащимися, но и оказывает позитивное влияние на развитие их социальной компетентности, в том числе и у учеников, склонных к манипулированию и деструктивному самоутверждению (Martínez et al., 2016). В то же время ряд исследователей утверждает, что уровень этого свойства личности у будущих педагогов, психологов, а также у молодых начинающих специалистов сферы образования не так высок, как того требует профессия (Milovanović, 2016; Медведева, 2020). Авторы делают вывод о том, что данное качество личности нужно формировать еще в процессе профессиональной подготовки в вузе и продолжать его развитие на этапе адаптации молодых специалистов к образовательному учреждению. Для этого необходимо иметь четкое представление о структуре ассертивности, а также взаимосвязи ее с другими качествами личности, учитывая специфику контингента молодых специалистов.

В современной психологии проведено значительное число исследований, посвященных взаимосвязи ассертивности с другими характеристиками. В частности, в исследовании В. П. Шейнова (Шейнов, 2018) было по-

казано, что ассертивность положительно коррелирует с экстраверсией, самоуважением, коммуникативными умениями, самоэффективностью, конструктивной агрессивностью и отрицательно – с тревожностью, нейротизмом, депрессией и зависимым стилем поведения. М. Багериан и А. К. Моджамбари (Bagherian & Mojambari, 2016) изучали связь ассертивности с качествами личности, входящими в пятифакторную модель личности. Результаты исследования показывают, что существует отрицательная связь между ассертивностью и нейротизмом и положительная связь между ассертивностью, добросовестностью и экстраверсией. С открытостью опыту и доброжелательностью связей не обнаружено.

Мы предположили, что ассертивность должна быть связана и с более глубинными структурами личности, а именно – с личностной идентичностью. Также мы предполагаем наличие взаимосвязей ассертивности с особенностями отношения человека к себе, такими как самооценność, самопринятие, саморуководство и др. Для такого предположения имеются определенные основания. Например, в исследовании Ю. Н. Гут с соавторами (Гут и др., 2023) было выявлено влияние на профессиональную идентичность старшеклассников такой копинг-стратегии, как ассертивное поведение. Аналогичные выводы делаются С. А. Медведевой, которая на основе эмпирического исследования установила взаимосвязь профессиональной идентичности студентов-психологов с уровнем их ассертивности (Медведева, 2020). В работе Л. Марчук и О. Яциной (Marchuk & Yatsyna, 2020) отмечается, что ассертивное поведение формирует модель самореферентной идентичности, которая ориентирована на свободное, автономное самосозидание и самореализацию в межличностных коммуникациях. Имеются также данные, подтверждающие существование связи между ассертивностью и параметрами самооотношения личности. Так, С. В. Андриевская и Ю. И. Телушкина (Андриевская и Телушкина 2019) в своей работе выявили взаимосвязь ассертивности студентов с такими показателями самооотношения, как самоуважение, аутосимпатия, ожидаемое отношение других, самоуверенность, самопринятие и др.

Исходя из сказанного, **цель** настоящего исследования состояла в выявлении характера взаимосвязей ассертивности с личностной идентичностью и параметрами самооотношения молодых специалистов сферы образования. В качестве *гипотез* выступили следующие предположения:

1. Молодые специалисты сферы образования с различными уровнями ассертивности («пассивные», «ассертивные», «настойчивые») должны различаться доминирующими статусами личностной идентичности:

а) в группе респондентов с низким уровнем ассертивности («пассивные») может преобладать преждевременная идентичность и мораторий идентичности;

б) в группе респондентов со средним уровнем ассертивности («ассертивные») должна преобладать достигнутая идентичность;

в) в группе испытуемых с высокой ассертивностью («настойчивые») может доминировать гиперидентичность;

2. Должна выявиться положительная или отрицательная связь уровней ассертивности с параметрами самооотношения личности (самоуверенностью, саморуководством, самооценностью и др.):

а) у респондентов с преобладанием низкого уровня ассертивности («пассивные») должна выявиться отрицательная связь с параметрами самооотношения, кроме закрытости, внутренней конфликтности и самообвинения;

б) у респондентов со средним уровнем ассертивности («ассертивные»), наоборот, должны выявиться положительные связи с параметрами самооотношения, кроме тех же закрытости, внутренней конфликтности и самообвинения;

в) у респондентов с высоким уровнем ассертивности («настойчивые») могут быть обнаружены взаимосвязи различного характера.

Материалы и методы

В качестве диагностического инструментария выступили:

1) Сокращенная версия опросника ассертивности В. П. Шейнова и А. С. Девицына;

2) Методика выявления личностной идентичности Л. Б. Шнейдер;

3) Методика изучения самооотношения С. Р. Пантелеева.

Сокращенная версия опросника ассертивности В. П. Шейнова и А. С. Девицына использовалась с целью диагностики ассертивности (Шейнов и Девицын, 2021). Опросник состоит из 23 утверждений, предусматривающих по четыре варианта ответа: всегда, часто, редко, никогда. На основе получаемых результатов можно выделить три группы людей, различающиеся по уровню выраженности ассертивности: с низким уровнем – «пассивные», со средним уровнем – «ассертивные», с высоким уровнем – «агрессивные». В настоящем исследовании не было выявлено связи ассертивности с агрессивностью, поэтому третью группу мы не могли отнести к агрессивным и назвали ее «настойчивые».

Методика изучения личностной идентичности Л. Б. Шнейдер (Шнейдер, 2023) состоит из 60 слов ассоциативного ряда, которые образуют две группы: слова с направленностью на «живое» и слова с направленностью на «мертвое». Конечный подсчитываемый параметр соответствует значению показателя «личностная идентичность» и является равной количеству выбранных слов с направленностью на «живое», делённому на количество слов с направленностью на «живое» и «мертвое», и умноженному на 100. Полученные после применения фор-

мулы значения образуют пять статусов личностной идентичности: диффузная идентичность, преждевременная идентичность, мораторий, достигнутая идентичность, гиперидентичность. Диффузная идентичность представляет собой состояние, в котором отсутствуют стабильные цели, ценности и убеждения, а также инициатива по их формированию. Преждевременная идентичность формируется в тех случаях, когда человек фактически не делает независимых выборов в своей жизни. Мораторий идентичности – это состояние кризиса идентичности, когда человек пытается найти из него выход. Достигнутая идентичность – совокупность личностно значимых целей, ценностей, убеждений, обеспечивающая чувство направленности и осмысленности жизни. Гиперидентичность – может проявляться либо в чрезмерной настойчивости и высоком самомнении о себе, либо, наоборот, в стремлении к принижению своих достоинств.

Методика изучения самоотношения С. Р. Пантелеева (Пантелеев, 1993) предназначена для выявления структуры самоотношения личности, а также измерения выраженности отдельных компонентов самоотношения: закрытости, самоуверенности, саморукводства, отраженного самоотношения, самооценности, самопривязанности, внутренней конфликтности и самообвинения. Опросник состоит из 110 утверждений, к которым необходимо выразить свое согласие или несогласие. Шкалы соответствуют вышеперечисленным компонентам самоотношения.

Обработка полученных данных проводилась с использованием методов корреляционного анализа. Согласно методике В. П. Шейнова и А. С. Девячина, параметр «ассертивность» представляет собой шкалу, низкие, средние и высокие показатели которой характеризуют разные качественные особенности проявлений ассертивности от пассивности (низкий уровень) до ассертивности (средний уровень) и до агрессивности (высокий уровень), которая в нашем исследовании заменяется настойчивостью. Поэтому каждый уровень был принят нами за единицу, а все остальные уровни – за ноль. Аналогичным образом, каждый статус личностной идентичности принимался за единицу, а все остальные – за ноль. В результате были получены дихотомические шкалы, что дало возможность использовать дихотомический коэффициент корреляции Пирсона. Все параметры самоотношения измерялись по обычной десятибалльной шкале в результате перевода «сырых» баллов по методике С. Р. Пантелеева в шкалу стенов. При выявлении корреляции уровней ассертивности (дихотомическая шкала), статусов идентичности (дихотомическая шкала) с параметрами самоотношения (десятибалльная шкала) использовался точечно-бисериальный коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты исследования

В исследовании приняло участие 83 молодых специалиста сферы образования (учителя, воспитатели, педагоги дополнительного образования), 96,39 % которых составили женщины в возрасте от 19 до 35 лет (средний возраст 23,9 лет, $SD = 3,5$), со стажем работы от 2 мес. до 3 лет (средний стаж 1,4 года, $SD = 0,83$). Диагностика респондентов проводилась с мая по июль 2024 года на базе образовательных учреждений г. Череповца Вологодской области. Обратимся к общей характеристике выборки испытуемых по всем изучаемым параметрам (таблица 1).

Как видно из таблицы 1, по уровням выраженности ассертивности респонденты распределились практически в соответствии с законом о нормальном распределении. 24,1 % (20 чел.) составили группу с высоким уровнем ассертивности (настойчивые), 45,78 % (38 чел.) – группу со средним уровнем ассертивности (собственно ассертивные) и 30,12 % (25 чел.) – группу с низким уровнем ассертивности (пассивные). Далее в таблице представлен блок качеств, характеризующих особенности самоотношения личности. Если проводить анализ по высокому уровню выраженности, то первую позицию занимают качества, значения которых варьируются в пределах от 42,17 % (35 чел.) до 46,99 % (39 чел.), такие как самоуверенность, отраженное самоотношение, самооценность (все по 42,17 %), саморукводство (46,99 %). Вторую позицию занимают самопринятие (34,94 % или 29 чел.), закрытость (33,74 % или 28 чел.) и самопривязанность (27,71 % или 23 чел.). Ниже других оказались выражены такие качества, как внутренняя конфликтность (14,46 % или 12 чел.) и самообвинение (18,07 % или 15 чел.), что нужно признать в качестве положительного факта. Если попытаться дать оценку полученным данным, то в целом преобладают средние баллы. Конечно, хотелось бы иметь более впечатляющие результаты по параметрам саморукводства (проявление субъектности личности), самопринятия как базовой характеристики самоотношения личности. С другой стороны, по этим же показателем относительно невысоко количество респондентов с низким процентом их выраженности. Например, с низким саморукводством выявлено всего 6,02 % (5 чел.), а с низким самопринятием – 10,84 % (9 чел.).

В третьей части таблицы представлены данные о статусах личностной идентичности. С диффузной идентичностью не было обнаружено ни одного молодого специалиста, с преждевременной идентичностью оказалось 13,25 % (11 чел.), с мораторием идентичности (состояние кризиса идентичности) – 12,05 % (10 чел.), с достигнутой идентичностью (оптимальный статус идентичности) – 45,78 % (38 чел.) и с гиперидентичностью – 28,92 % (24 чел.). Как видим, большинство обследованных молодых специалистов обладает оптимальным уровнем идентичности, но таких, тем не менее, только 45,78 %, у остальных статусы личностной идентичности далеки от совершенства.

С целью выявления взаимосвязей ассертивности со статусами личностной идентичности и с параметрами самоотношения индивида был проведен корреляционный анализ с использованием дихотомического и точечно-бисериального коэффициентов корреляции Пирсона. Предварительно, рассмотрим результаты исследования взаимосвязей статусов личностной идентичности с параметрами самоотношения (рисунок 1).

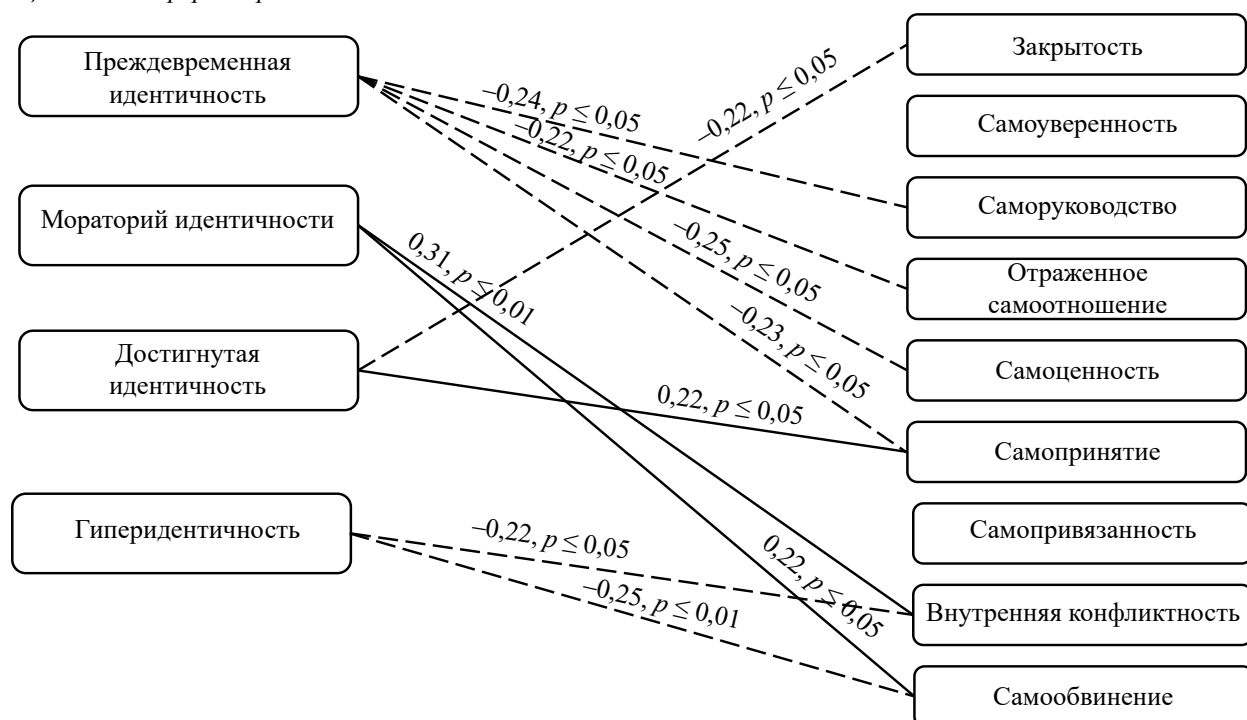
Таблица 1

Общая характеристика выборки испытуемых по всем изучаемым параметрам

Исследуемые параметры личности		Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Всего:		
Ассертивность	<i>n</i>	20	38	25	83		
	%	24,1	45,78	30,12	100		
Закрытость	<i>n</i>	28	54	1	83		
	%	33,74	65,06	1,2	100		
Самоуверенность	<i>n</i>	35	36	12	83		
	%	42,17	43,37	14,46	100		
Саморуководство	<i>n</i>	39	39	5	83		
	%	46,99	46,99	6,02	100		
Отраженное самоотношение	<i>n</i>	35	42	6	83		
	%	42,17	50,6	7,23	100		
Самоценность	<i>n</i>	35	34	14	83		
	%	42,17	40,96	16,87	100		
Самопринятие	<i>n</i>	25	45	9	83		
	%	34,94	54,22	10,84	100		
Самопривязанность	<i>n</i>	23	56	4	83		
	%	27,71	67,47	4,82	100		
Внутренняя конфликтность	<i>n</i>	12	48	23	83		
	%	14,46	57,83	27,71	100		
Самообвинение	<i>n</i>	15	32	36	83		
	%	18,07	38,55	43,38	100		
Статусы личностной идентичности		Диффузная	Преждевременная	Мораторий	Достигнутая	Гиперидентичность	Всего:
	n	0	11	10	38	24	83
	%	0	13,25	12,05	45,78	28,92	100

Рисунок 1

Взаимосвязь статусов личностной идентичности с параметрами самооотношения личности у молодых специалистов сферы образования*

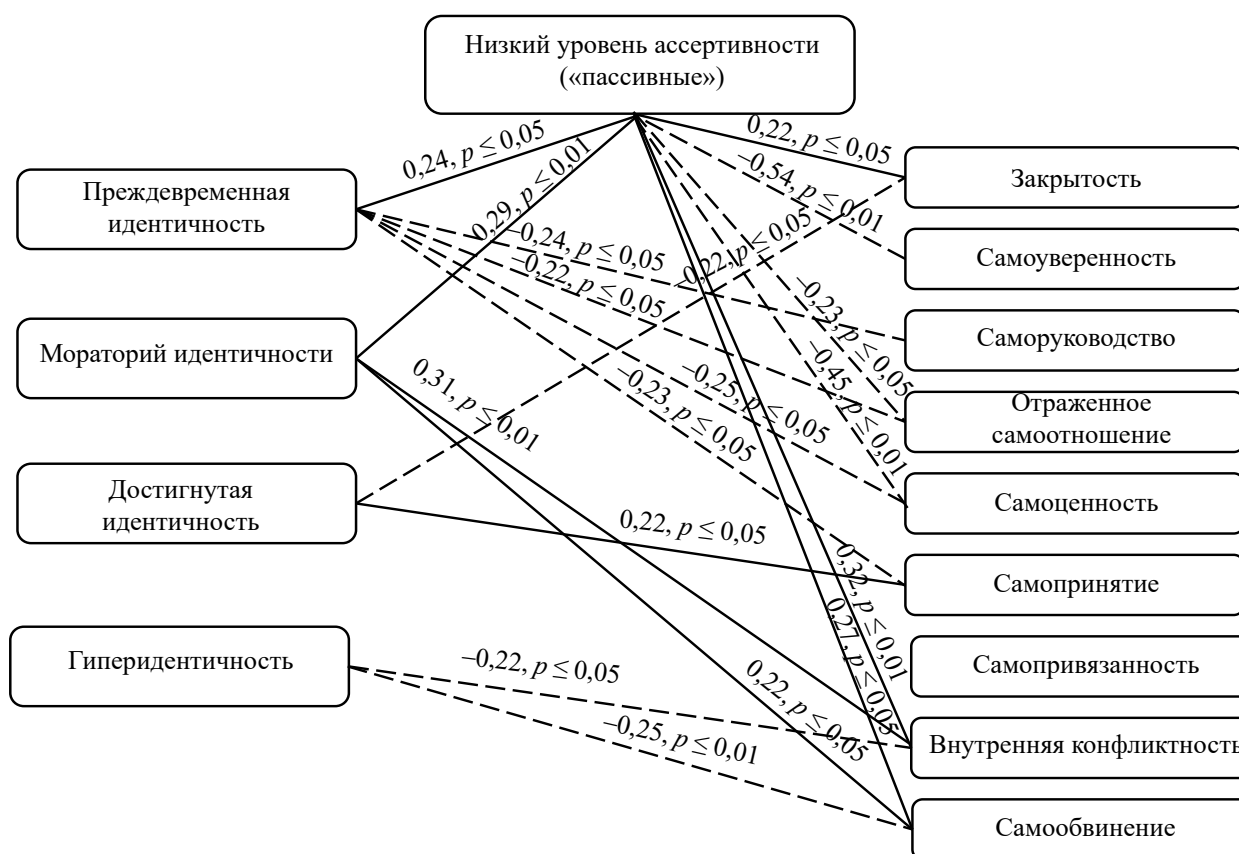
*Примечание: здесь и далее сплошной линией обозначены положительные корреляционные связи, пунктирной – отрицательные

Рисунок 1 хорошо иллюстрирует тот факт, что все статусы личностной идентичности оказались либо положительно, либо отрицательно связаны с параметрами самооотношения. Преждевременная идентичность обнаружила только отрицательные связи с саморуководством ($\varphi = -0,24, p \leq 0,05$), отраженным самооотношением ($\varphi = -0,22, p \leq 0,05$), самооценностью ($\varphi = -0,25, p \leq 0,05$) и самопринятием ($\varphi = -0,23, p \leq 0,05$). Иными словами, молодые специалисты с таким статусом идентичности достаточно низко оценивают себя, считают, что они для других не так привлекательны, как хотелось бы, однако не испытывают по этому поводу особых переживаний. Личностная идентичность со статусом мораторий, наоборот, обнаружила две положительные связи с внутренней конфликтностью ($\varphi = 0,31, p \leq 0,01$) и самообвинением ($\varphi = 0,22, p \leq 0,05$), что еще раз подтверждает ее конфликтный характер. Достигнутая идентичность положительно коррелирует с самопринятием ($\varphi = 0,22, p \leq 0,05$) и отрицательно – с закрытостью ($\varphi = 0,22, p \leq 0,05$). Это оптимальный статус идентичности. Молодые специалисты с достигнутой идентичностью, как правило, принимают себя и открыты другим людям. Наконец, гиперидентичность отрицательно коррелирует с внутренней конфликтностью ($\varphi = -0,22, p \leq 0,05$) и самообвинением ($\varphi = -0,25, p \leq 0,05$), что свидетельствует об отсутствии внутренних противоречий и терзаний, хотя, как будет показано далее, это не совсем так.

Взаимосвязи низкого уровня асертивности (пассивные) со статусами личностной идентичности и параметрами самооотношения отражены на рисунке 2.

Рисунок 2

Взаимосвязь низкого уровня асертивности со статусами идентичности и с параметрами самооотношения личности у молодых специалистов сферы образования

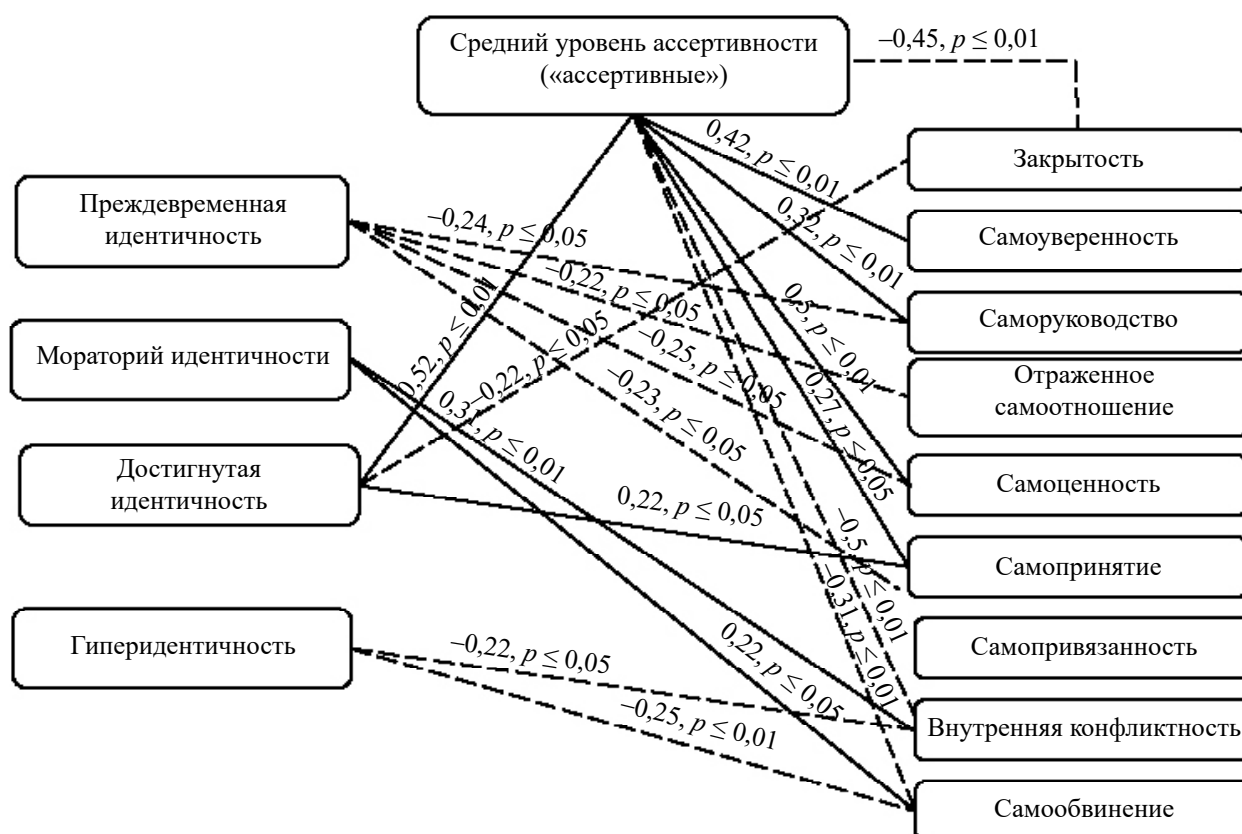
Низкий уровень асертивности («пассивные») (рисунок 2) оказался положительно связан с двумя статусами идентичности: преждевременной идентичностью ($\varphi = 0,24, p \leq 0,05$) и мораторием идентичности ($\varphi = 0,29, p \leq 0,01$). То есть у молодых специалистов этого типа идентичность либо не осознается в достаточной степени, являясь по сути навязанной идентичностью, либо находится в кризисе. Что касается параметров самооотношения, то здесь вырисовывается не очень приглядная картина. Низкий уровень асертивности отрицательно коррелирует с самоуверенностью ($\varphi = -0,54, p \leq 0,01$), отраженным самооотношением ($\varphi = -0,23, p \leq 0,05$), самооценностью ($\varphi = -0,45, p \leq 0,01$) и положительно – с закрытостью ($\varphi = 0,22, p \leq 0,05$), внутренней конфликтностью ($\varphi = 0,32, p \leq 0,01$) и самообвинением ($\varphi = 0,27, p \leq 0,05$). Таким образом, эта категория молодых специалистов достаточно низко оценивает себя, проявляет неуверенность и, как следствие этого, закрыта для других людей, центрирована на своих переживаниях.

В то же время, в зависимости от доминирования того или иного статуса идентичности, выявляются определенные отличия. Так, для респондентов этого типа с преждевременной идентичностью характерны низкое саморуко-

водство, самооценку и отраженное самооотношение, а для респондентов с идентичностью в статусе мораторий на первый план выдвигаются собственные переживания, связанные с внутренней конфликтностью и самообвинением. Иная картина обнаруживается при анализе взаимосвязей среднего уровня асертивности («асертивные») со статусом личностной идентичности и параметрами самооотношения (рисунок 3).

Рисунок 3

Взаимосвязь среднего уровня асертивности со статусами идентичности и с параметрами самооотношения личности у молодых специалистов сферы образования

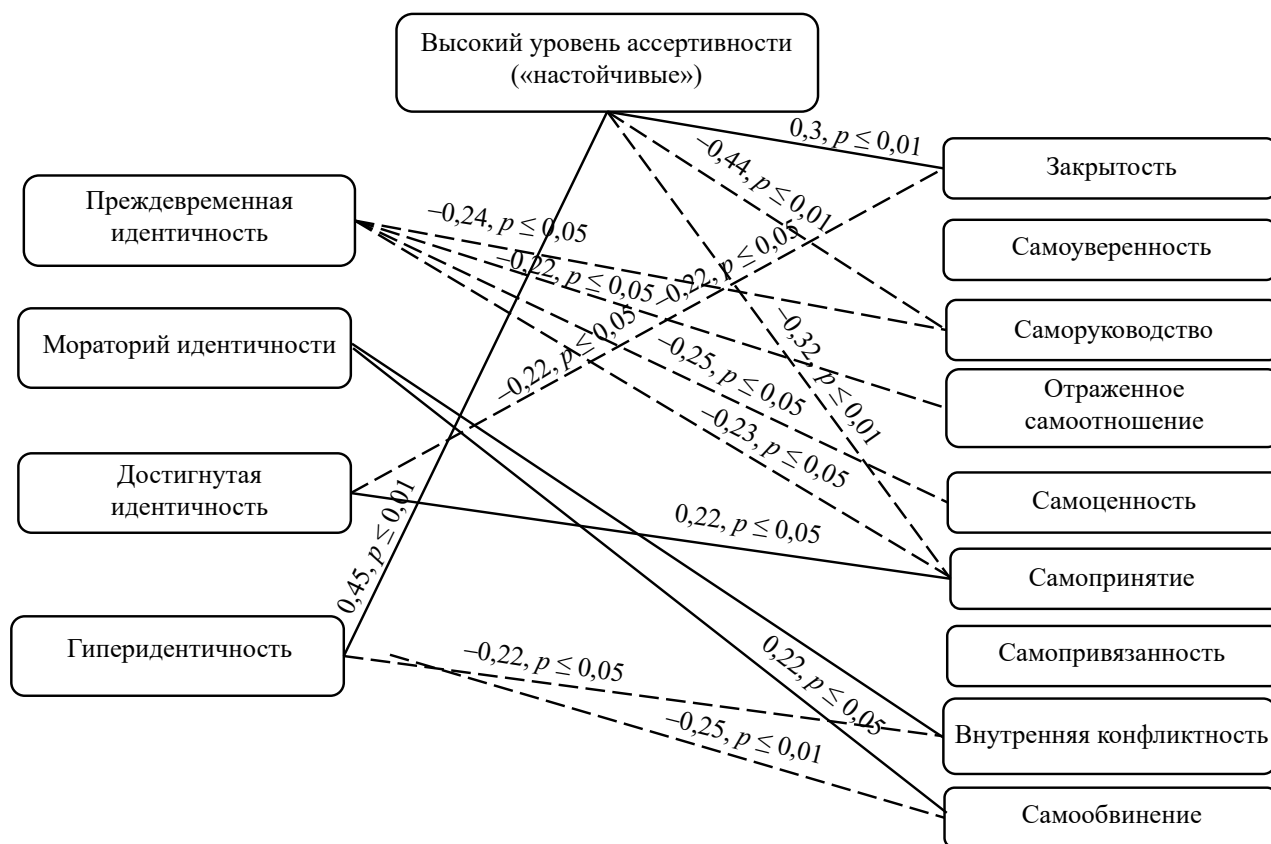
Здесь средний уровень асертивности положительно связан с достигнутой идентичностью (рисунок 3). С большинством параметров самооотношения также обнаруживаются положительные корреляционные связи с самоуверенностью ($\phi = 0,42, p \leq 0,01$), саморуководством ($\phi = 0,32, p \leq 0,01$), самооценкой (наиболее высокий коэффициент корреляции) ($\phi = 0,5, p \leq 0,01$) и с самопринятием ($\phi = 0,27, p \leq 0,05$). С внутренней конфликтностью и самообвинением, наоборот, выявлены отрицательные связи ($\phi = 0,3, p \leq 0,01$ и $\phi = 0,31, p \leq 0,01$, соответственно). Если попытаться выделить только взаимные связи, то легко обнаруживается треугольник между средним типом асертивности, достигнутой идентичностью и самопринятием. Это позволяет сделать вывод о том, что умеренный уровень асертивности, самопринятие и достигнутая идентичность – это те личностные инстанции, которые дают индивиду возможность наиболее успешно реализовать себя в деятельности.

Наконец, обратимся к анализу взаимосвязей повышенного уровня асертивности («настойчивые») со статусами личностной идентичности и параметрами самооотношения (рисунок 4).

Как хорошо видно из рисунка 4, высокий уровень асертивности («настойчивые») положительно коррелирует с идентичностью в статусе «гиперидентичность» ($\phi = 0,45, p \leq 0,01$), а из параметров самооотношения положительная связь выявлена с закрытостью ($\phi = 0,3, p \leq 0,01$), отрицательная – с саморуководством ($\phi = -0,44, p \leq 0,01$) и с самопринятием ($\phi = -0,32, p \leq 0,01$).

Рисунок 4

Взаимосвязь высокого уровня ассертивности со статусами идентичности и с параметрами самоотношения личности у молодых специалистов сферы образования

Обсуждение результатов

Проблема ассертивности и факторов, которые обуславливают ее возникновение, проявления, развитие на разных возрастных этапах и у людей различных профессий постоянно находится в проблемном поле современной психологии. В ряде работ утверждается, что каждая профессия имеет свой профиль ассертивности. Так, например, по результатам исследования М. Добровольской у директоров и полицейских профессиональный профиль ассертивности выражен в следующих измерениях: защита своих прав, удовлетворение своих потребностей, достижение целей (Dobrowolska, 2013). Не является исключением и сфера образования, в которой взаимодействуют педагоги различного уровня, дети, родители, администрация. Ассертивность является желательным качеством личности и учителя, воспитателя, педагога дополнительного образования (Prochnow & Macfarlane, 2010; Pintangindyah et al., 2024), и директора школы (Rofiki et al., 2022), и родителей (Marici et al., 2024).

Концепт ассертивности нередко включается в программы обучения специалистов социоэкономического профиля. В частности, К. В. де Алмейда и Л. Белим (de Almeida & Belim, 2021) разработали компетентностную модель «АСР – ассертивность, ясность и позитивность», овладение которой студентами медицинских учебных заведений способствует существенному улучшению отношений медицинских работников и пациентов. Дж. Чой с соавторами (Choi et al., 2021) также установили, что ассертивность, наряду с эмпатией, способствуют повышению уровня межличностной компетентности студентов-будущих медицинских сестер. В свою очередь, Н. Н. Лепехин с соавторами (Лепехин и др., 2023) доказали, что ассертивность, которая наряду с эмпатией и чувством вины составляет такую черту личности, как терпимость, повышает конфликтную устойчивость студентов, но при высоких значениях способствует избеганию конфликтов.

Что касается взаимосвязи ассертивности, идентичности и самоотношения личности, то на наличие такой связи указывается во многих эмпирических исследованиях, начиная с 70–80-х годов прошлого столетия. В частности, еще в исследованиях М. Перкинса, проведенных в 1980 г. (Perkins, 1980) было доказано, что существует изоморфная взаимосвязь между уровнем развития идентичности и уровнем навыков ассертивного поведения. В современных работах также подчеркивается, что высокий уровень ассертивности способствует становлению самореферентной идентичности (Marchuk & Yatsyna, 2020). В проведенном нами исследовании такая связь была конкретизирована на примере изучения молодых специалистов сферы образования. Низкому уровню ассертивности («пассивные») соответствует преждевременная идентичность и мораторий идентичности, среднему уровню («ассертивные») – достигнутая идентичность, высокому («настойчивые») – гиперидентичность.

Проблема взаимосвязи ассертивности с самосознанием и параметрами самооотношения также активно изучается в современной психологии. Большинство исследований посвящено анализу взаимосвязи ассертивности, самооценки и уверенности (Ach & Pollmann, 2022), в то же время имеются и другие направления, где рассматривается более широкий спектр самооотношения человека. Например, Л. Перселл, Т. Бервик и А. Бейгель (Percell et al., 1974) установили такую взаимосвязь между ассертивностью и самопринятием личности, а Андриевская и Телушкина (2019) доказали, что ассертивность положительно коррелирует с самоуважением, аутосимпатией, ожидаемым отношением других, самоуверенностью и также с самопринятием. В работе Трошихиной и Навдушевич (2023) показывается, что ведущую роль в становлении ассертивности самооотношение личности играет в старшем подростковом возрасте. В настоящем исследовании было выявлено, что такие связи носят дифференцированный характер и могут резко сменить направленность в зависимости от доминирующего уровня ассертивности. Если низкий уровень ассертивности отрицательно коррелирует с самоуверенностью, отраженным самооотношением, самооценностью и положительно – с закрытостью, внутренней конфликтностью и самообвинением, то средний уровень, наоборот, отрицательно коррелирует с внутренней конфликтностью и самообвинением и положительно – с самоуверенностью, саморуководством, самооценностью и самопринятием. При высоком уровне ассертивности («настойчивые») также меняется направленность связей: положительная связь обнаруживается с закрытостью, а отрицательная – с саморуководством и самопринятием.

Наконец, современные исследования не обходят вниманием и взаимосвязи между идентичностью и самооотношением. Работа Е. А. Брызгалина, Ю. Ю. Александровой и Н. С. Пряжниковой (Брызгалин и др., 2023) посвящена изучению проблем профессиональной идентичности. В ней отражено, что на профессиональную идентичность оказывают влияние самоопределение и идентификация, а сама профессиональная идентичность и ее статусы тесно связаны с самосознанием и самооотношением личности. В нашем исследовании были получены статистически значимые корреляционные связи всех статусов личностной идентичности с параметрами самооотношения. Преждевременная идентичность отрицательно коррелирует со значимыми параметрами самооотношения (саморуководством, самооценностью самопринятием), идентичность со статусом мораторий же, наоборот, обнаружила только положительные связи с внутренней конфликтностью и самообвинением, тогда как достигнутая идентичность положительно коррелирует с самопринятием и отрицательно – с закрытостью, а гиперидентичность продемонстрировала отрицательную взаимосвязь с внутренней конфликтностью и самообвинением.

Наиболее ценным результатом настоящего исследования мы считаем установление взаимных связей между всеми тремя изучаемыми характеристиками личности молодого специалиста. С одной стороны, гиперидентичность, как было отмечено ранее, отрицательно связана с внутренней конфликтностью и самообвинением, с другой – высокий уровень ассертивности обнаруживает отрицательную связь с саморуководством и самопринятием. Налицо явное противоречие, однако в действительности противоречия здесь нет. Просто гиперидентичность может проявляться в двух видах. Первый вид характеризуется, как на это указывает Шнейдер (2023), повышенной настойчивостью, упорством при высоком оценивании собственных личностных качеств. Для такой личности не свойственна внутренняя конфликтность и самообвинение. Второй вид, наоборот, не центрирован на себе, стремится быть как все, плывет по течению (низкое саморуководство), но, в то же время, не обременен переживаниями по этому поводу, используя стратегии «привычного функционирования». Следовательно, в работе с первым типом акцент должен быть сделан на формирование адекватного представления о себе и своем месте в структуре социума, в работе со вторым – принятие себя и развитие субъектных свойств, повышение уровня доверия к людям как условия достижения открытости.

Низкий уровень ассертивности («пассивные») может быть связан либо с преждевременной идентичностью, либо с мораторием идентичности. В первом случае и низкий уровень ассертивности, и преждевременная идентичность отрицательно связаны с самооценностью и с отраженным самооотношением. Во втором – низкий уровень ассертивности и мораторий идентичности положительно коррелируют с внутренней конфликтностью и самообвинением. Следовательно, в первом случае в работе с молодыми специалистами нужно обратить внимание на повышение уровня самоуважения, которое приведет одновременно и к повышению уровня отраженного самооотношения, а во втором случае – на помощь в преодолении внутренних противоречий. Средний уровень («ассертивные») связан с достигнутой идентичностью и вместе они положительно коррелируют с самопринятием личности. Этот тип взаимосвязей можно отнести к оптимальному, здесь практически не требуется коррекции, можно лишь рекомендовать обратить внимание на развитие такого параметра самооотношения, как саморуководство, которое дает возможности личности в полной мере проявить свои субъектные свойства.

Таким образом, можно констатировать, что гипотезы нашли свое подтверждение. Было установлено, что каждому уровню ассертивности соответствуют определенные статусы личностной идентичности, и та, и другая личностная характеристика оказались определенным образом связаны с параметрами самооотношения молодых специалистов сферы образования. Ограничения настоящего исследования обусловлены спецификой контингента, в роли которого выступили молодые специалисты сферы образования в возрасте до 35 лет преимущественно женского пола (96,39 %) и со стажем работы не более трех лет. Поэтому все выводы, сделанные в настоящей статье, касаются только этой категории работников образования. Для других категорий могут быть получены результаты, отличные от представленных здесь.

Заключение. На основании всего сказанного можно сделать заключение о том, что ассертивность является важнейшей характеристикой личности молодого специалиста сферы образования, которая развивается и проявляется в тесной связи со становлением личностной идентичности и параметров самоотношения. По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Выявлены три уровня выраженности ассертивности у молодых специалистов сферы образования: низкий («пассивные»), средний («ассертивные»), высокий («настойчивые»), а также четыре статуса личностной идентичности: преждевременная идентичность, мораторий идентичности, достигнутая идентичность, гиперидентичность. Из параметров самоотношения в большей степени оказались выражены саморуководство, самоуверенность, отраженное самоотношение, самооценность, в меньшей степени – самообвинение и внутренняя конфликтность.

2. На основе корреляционного анализа выявлена взаимосвязь низкого уровня ассертивности («пассивные») с преждевременной идентичностью и мораторием идентичности, среднего уровня («ассертивные») – с достигнутой идентичностью, высокого уровня («настойчивые») – с гиперидентичностью.

3. Установлены положительные и отрицательные связи уровней ассертивности с параметрами самоотношения: низкий уровень («пассивные») положительно коррелирует с закрытостью, внутренней конфликтностью, самообвинением, и отрицательно – с самоуверенностью, самооценностью, отраженным самоотношением; средний уровень («ассертивные») положительно коррелирует с самоуверенностью, саморуководством и самооценностью, и отрицательно – с внутренней конфликтностью и самообвинением; высокий уровень («настойчивые») положительно связан с закрытостью, и отрицательно – с саморуководством и самопринятием.

3. Выявлены взаимосвязи, которые объединяют все три исследованные характеристики личности: ассертивность, идентичность и параметры самоотношения:

а) низкий уровень ассертивности, преждевременная идентичность и отрицательная связь их с самооценностью и с отраженным самоотношением;

б) низкий уровень ассертивности, мораторий идентичности и положительная их связь с внутренней конфликтностью и самообвинением;

в) средний уровень ассертивности, достигнутая идентичность и положительная их связь с самопринятием личности. Эту взаимосвязь мы признаем оптимальной;

г) высокий уровень ассертивности и гиперидентичность: совместной связи их с параметрами самоотношения не выявлено, гиперидентичность отрицательно коррелирует с внутренней конфликтностью и самообвинением, а связанная с ней ассертивность (высокий уровень) положительно коррелирует с закрытостью и отрицательно – с саморуководством и самопринятием, что свидетельствует о существовании двух разновидностей гиперидентичности.

Полученные результаты могут быть использованы в процессе работы с молодыми специалистами, ответственными за адаптацию лиц (наставники), а также психологическими службами управлений образования или конкретных образовательных учреждений.

Список литературы

Андриевская, С. В., и Телушкина, Ю. И. (2019). Ассертивность и положительное самоотношение личности как необходимые условия психического здоровья. *Аспирант*, 5(47), 27–30.

Брызгалин, Е., Александрова, Ю., и Пряжников, Н. (2024). Теоретико-психологический анализ современных представлений о профессиональной идентичности: общие принципы. Часть 1. *Психологические исследования*, 16(92), 7. <https://doi.org/10.54359/ps.v16i92.1495>

Гут, Ю. Н., Кабардов, М. К., Жамбеева, З. З., Кошелева, Ю. П., и Груша, А. В. (2023). Эмоционально-личностные детерминанты профессиональной идентичности старшеклассников. *Психологическая наука и образование*, 28(1), 66–84. <https://doi.org/10.17759/pspe.2023280103>

Лепехин, Н. Н., Круглов, В. Г., Круглова, М. А., Тихомирова, Н. В., и Яшина, М. А. (2023). Диспозиционные предикторы конфликтоустойчивости студентов. *Социальная психология и общество*, 14(1), 92–110. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140106>

Медведева, С. А. (2020). Ассертивность студентов-психологов разных форм и курсов обучения. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 9(3(32)), 369–372. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0903-0087>

Пантилеев, С. Р. (1993). *Методика исследования самоотношения*. Смысл.

Трошихина, Е. Г., и Навдушевич, Г. В. (2023). Личностные предикторы ассертивности в подростковом и раннем юношеском возрасте. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 29(3), 62–68. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-3-62-68>

Шейнов, В. П. (2018). Взаимосвязи ассертивности с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 15(2), 147–161. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-2-147-161>

Шейнов, В. П., и Девицын, А. С. (2021). Сокращенная версия опросника ассертивности. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, 4, 557–565. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-70>

Шнейдер, Л. Б. (2023). *Психология идентичности: учебник и практикум для вузов*. Юрайт.

- Abele, A. E., Hauke, N., Peters, K., Louvet, E., Szymkow, A., & Duan, Y. (2016). Facets of the Fundamental Content Dimensions: Agency with Competence and Assertiveness-Communion with Warmth and Morality. *Frontiers in Psychology*, 7, 1810. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01810>
- Ach, J. S., & Pollmann, A. (2022). Self-Confidence, Self-Assertiveness, and Self-Esteem: The Triple S Condition of Personal Autonomy. In: J. F. Childress & M. Quante (Eds.) *Thick (Concepts of) Autonomy. Philosophical Studies Series* (pp. 53–65). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-80991-1_4
- Ames, D., Lee, A., & Wazlawek, A. (2017). Interpersonal assertiveness: Inside the balancing act. *Social and Personality Psychology Compass*, 11(6), e12317. <https://doi.org/10.1111/spc3.12317>
- Azizi, S. M., Heidarzadi, E., Soroush, A., Janatolmakan, M., & Khatony, A. (2020). Investigation the correlation between psychological empowerment and assertiveness in nursing and midwifery students in Iran. *Nurse education in practice*, 42, 102667. <https://doi.org/10.1016/j.nepr.2019.102667>
- Bagherian, M., & Mojambari, A. K. (2016). The relationship between Big Five personality traits and assertiveness. *Tendenzen*, 25(3), 111–119.
- Choi, J., Yoon, H. K., Kim, D., Kang, M., Park, M., Um, S., Kim, Y., & Kim, E. (2021). Factors affecting nursing students' interpersonal competence: a focus on self-affirmation and empathy. *Journal of the Korean academy of nursing fundamentals*, 28(2), 218–225. <https://doi.org/10.7739/jkafn.2021.28.2.218>
- De Acedo Lizarraga, M. L. S., Ugarte, M. D., Cardelle-Elawar, M., Iriarte, M. D., & De Acedo Baquedano, M. T. S. (2003). Enhancement of self-regulation, assertiveness, and empathy. *Learning and Instruction*, 13(4), 423–439. [https://doi.org/10.1016/S0959-4752\(02\)00026-9](https://doi.org/10.1016/S0959-4752(02)00026-9)
- De Almeida, C. V., & Belim, C. (2021). Health professionals' communication competences as a light on the patient pathway: the assertiveness, clarity, and positivity (ACP) model. *International Journal of Applied Research on Public Health Management (IJARPHM)*, 6(1), 14–29. <https://doi.org/10.4018/IJARPHM.2021010102>
- Duckworth, M. P., & Mercer, V. (2006). Assertiveness Training. In J. E. Fisher & W. T. O'Donohue (Eds.) *Practitioner's guide to evidence-based psychotherapy* (pp. 80–92). Springer New York. https://doi.org/10.1007/978-0-387-28370-8_7
- Dobrowolska, M. (2013). Psychological analysis of assertiveness level in various occupations representatives. *Spółeczeństwo i Edukacja. Międzynarodowe Studia Humanistyczne*, 2(12), 35–58.
- Marchuk, L., & Yatsyna, O. (2020). Assertiveness of Discursive Self-referential Identity: Postmodern Paradigm. *Postmodern Openings*, 11(1), 211–224. <https://doi.org/10.18662/po/116>
- Marici, M., Runcan, R., Cheia, G., & David, G. (2024). The impact of coercive and assertive communication styles on children's perception of chores: an experimental investigation. *Frontiers in Psychology*, 15, 1266417. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1266417>
- Martínez, V., Justicia, F. J., & Fernández de Haro, E. (2016). Teacher Assertiveness in the Development of Students' Social Competence. *Electronic Journal of Research in Educational Psychology*, 14(2), 310–332.
- Milovanović, R. (2016). Assertiveness of prospective teachers and preschool teachers. *Educația Plus*, 16(2), 289–303.
- Peneva, I., & Mavrodiev, S. (2013). A Historical Approach to Assertiveness. *Psychological Thought*, 6(1), 3–26. <https://doi.org/10.5964/psycet.v6i1.14>
- Percell, L. P., Berwick, P. T., & Beigel, A. (1974). The Effects of Assertive Training on Self-Concept and Anxiety. *Archives of General Psychiatry*, 31(4), 502–504. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1974.01760160052011>
- Perkins, M. J. (1980). *The relationship of specific assertiveness skills to level of identity development in late adolescent males*. Virginia Commonwealth University.
- Pintaningdyah, D., Sya, H. M., & Karnati, N. (2024). Literature study: Transformational leadership style and assertiveness in improving the teaching skills teacher's profession in the digital era. In *AIP Conference Proceedings* (pp. 040037). AIP Publishing. <https://doi.org/10.1063/5.0210764>
- Rofiki, M., Diana, E., & Amin, M. F. (2022). Assertive Behavior of School Principals in Creating Excellent School. *Journal Basicedu*, 6(3), 4025–4034. <https://doi.org/10.31004/basicedu.v6i3.2788>
- Prochnow, J. E., & Macfarlane, A. H. (2010). Managing classroom behaviour: Assertiveness and warmth. In *Educational psychology: Concepts, research and challenges* (pp. 164–180). Routledge.
- Spreitzer, G. M. (1995). Psychological empowerment in the workplace: Dimensions, measurement, and validation. *Academy of Management Journal*, 38(5), 1442–1465. <https://doi.org/10.2307/256865>
- Vagos, P., & Pereira, A. (2010). A proposal for evaluating cognition in assertiveness. *Psychological Assessment*, 22(3), 657–665. <https://doi.org/10.1037/a0019782>
- Vagos, P., & Pereira, A. (2016). A Cognitive Perspective for Understanding and Training Assertiveness. *European Psychologist*, 21(2), 109–121. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000250>

References

- Andrievskaya, S. V., & Telushkina, Y. I. (2019). Assertiveness and positive self-relationship of personality as necessary conditions of mental health. *Aspirant*, 5(47), 27–30. (In Russ.)

- Abele, A. E., Hauke, N., Peters, K., Louvet, E., Szymkow, A., & Duan, Y. (2016). Facets of the Fundamental Content Dimensions: Agency with Competence and Assertiveness-Communion with Warmth and Morality. *Frontiers in Psychology*, 7, 1810. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01810>
- Ach, J. S., & Pollmann, A. (2022). Self-Confidence, Self-Assertiveness, and Self-Esteem: The Triple S Condition of Personal Autonomy. In: J. F. Childress & M. Quante (Eds.) *Thick (Concepts of) Autonomy. Philosophical Studies Series* (pp. 53–65). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-80991-1_4
- Ames, D., Lee, A., & Wazlawek, A. (2017). Interpersonal assertiveness: Inside the balancing act. *Social and Personality Psychology Compass*, 11(6), e12317. <https://doi.org/10.1111/spc3.12317>
- Azizi, S. M., Heidarzadi, E., Soroush, A., Janatolmakan, M., & Khatony, A. (2020). Investigating the correlation between psychological empowerment and assertiveness in nursing and midwifery students in Iran. *Nurse education in practice*, 42, 102667. <https://doi.org/10.1016/j.nepr.2019.102667>
- Bryzgalin, E., Alexandrova, Y., & Pryazhnikov, N. (2024). Theoretical and psychological analysis of modern concepts of professional identity: general principles. Part 1. *Psychological Research*, 16(92), 7. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v16i92.1495>
- Bagherian, M., & Mojambari, A. K. (2016). The relationship between Big Five personality traits and assertiveness. *Tendenzen*, 25(3), 111–119.
- Choi, J., Yoon, H. K., Kim, D., Kang, M., Park, M., Um, S., Kim, Y., & Kim, E. (2021). Factors affecting nursing students' interpersonal competence: a focus on self-affirmation and empathy. *Journal of the Korean academy of nursing fundamentals*, 28(2), 218–225. <https://doi.org/10.7739/jkafn.2021.28.2.218>
- De Acedo Lizarraga, M. L. S., Ugarte, M. D., Cardelle-Elawar, M., Iriarte, M. D., & De Acedo Baquedano, M. T. S. (2003). Enhancement of self-regulation, assertiveness, and empathy. *Learning and Instruction*, 13(4), 423–439. [https://doi.org/10.1016/S0959-4752\(02\)00026-9](https://doi.org/10.1016/S0959-4752(02)00026-9)
- De Almeida, C. V., & Belim, C. (2021). Health professionals' communication competences as a light on the patient pathway: the assertiveness, clarity, and positivity (ACP) model. *International Journal of Applied Research on Public Health Management (IJARPHM)*, 6(1), 14–29. <https://doi.org/10.4018/IJARPHM.2021010102>
- Duckworth, M. P., & Mercer, V. (2006). Assertiveness Training. In J. E. Fisher & W. T. O'Donohue (Eds.) *Practitioner's guide to evidence-based psychotherapy* (pp. 80–92). Springer New York. https://doi.org/10.1007/978-0-387-28370-8_7
- Dobrowolska, M. (2013). Psychological analysis of assertiveness level in various occupations representatives. *Społeczeństwo i Edukacja. Międzynarodowe Studia Humanistyczne*, 2(12), 35–58.
- Gut, Y. N., Kabardov, M. K., Zhambeeva, Z. Z., Kosheleva, Y. P., & Grusha, A. V. (2023). Emotional and personal determinants of high school students' professional identity. *Psychological Science and Education*, 28(1), 66–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2023280103>
- Lepekhn, N. N., Kruglov, V. G., Kruglova, M. A., Tikhomirova, N. V., & Yashina, M. A. (2023). Dispositional predictors of students' conflict resilience. *Social Psychology and Society*, 14(1), 92–110. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2023140106>
- Marchuk, L., & Yatsyna, O. (2020). Assertiveness of Discursive Self-referential Identity: Postmodern Paradigm. *Postmodern Openings*, 11(1), 211–224. <https://doi.org/10.18662/po/116>
- Marici, M., Runcan, R., Cheia, G., & David, G. (2024). The impact of coercive and assertive communication styles on children's perception of chores: an experimental investigation. *Frontiers in Psychology*, 15, 1266417. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1266417>
- Medvedeva, S. A. (2020). Assertiveness of psychology students of different forms and courses of study. *Azimut Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 9(3(32)), 369–372. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0903-0087>
- Martínez, V., Justicia, F. J., & Fernández de Haro, E. (2016). Teacher Assertiveness in the Development of Students' Social Competence. *Electronic Journal of Research in Educational Psychology*, 14(2), 310–332.
- Milovanović, R. (2016). Assertiveness of prospective teachers and preschool teachers. *Educatia Plus*, 16(2), 289–303.
- Peneva, I., & Mavrodiev, S. (2013). A Historical Approach to Assertiveness. *Psychological Thought*, 6(1), 3–26. <https://doi.org/10.5964/psyc.v6i1.14>
- Pantileev, S. R. (1993). *A methodology for the study of self-relationship*. Meaning. (In Russ.)
- Percell, L. P., Berwick, P. T., & Beigel, A. (1974). The Effects of Assertive Training on Self-Concept and Anxiety. *Archives of General Psychiatry*, 31(4), 502–504. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1974.01760160052011>
- Perkins, M. J. (1980). *The relationship of specific assertiveness skills to level of identity development in late adolescent males*. Virginia Commonwealth University.
- Pintaningdyah, D., Sya, H. M., & Karnati, N. (2024). Literature study: Transformational leadership style and assertiveness in improving the teaching skills teacher's profession in the digital era. In *AIP Conference Proceedings* (pp. 040037). AIP Publishing. <https://doi.org/10.1063/5.0210764>
- Rofiki, M., Diana, E., & Amin, M. F. (2022). Assertive Behaviour of School Principals in Creating Excellent School. *Jurnal Basicedu*, 6(3), 4025–4034. <https://doi.org/10.31004/basicedu.v6i3.2788>
- Prochnow, J. E., & Macfarlane, A. H. (2010). Managing classroom behaviour: Assertiveness and warmth. In *Educational psychology: Concepts, research and challenges* (pp. 164–180). Routledge.

- Spreitzer, G. M. (1995). Psychological empowerment in the workplace: Dimensions, measurement, and validation. *Academy of Management Journal*, 38(5), 1442–1465. <https://doi.org/10.2307/256865>
- Sheinov, V. P. (2018). Relationships of assertiveness with psychological and socio-psychological characteristics of personality. *Vestnik of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 15(2), 147–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-2-147-161>
- Sheinov, V. P., & Devitsyn, A. S. (2021). A shortened version of the assertiveness questionnaire. *Herzen Readings: psychological research in education*, 4, 557–565. (In Russ.) https://doi.org/10.33910/herzenps_yconf-2021-4-70
- Shneider, L. B. (2023). *Psychology of identity: textbook and practice for universities*. Yurait. (In Russ.)
- Troshikhina, E. G., & Navdushevich, G. V. (2023). Personal predictors of assertiveness in adolescence and early youthful period. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 29(3), 62–68 (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-3-62-68>
- Vagos, P., & Pereira, A. (2010). A proposal for evaluating cognition in assertiveness. *Psychological Assessment*, 22(3), 657–665. <https://doi.org/10.1037/a0019782>
- Vagos, P., & Pereira, A. (2016). A Cognitive Perspective for Understanding and Training Assertiveness. *European Psychologist*, 21(2), 109–121. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000250>

Об авторах:

Анастасия Андреевна Малькова, аспирант кафедры психологии, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр-т Луначарского, 5), [ORCID](#), [Спин-код](#), aaermakova@chsu.ru

Владимир Георгиевич Маралов, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии, Череповецкий государственный университет (Российская Федерация, 162600, г. Череповец, пр-т Луначарского, 5), [ORCID](#), [Спин-код](#), vgmaralov@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Anastasia Andreyevna Malkova, Postgraduate, of Psychology Department, Cherepovets State University (5, Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162600, Russian Federation), [ORCID](#), [Spin-code](#), aaermakova@chsu.ru

Vladimir Georgievich Maralov, Dr. Sc. (Psychology), Professor of Psychology Department, Cherepovets State University (5, Lunacharsky Ave., Cherepovets, 162600, Russian Federation), [ORCID](#), [Spin-code](#), vgmaralov@yandex.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 02.10.2024

Поступила после рецензирования / Revised 15.12.2024

Принята к публикации / Accepted 16.12.2024

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY

УДК 159.99

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-32-41>

Оригинальное эмпирическое исследование

OIJQLG

Жизнестойкость, временная перспектива и ведущий тип пищевого поведения у женщин с разным отношением к прошлому опыту

Луиза А. Етумян¹✉, Наталья Е. Комерова¹ ,

Татьяна Г. Мухина²

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

✉ luiza.yetumyan@gmail.com

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена неоднозначностью и чрезвычайной событийной наполненностью настоящего времени, а также отсутствием возможности долгосрочного планирования. Личность стоит перед необходимостью быстрой адаптации к новым условиям, увеличения уровня жизнестойкости, а также сохранения психического и физического благополучия. Пищевое поведение – важный компонент сохранения здоровья личности, а различные его нарушения отражают общие сбои в функционировании личности. Так, исследование взаимосвязи жизнестойкости, временной перспективы и пищевого поведения у женщин поможет расширить представления о возможностях адаптации личности к изменяющимся условиям среды.

Цель. Исследование взаимосвязи жизнестойкости, временной перспективы и ведущего типа пищевого поведения у женщин с разным отношением к прошлому опыту.

Материалы и методы. В исследовании применяется «Тест жизнестойкости» С. Мадди, «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, «Голландский опросник пищевого поведения» Т. Ван Стриен. Статистический анализ полученных данных проводился с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни для сравнения двух независимых выборок, а также коэффициента ранговой корреляции r-Спирмена.

Результаты исследования. Женщины с низким уровнем негативного прошлого продемонстрировали значения выше по шкалам «вовлеченность», «контроль», «принятие риска», «будущее», «позитивное прошлое». Женщины с высоким уровнем негативного прошлого продемонстрировали значения выше по шкалам «негативное прошлое», «гедонистическое настоящее», «фаталистическое настоящее», «эмоциогенное», «экстернальное», «ограничительное» пищевое поведение. Корреляционный анализ позволил выделить два симптомокомплекса. Первый показывает, что восприятие своей жизни как неподдающейся контролю, связано со снижением жизнестойкости в целом. Второй демонстрирует, что чрезмерный прием пищи в ответ на внешние стимулы является показателем общего восприятия неуправляемости собственной жизни и строится вокруг параметра «экстернальное пищевое поведение».

Обсуждение результатов. Выявлено, что женщинам с высоким уровнем негативного прошлого свойственны установки на веру в судьбу, получение удовольствия в настоящем, они меньше вовлечены в профессиональную деятельность и не готовы идти на риск. Также показатели эмоциогенного, экстернального и ограничительного пищевого поведения в этой группе достоверно выше. При низком уровне негативного отношения к прошлому опыту отмечается большая ресурсность в плане жизнестойкости, уверенность в способности управлять событиями своей жизни и устремленность в будущее.

Ключевые слова: жизнестойкость, временная перспектива, переживание, пищевое поведение, негативное прошлое, контроль, принятие риска, эмоциогенное переживание

Для цитирования. Етумян, Л. А., Комерова, Н. Е., и Мухина, Т. Г. (2025). Жизнестойкость, временная перспектива и ведущий тип пищевого поведения у женщин с разным отношением к прошлому опыту. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(1), 32–41. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-32-41>

Resilience, Time Perspective, and Leading Type of Eating Behavior in Women with Different Attitudes Toward Past Experiences

Luiza A. Yetumyan¹ , Natalia E. Komerova¹ , Tatiana G. Mukhina²

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

 luiza.yetumyan@gmail.com

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the ambiguity and extreme eventfulness of the present time, as well as the lack of long-term planning. The personality faces the need to quickly adapt to new conditions, increase the level of resilience, and preserve mental and physical well-being. Eating behavior is an important component of maintaining personal health, and its various disorders reflect general failures in personality functioning. Thus, the study of the relationship between resilience, time perspective and eating behavior in women will help to expand the understanding of the possibilities of personality adaptation to changing environmental conditions.

Objective. To investigate the relationship of resilience, time perspective, and leading type of eating behavior in women with different attitudes toward past experiences.

Materials and Methods. The study uses “Resilience Test” by S. StrienMuddy, “Time Perspective Questionnaire” by F. Zimbardo, “Dutch Eating Behavior Questionnaire” by T. Van . Van Strien. Statistical analysis of the obtained data was carried out using the nonparametric Mann-Whitney U-criterion for comparison of two independent samples, as well as the rank correlation coefficientr-Spearman.

Results. Women with low levels of negative past demonstrated higher values on the scales “involvement”, “control”, “risk taking”, “future”, and “positive past”. Women with a high level of negative past demonstrated values higher on the scales “negative past”, “hedonistic present”, “fatalistic present”, “emotiogenic”, “externalizing”, and “restrictive” eating behavior. Correlation analysis allowed us to identify two symptom complexes. The first shows that perceiving one’s life as out of control is associated with decreased resilience in general. The second demonstrates that excessive eating in response to external stimuli is an indicator of a general perception of the uncontrollability of one’s life and is built around the parameter “externalized eating behavior”.

Discussion. It has been revealed that women with a high level of negative past are characterized by attitudes of belief in fate, getting pleasure in the present, they are less involved in professional activities and are not ready to take risks. Also the indicators of emotiogenic, externalizing and restrictive eating behavior in this group are significantly higher. With a low level of negative attitude to past experience, there is a greater resourcefulness in terms of resilience, confidence in the ability to manage the events of their lives and aspiration for the future.

Keywords: resilience, time perspective, overeating, eating behavior, negative past, control, risk taking, emotiogenic overeating

For Citation. Yetumyan, L. A., Komerova, N. E., & Mukhina, T. G. (2025). Resilience, time perspective and leading type of eating behavior in women with different attitudes toward past experiences. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(1), 32–41. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-32-41>

Введение

Настоящее время характеризуется высоким уровнем неопределенности, геополитической напряженностью и активным развитием искусственного интеллекта. Это требует от личности мобилизации ресурсов, постоянной включенности в новостную ленту, а также становится испытанием для ее жизнестойкости. Динамичность событийная насыщенность нынешнего периода вынуждает человека постоянно обращаться к прошлому опыту в поиске ресурсов для своевременной адаптации. В тоже время невозможность длительного прогнозирования будущего увеличивает чувство тревоги и стресс от неопределенности, что может отражаться на поведении человека в его настоящем, и при этом самым доступным способом снижения тревоги и переключения внимания является пищевое поведение. Таким образом, изучение взаимосвязи жизнестойкости, отношения ко времени и пищевого поведения, является весьма актуальным и поможет расширить представления о возможностях улучшения адаптационных механизмов личности.

Проблема жизнестойкости, как интегративного понятия, включающего в себя совокупность возможностей и потенциалов личности, необходимых для совладания со сложными жизненными ситуациями, активно изучается в работах как отечественных, так и зарубежных авторов. Рассказова и Леонтьев (2011) описывают жизнестойкость как неспецифический фактор саморегуляции и один из ядерных компонентов личностного потенциала. М. И. Постникова с коллегами изучили взаимосвязь жизнестойкости и психологических особенностей личности и выделили эмоциональную стабильность, экстраверсию и добросовестность в качестве значимых предикторов жизнестойкости (Постникова и др., 2024). Ю. В. Селезнева с соавторами выявили связи между восприятием

времени и жизнестойкостью. Определено, что негативное прошлое связано с низким уровнем жизнестойкости, тогда как ориентация на будущее помогает человеку справляться с вызовами современного мира, прогнозировать будущее и прорабатывать план действий. Так, жизнестойкость и отношение ко времени являются значимыми ресурсами саморегуляции личности (Селезнева и др., 2024).

Временная перспектива активно изучается авторами последних лет, поскольку мировая пандемия COVID-19 обратила внимание человечества на главные ценности жизни. Р. А. Davis с соавторами описали связи между временной перспективой, здоровым поведением и контролем веса у пожилых людей. Они определили, что временная перспектива может быть связана с поведением пожилых людей и иметь последствия для здоровья на протяжении всей жизни. По их мнению, мероприятия по укреплению здоровья могут быть направлены на то, чтобы пожилые люди наслаждались физическими упражнениями и контролем веса в настоящем времени, а не фокусировались на потенциальных негативных последствиях для здоровья в будущем (Davis et al., 2024). Е. Simon с коллегами изучили, как негативная временная перспектива влияет на эмоциональное и физическое восприятие боли, обнаружив, что люди с отрицательным прошлым опытом переживают боль острее, склонны к катастрофизации, испытывают страх и более восприимчивы к фрустрации (Simon et al., 2022).

Пищевое поведение является объектом исследования ученых как медицинского, так и психологического профиля. Так, Труфанова (2018) выделяет психологические факторы, способствующие возникновению нарушений пищевого поведения: алекситимия, тревожность, отношение к собственному телу, самооценка, комплекс неполноценности и депрессия. М. А. Берковская с соавторами и Д. Ж. Валиева сходятся во мнении о том, что проблемы нарушений пищевого поведения, и, как следствие, ожирения, в настоящее время достигли масштабов эпидемии (Берковская и др., 2020; Валиева, 2023). Помимо общеизвестных причин ожирения, таких как высокая калорийность питания и низкий уровень физической активности, существуют также неочевидные причины психологического характера, такие как алекситимия, которая выступает фактором риска набора лишнего веса, а также является причиной преждевременного выхода из программ коррекции расстройств пищевого поведения (Валиева, 2023). Желонкин и Барабанов (2023) отмечают взаимосвязь повышенного уровня ситуативной и личностной тревожности и негативного отношения к образу тела у людей с нарушениями пищевого поведения. К психологическим предпосылкам формирования нарушений пищевого поведения относятся сложности в совладании со стрессовыми ситуациями, неудовлетворенность образом собственного тела и высокий уровень тревожности (Ермакова и др., 2024). Ограничения питания (диеты) и дисрегуляция эмоций также являются важными компонентами психопатологии расстройства переедания, что соответствует двум общим исторически поддерживаемым моделям концептуализации расстройств переедания (теория диетического ограничения и теория регуляции эмоций/аффекта) (Bray et al., 2023). Трудности с регулированием эмоций коррелируют с негативным, а не позитивным эмоциональным питанием, которое способствует развитию расстройств пищевого поведения (Wesley et al., 2024). Под позитивным и негативным эмоциональным питанием зарубежные авторы обозначают мотивы употребления пищи, связанные с проживанием положительных или отрицательных эмоциональных состояний (Wesley et al., 2024).

Так, несмотря на большую разработанность заданной тематики, взаимосвязь жизнестойкости, временной перспективы и типа пищевого поведения у женщин с разным отношением к прошлому опыту не изучена. **Целью исследования** является изучение взаимосвязи жизнестойкости, временной перспективы и ведущего типа пищевого поведения у женщин с разным отношением к прошлому опыту. В соответствии с целью были сформулированы следующие гипотезы:

- 1) жизнестойкость, отношение к временной перспективе и ведущий тип пищевого поведения может иметь различия в зависимости от отношения к прошлому опыту;
- 2) респонденты с высоким уровнем негативного прошлого могут отличаться большей выраженностью различных типов переедания;
- 3) уровень жизнестойкости, особенности отношения ко времени и тип переедания могут быть взаимосвязаны.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутых гипотез использовался следующий методический инструментарий:

- 1) «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Леонтьева и Рассказовой (2006) для изучения способности к совладанию со стрессом и снижению внутреннего напряжения;
- 2) «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо в адаптации Сырцовой, Соколовой и Митиной (2008) для диагностики отношения ко времени;
- 3) «Голландский опросник пищевого поведения» Т. ван Стриен для диагностики ведущего типа переедания (Van Strien et al., 1986).

Полученные данные были обработаны с применением стандартных методов описательной статистики. Для статистического анализа достоверности различий был применен непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Также исследовались значимые корреляционные связи с помощью расчета коэффициента ранговой корреляции r -Спирмена.

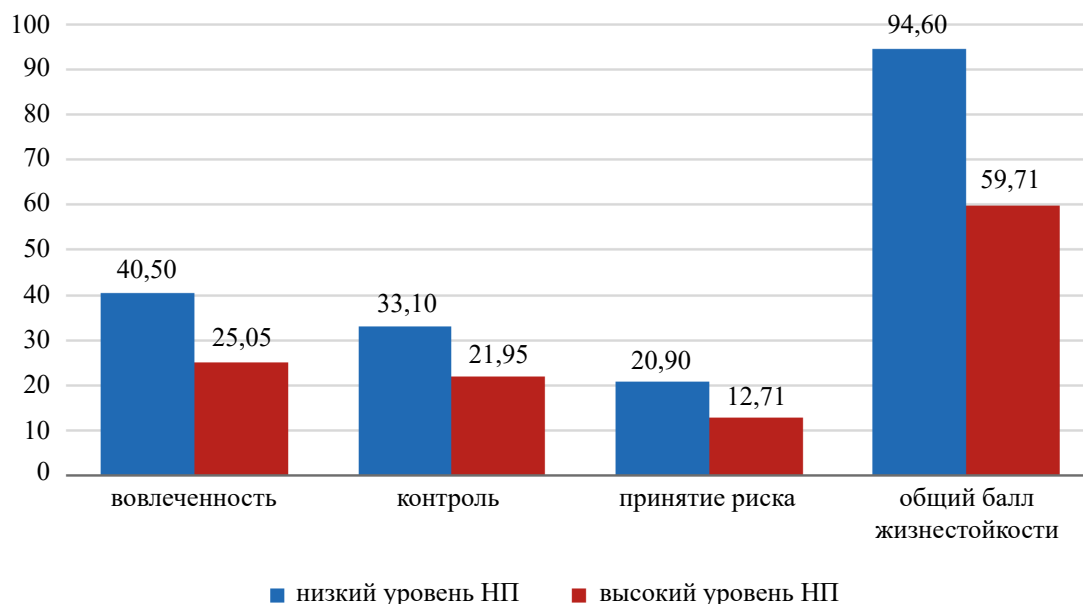
Результаты исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие 107 женщин в возрасте от 16 до 56 лет (средний возраст 25 лет), обучающихся в ДГТУ на факультете психологии, педагогики и дефектологии. По результатам диагностики с помо-

щью методики «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо респонденты были поделены на две группы: с низким уровнем негативного прошлого (группа 1, $n = 71$) и высоким уровнем негативного прошлого (группа 2, $n = 36$). Далее представлены результаты по методикам в рамках сравнения средних значений по выделенным группам респондентов. Анализ полученных результатов по методике «Тест жизнестойкости» С. Мадди представлен на рисунке 1.

Рисунок 1

Результаты исследования по методике «Тест жизнестойкости» С. Мадди (в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой)

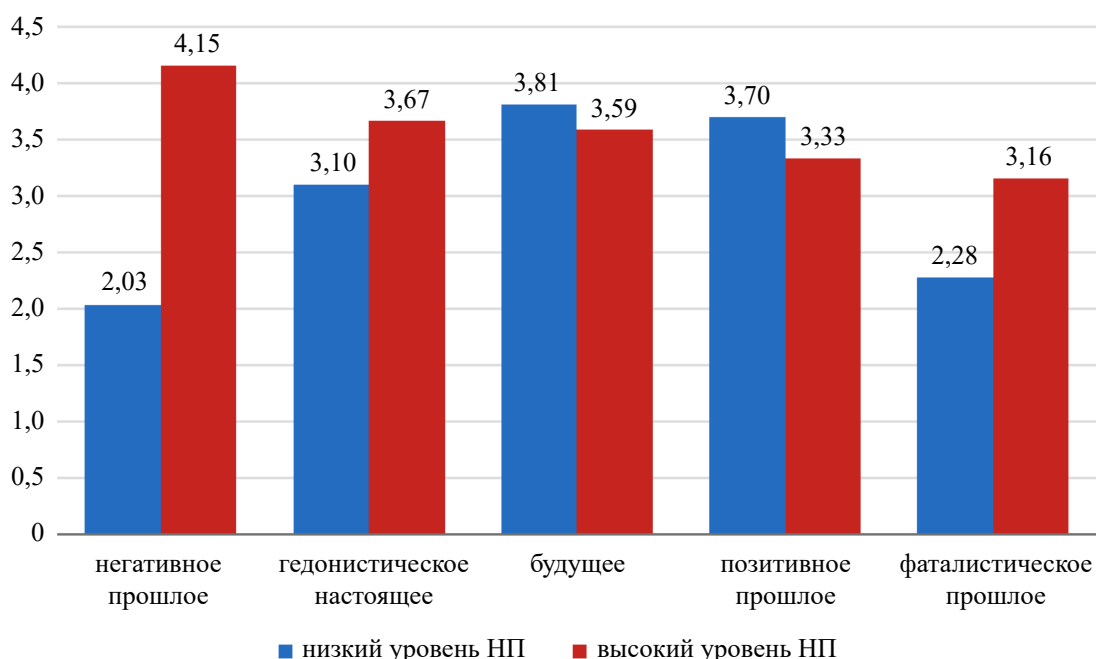

Авторами адаптации указаны следующие нормативные значения для шкал: «вовлеченность» – 37,64, «контроль» – 29,17, «принятие риска» – 13,91, «жизнестойкость» – 80,72. Из рисунка 1 мы можем видеть, что группа с низким уровнем негативного прошлого (далее НП) получила высокие значения по шкалам «вовлеченность» (40,5), «контроль» (33,1), «принятие риска» (20,9) и общему баллу жизнестойкости (94,6). Группа с высоким уровнем негативного прошлого продемонстрировала показатели ниже среднего по шкале «вовлеченность» (25,05), приближенный к нижней границе нормы по шкале «контроль» (21,95) и средний уровень по шкале «принятие риска» (12,71). Общий балл жизнестойкости (59,71) в этой группе также не достигает значений нормы.

Перейдем к анализу результатов по методике «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (рис. 2).

Рисунок 2

Результаты исследования по методике «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо

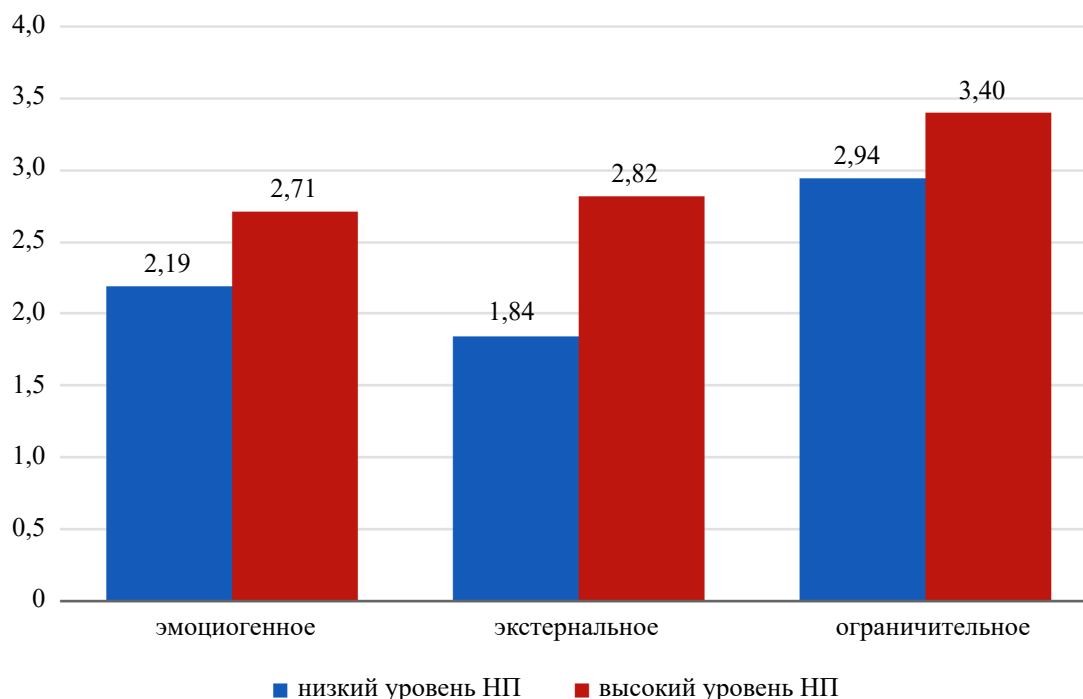

Из рисунка 2 мы видим, что группа респондентов с низким уровнем негативного прошлого продемонстрировала результаты сравнительно выше, чем группа респондентов с высоким уровнем негативного прошлого по шкалам «будущее» (3,81) и позитивное прошлое (3,70) и сравнительно ниже по шкалам «гедонистическое настоящее» (3,10) и фаталистическое настоящее» (2,28). В группе респондентов с высоким уровнем негативного прошлого получены результаты сравнительно выше, чем в группе респондентов с низким уровнем негативного прошлого по шкалам «гедонистическое настоящее» (3,67), фаталистическое настоящее» (3,16) и сравнительно ниже по шкалам «будущее» (3,59), позитивное прошлое (3,33). Шкала «негативное прошлое» является критерием отбора в группы респондентов с низким (2,03) и высоким уровнем (4,15) негативного прошлого.

Рассмотрим результаты по методике «Голландский опросник пищевого поведения», представленные на рисунке 3.

Рисунок 3

Результаты исследования по методике «Голландский опросник пищевого поведения», Т. ван Стриен

Показатели, превышающие значения 1,8 для шкалы «эмоциональное пищевое поведение», 2,7 для шкалы «экстернальное пищевое поведение» и 2,4 для шкалы «ограничительное пищевое поведение» свидетельствуют о выраженности эмоционального, экстернального и ограничительного типа переживания соответственно. В группе респондентов с низким уровнем негативного прошлого результаты по шкалам «эмоциональное пищевое поведение» (2,19) и по шкале «ограничительное пищевое поведение» (2,94) превышают норму. Показатель по шкале «экстернальное пищевое поведение» (1,84) не превышает нормативных показателей. В группе респондентов с высоким уровнем негативного прошлого результаты по всем шкалам превышают нормативные показатели: «эмоциональное пищевое поведение» (2,71), «экстернальное пищевое поведение» (2,82), «ограничительное пищевое поведение» (3,40).

Для оценки достоверности различий рассмотрим результаты статистического анализа значимости различий между группами с помощью U-критерия Манна-Уитни, представленные в таблице 1.

По результатам статистического анализа данных выявлены достоверные различия между группами по всем шкалам примененных методик: «вовлеченность» ($p < 0,001$), «контроль» ($p < 0,001$), «принятие риска» ($p < 0,001$), «общий балл жизнестойкости» ($p < 0,001$), «негативное прошлое» ($p < 0,001$), «гедонистическое настоящее» ($p < 0,001$), «будущее» ($p < 0,006$), «позитивное прошлое» ($p < 0,005$), «фаталистическое настоящее» ($p < 0,001$), «эмоциональное пищевое поведение» ($p < 0,026$), «экстернальное пищевое поведение» ($p < 0,001$), «ограничительное пищевое поведение» ($p < 0,002$).

Перейдем к рассмотрению корреляционных связей в группах респондентов с низким и высоким уровнем негативного прошлого. В таблице 2 мы можем увидеть, что в группе 1 выявлены три существенных обратных взаимосвязи параметра «негативное прошлое» со шкалами «общий балл жизнестойкости» ($r = -0,507$, $p < 0,001$), «контроль» ($r = -0,485$, $p < 0,001$), «принятие риска» ($r = -0,428$, $p < 0,001$).

Таблица 1

Результаты статистической обработки данных с помощью U-критерия Манна-Уитни

№	Наименование показателя	Средние значения		Уровень статистической значимости (p)
		группа 1	группа 2	
1	вовлеченность	40,52	24,72	<.001
2	контроль	33,13	22,00	<.001
3	принятие риска	20,92	12,47	<.001
4	общий балл жизнестойкости	94,56	59,19	<.001
5	негативное прошлое	2,03	4,13	<.001
6	гедонистическое настоящее	3,10	3,63	<.001
7	будущее	3,81	3,53	0,006
8	позитивное прошлое	3,70	3,31	0,005
9	фаталистическое настоящее	2,28	3,20	<.001
10	эмоциогенное пищевое поведение	2,19	2,70	0,026
11	экстернальное пищевое поведение	1,84	2,77	<.001
12	ограничительное пищевое поведение	2,94	3,39	0,002

Примечание: группа 1 – респонденты с низким уровнем негативного прошлого, группа 2 – респонденты с высоким уровнем негативного прошлого.

Таблица 2

Анализ корреляционных связей по шкалам методик «Тест жизнестойкости» С. Мадди, «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, «Голландский опросник пищевого поведения» Т. ван Стриен в группе респондентов с низким уровнем негативного прошлого (группа 1)

№	Параметры	Spearman
1	негативное прошлое/ общий балл жизнестойкости	-,507**
2	негативное прошлое/ контроль	-,485**
3	негативное прошлое/ принятие риска	-,428**

Примечание: символом «**» обозначены различия на уровне $p < 0,01$.

Таблица 3 демонстрирует девять существенных взаимосвязей в группе 2. Это простые прямые связи между параметрами «будущее» – «контроль» ($r = ,449, p < .0,001$), «позитивное прошлое» – «вовлеченность» ($r = ,517, p < .0,001$) и обратные взаимосвязи параметров «негативное прошлое» – «общий балл жизнестойкости» ($r = -,432, p < .0,001$). Следует обратить внимание на два многокомпонентных симптомокомплекса с обратными взаимосвязями. Первый выстраивается вокруг параметра «фаталистическое настоящее» и помимо него включает в себя параметры «вовлеченность» ($r = -,412, p < .0,005$), «контроль» ($r = -,673, p < .0,001$), «общий балл жизнестойкости» ($r = -,608, p < .0,001$). Второй строится вокруг параметра «экстернальное пищевое поведение» и также включается в себя параметры «общий балл жизнестойкости» ($r = -,429, p < .0,001$), «позитивное прошлое» ($r = -,434, p < .0,001$) и «вовлеченность» ($r = -,402, p < .0,001$).

Таблица 3

Анализ корреляционных связей по шкалам методик «Тест жизнестойкости» С. Мадди, «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, «Голландский опросник пищевого поведения» Т. ван Стриен в группе респондентов с высоким уровнем негативного прошлого (группа 2)

№	Параметры	Spearman
1	будущее/ контроль	,449**
2	позитивное прошлое/ вовлеченность	,517**
3	негативное прошлое/ общий балл жизнестойкости	-,432**
4	фаталистическое настоящее/ вовлеченность	-,412*
5	фаталистическое настоящее/ контроль	-,673**
6	фаталистическое настоящее/ общий балл жизнестойкости	-,608**
7	экстернальное пищевое поведение/ общий балл жизнестойкости	
8	экстернальное пищевое поведение/ позитивное прошлое	-,434**
9	экстернальное пищевое поведение/ вовлеченность	-,402*

Примечание: символом «*» обозначены различия на уровне $p < 0,05$, символом «**» обозначены различия на уровне $p < 0,01$.

Анализ корреляций в каждой группе дает нам основание для подтверждения гипотезы 3 о взаимосвязи уровня жизнестойкости, особенностях отношения ко времени и типа переживания.

Обсуждение результатов

Исследование показало наличие значимых взаимосвязей жизнестойкости, временной перспективы и ведущего типа пищевого поведения у женщин с разным отношением к прошлому опыту. Женщины, для которых собственное прошлое не является источником боли и разочарования, получают удовольствие от своей ежедневной деятельности, проявляют в ней высокую личностную активность и готовы действовать даже в отсутствии гарантий на успех, т. е. способны к устойчивому совладанию со стрессом и воспринимают жизненные трудности как менее значимые. Респонденты с низким уровнем негативного прошлого имеют долгосрочные планы на будущее, положительно воспринимают свой прошлый опыт, видят свое настоящее во взаимосвязи с прошлым и будущим и чувствуют, что могут влиять на происходящее в собственной жизни. В то же время, для данной группы респондентов характерна выраженность эмоциогенного (как ответ на стрессовую ситуацию) и ограничительного типов переживания (когда строгие ограничения в питании со временем приводят к срыву и поглощению большого количества пищи за короткое время). При этом в своем пищевом поведении они способны ориентироваться на реальное чувство голода, а не на привлекательный внешний вид еды, что свидетельствует о наличии других возможных причинах выраженности эмоциогенного и ограничительного типов переживания.

Также обнаружено, что женщины, для которых характерно неприятие собственного прошлого, апатичны и в ежедневной деятельности, часто чувствуют беспомощность и несмотря на наличие способности оценивать события своей жизни как способствующие собственному развитию, они все же подвержены возникновению внутреннего напряжения в ситуации стресса. Респонденты с высоким уровнем негативного прошлого воспринимают свое настоящее как неконтролируемое, оторванное от будущего, не имеют четких планов на долгосрочную перспективу, не видят в прошлом ресурсов для настоящего и воспринимают свой прошлый опыт как источник боли и разочарования. Для них характерны все три типа нарушений пищевого поведения: прием пищи, как способ справиться с негативными эмоциями, как реакция на внешние стимулы (привлекательный внешний вид еды или прием пищи «за компанию») и вследствие срыва после долгих самоограничений в питании.

Гипотезы 1 нашла свое подтверждение: было обнаружено, что общая способность к совладанию со стрессом, отношение ко временной перспективе и ведущие стратегии пищевого поведения отличаются в зависимости от отношения личности к своему прошлому. Средние значения в группах по шкалам «эмоциогенное пищевое поведение», «экстернальное пищевое поведение» и «ограничительное пищевое поведение» дают подтверждение гипотезы 2 и показывают, что выраженность всех трех типов переживания выше у людей с высоким уровнем неприятия своего прошлого жизненного опыта. Также можно сделать вывод о том, что чем сильнее выражена степень неприятия собственного прошлого у респондентов группы 1, тем менее развита у них способность к совладанию с повседневным стрессом, снижено ощущение своей возможности управления собственной жизнью, меньше активности в построении планов. Примечательно, что большее количество связей (и сложных связей) наблюдается в группе респондентов с высоким уровнем негативного прошлого, в то время как респонденты с принятием своего прошлого производят впечатление более свободных. Это значит, что отношение личности к своему прошлому опыту можно оправдано принять как мишень для психокоррекционной работы.

P. A. Davis с коллегами доказали, что сбалансированная временная перспектива связана с высоким уровнем физической активности, в то время как негативные временные перспективы коррелируют с более низким уровнем активности и более высоким индексом массы тела у пожилых людей. Результаты авторов согласуются с нашими выводами в части отрицательного влияния негативной оценки прошлого опыта на ведущий тип пищевого поведения женщин и уровня жизнестойкости (Davis et al., 2024). Авдулова и Антонинова (2023) констатируют, что существуют значимые двусторонние положительные связи между выраженной ориентацией подростков на негативное прошлое и ограничительным и эмоциогенным типами пищевого поведения, что согласуется с нашими результатами о большей выраженности нарушений пищевого поведения у женщин с негативной оценкой прошлого опыта. Временная перспектива может вписаться в современную модель поведения в отношении здоровья (теория временной саморегуляции). Это также подтверждают исследования зарубежных авторов, которые выяснили, что высокая ориентация на будущее порождает более сильное намерение вести здоровый образ жизни. (Hall et al., 2014; Wiss & Avena, 2020). Результаты нашего исследования подтверждают и расширяют исследования других ученых о связи временной перспективы, жизнестойкости и здорового пищевого поведения.

Заключение. Таким образом, отношение человека к своему прошлому опыту взаимосвязано с жизнестойкостью, временной перспективой и типом пищевого поведения. Респонденты с низким уровнем негативного прошлого чувствуют себя более причастными к событиям собственной жизни, готовы действовать в ситуации неопределенности, принимают собственный неуспех как точку роста и в целом демонстрируют высокую стрессоустойчивость. Также они оценивают прошлые события как ресурс, вносят большой вклад в свое настоящее для развития в будущем и менее подвержены всем трем типам переживания.

Респонденты с высоким уровнем негативного прошлого менее чувствительны к текущим событиям, не верят в успех, довольствуются простым комфортом и безопасностью, более подвержены повседневному стрессовому напряжению. Свое настоящее они видят оторванным от будущего, прошлое для них является источником боли и разочарования, в насущных событиях своей жизни они не видят факторов складывающегося будущего. Также у респондентов этой группы существенно выше показатели по всем типам переживания. В группе респондентов с высоким уровнем негативного прошлого мы наблюдаем более сложную структуру взаимосвязей, состоящую из двух комплексов. Первый показывает, что восприятие своей жизни как не поддающейся контролю связано со снижением жизнестойкости в целом. Второй комплекс демонстрирует, что излишний прием пищи в ответ на внешние стимулы может быть показателем и общего восприятия неуправляемости собственной жизни. Таким образом, заявленные гипотезы о различиях и взаимосвязи показателей жизнестойкости, временной перспективы и ведущего типа пищевого поведения у женщин с разным отношением к прошлому опыту нашли подтверждение.

Список литературы

- Авдулова, Т. П., и Антониюкова, А. И. (2023). Особенности личности и временной перспективы у подростков с расстройствами пищевого поведения. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 4, 103–121. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2023-4-103-121>
- Берковская, М. А., Тарасенко, А. А., Фадеев, В. В., и Гурова, О. Ю. (2020). Алекситимия и ее связь с расстройствами пищевого поведения и ожирением. *Проблемы эндокринологии*, 66(2), 42–48.
- Валиева, Д. Ж. (2023). Психологические аспекты нарушения пищевого поведения. *Скиф. Вопросы студенческой науки*, 1(77), 425–430.
- Ермакова, Е. С. (2021). Совладающее поведение, жизнестойкость, стрессоустойчивость и депрессия студентов вуза. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 2, 142–159.
- Ермакова, Н. Г., Кораблина, Е. П., и Туктарова, А. А. (2024). Психологические предпосылки формирования нарушений пищевого поведения у женщин с избыточной массой тела. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 211, 190–202. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2024-211-190-202>
- Желонкин, Н. А., и Барабанов, Р. Е. (2023). Тревожность и образ тела у молодых людей с разной степенью склонности к нарушению пищевого поведения. *Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института*, 1, 150–161. https://doi.org/10.52470/2619046X_2022_4_150
- Кучерявенко, И. А., Гринёва, О. И., и Егорова, Е. С. (2023). Феномен жизнестойкости в психологической науке. *Проблемы современного педагогического образования*, 79–2, 429–432.
- Постникова, М. И., Пищик, В. И., Сиврикова, Н. В., и Микляева, А. В. (2024). Жизнестойкость личности и факторы «Большой пятерки». *Национальный психологический журнал*, 19(2), 121–130. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0210>
- Леонтьев, Д. А., и Рассказова, Е. И. (2006). Тест жизнестойкости. Смысл.
- Рассказова, Е. И., и Леонтьев, Д. А. (2011). *Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала. Сборник: Личностный потенциал: структура и диагностика*. Смысл.
- Селезнева, Ю. В., Комерова, Н. Е., и Тарасова, А. Ю. (2024). Жизнестойкость и отношение ко времени как личностные ресурсы саморегуляции. *Российский психологический журнал*, 21(3), 75–91. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.5>
- Сырцова, А., Е. Соколова, Т., и Митина, О. В. (2008). Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо. *Психологический журнал*, 26(3), 101–109.
- Труфанова, О. К. (2018). Психологические факторы нарушений пищевого поведения. *Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология*, 1(2), 56–67.
- Barnhart, W. R., Kalantzis, M., Gaggiano, C., & Braden, A. L. (2024). The relation between questionnaire-measured self-reported emotional eating and disordered eating behaviors: A meta-analysis of nearly three decades of research. *Appetite*, 198, 107343. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2024.107343>
- Bray, B., Sadowski, A., Bray, C., Bradley, R., & Zwick, H. (2023). Clinical aspects of binge eating disorder: A cross-sectional mixed-methods study of binge eating disorder experts' perspectives. *Frontiers in Psychiatry*, 13, 1087165. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.1087165>
- Davis, P. A., Trotter, M., Åström, E., & Rönnlund, M. (2024). Balancing time for health behaviors: associations of time perspective with physical activity and weight management in older adults. *American Journal of Health Promotion*, 38(7), 960–969. <https://doi.org/10.1177/08901171241242546>
- Simon, E., Zsidó, A. N., Birkás, B., G. B., & Csathó, Á. (2022). Negative time perspective predicts the self-perceived affective and physical components of pain independently from depression, anxiety, and early life circumstances. *Acta Psychologica*, 224, 103536. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103536>
- Hall, P. A., Fong, G. T., & Sansone, G. (2014). Time perspective as a predictor of healthy behaviors and disease-mediating states. In M. Stolarski, N. Fieulaine, W. van Beek (Eds.) *Time Perspective Theory: Review, research and application: essays in honor of Philip G. Zimbardo* (pp. 339–352). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-07368-2_22

Van Strien, T., Frijters, J. E. R., Bergers, G. P. A., & Defares, P. B. (1986). The Dutch Eating Behavior Questionnaire (DEBQ) for assessment of restrained, emotional, and external eating behavior. *Eating Disorders*, 5(2), 295–315.

Wiss, D. A., & Avena, N. M. (2020). Food addiction, binge eating, and the role of dietary restraint: converging evidence from animal and human studies. In G. Frank, L. Berner (Eds.) *Binge Eating* (pp. 193–209). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-43562-2_14

References

Avdulova, T. P., & Antonikova, A. I. (2023). Personality and time perspective features in adolescents with eating disorders". *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education"* 4, 103–121. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2023-4-103-121>

Berkovskaya, M. A., Tarasenko, A. A., Fadeev, V. V., & Gurova, O. Y. (2020). Alexithymia and its association with eating disorders and obesity. *Problems of Endocrinology*, 66(2), 42–48. (In Russ.)

Barnhart, W. R., Kalantzis, M., Gaggiano, C., & Braden, A. L. (2024). The relation between questionnaire-measured self-reported emotional eating and disordered eating behaviors: A meta-analysis of nearly three decades of research. *Appetite*, 198, 107343. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2024.107343>

Bray, B., Sadowski, A., Bray, C., Bradley, R., & Zwick, H. (2023). Clinical aspects of binge eating disorder: A cross-sectional mixed-methods study of binge eating disorder experts' perspectives. *Frontiers in Psychiatry*, 13, 1087165. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.1087165>

Davis, P. A., Trotter, M., Åström, E., & Rönnlund, M. (2024). Balancing time for health behaviors: associations of time perspective with physical activity and weight management in older adults. *American Journal of Health Promotion*, 38(7), 960–969. <https://doi.org/10.1177/08901171241242546>

Ermakova, E. S. (2021). Co-operative behavior, resilience, stress tolerance and depression of university students. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2, 142–159. (In Russ.)

Ermakova, N. G., Korablina, E. P., & Tuktarova, A. A. (2024). Psychological prerequisites for the formation of eating disorders in women with overweight. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 211, 190–202. (In Russ.) <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2024-211-190-202>

Hall, P. A., Fong, G. T., & Sansone, G. (2014). Time perspective as a predictor of healthy behaviors and disease-mediating states. In M. Stolarski, N. Fieulaine, W. van Beek (Eds.) *Time Perspective Theory: Review, research and application: essays in honor of Philip G. Zimbardo* (pp. 339–352). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-07368-2_22

Kucheriavenko, I. A., Grineva, O. I., & Egolaeva, E. S. (2023). The phenomenon of resilience in psychological science. *Problems of modern pedagogical education*, 79–2, 429–432. (In Russ.)

Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). *The test of resilience*. Meaning. (In Russ.)

Postnikova, M. I., Pischik, V. I., Sivrikova, N. V., & Miklyaeva, A. V. (2024). Personality resilience and the Big Five factors. *National Psychological Journal*, 19(2), 121–130. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0210>

Rasskazova, E. I., & Leontiev, D. A. (2011). *Resilience as a component of personal potential*. Collection: *Personality potential: structure and diagnostics*. Meaning. (In Russ.)

Simon, E., Zsidó, A. N., Birkás, B., G. B., & Csathó, Á. (2022). Negative time perspective predicts the self-perceived affective and physical components of pain independently from depression, anxiety, and early life circumstances. *Acta Psychologica*, 224, 103536. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103536>

Selezneva, Y. V., Komerova, N. E., & Tarasova, A. Y. (2024). Resilience and attitude to time as personal resource self-regulation. *Russian Psychological Journal*, 21(3), 75–91. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.5>

Syrsova, A., E. Sokolova, T., & Mitina, O. V. (2008). An adaptation of F. 's personality time perspective questionnaire Zimbardo. *Psychological Journal*, 26(3), 101–109. (In Russ.)

Trufanova, O. K. (2018). Psychological factors of eating behavior disorders. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 1(2) 56–67. (In Russ.)

Van Strien, T., Frijters, J. E. R., Bergers, G. P. A., & Defares, P. B. (1986). The Dutch Eating Behavior Questionnaire (DEBQ) for assessment of restrained, emotional, and external eating behavior. *Eating Disorders*, 5(2), 295–315.

Valieva, D. J. (2023). Psychological aspects of eating disorders. *Skiff. Questions of student science*, 1(77), 425–430. (In Russ.)

Wiss, D. A., & Avena, N. M. (2020). Food addiction, binge eating, and the role of dietary restraint: converging evidence from animal and human studies. In G. Frank, L. Berner (Eds.) *Binge Eating* (pp. 193–209). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-43562-2_14

Zhelonkin, N. A., & Barabanov, R. E. (2023). Anxiety and body image in young people with different degrees of tendency to eating disorders. *Bulletin of Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering*, 1, 150–161. (In Russ.) https://doi.org/10.52470/2619046X_2022_4_150

Об авторах:

Луиза Арменаковна Етумян, ассистент кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [Спин-код](#), luiza.yetumyan@gmail.com

Наталья Евгеньевна Комерова, старший преподаватель кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [Спин-код](#), komerova.nata@gmail.com

Татьяна Геннадьевна Мухина, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии развития личности, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), [ORCID](#), [Спин-код](#), tg-muhina@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Luiza Armenakovna Yetumyan, Assistant, of General and Consultative Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [Spin-code](#), luiza.yetumyan@gmail.com

Natalia Evgenievna Komerova, Senior Lecturer, of General and Consultative Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [Spin-code](#), komerova.nata@gmail.com

Tatiana Gennadievna Mukhina, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor of Psychology of Personality Development Department, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation), [ORCID](#), [Spin-code](#), tg-muhina@yandex.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 04.12.2024

Поступила после рецензирования / Revised 17.01.2025

Принята к публикации / Accepted 20.01.2025

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ SOCIAL PSYCHOLOGY

УДК 159.9.072.43

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-42-54>

Оригинальное эмпирическое исследование

UBQYCD

Доверие в изолированных социальных группах на примере коллективов автоматизированных диагностических комплексов ОАО «РЖД»

Максим С. Казаков

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ kazakovm82@mail.ru

Аннотация

Введение. Феномен доверия является предметом изучения у множества различных специалистов. Доверие имеет большое значение в трудовых коллективах, работающих в социальной изоляции. В настоящей работе данный феномен рассмотрен в коллективах специализированных вагонов железной дороги, сотрудники которых находятся в условиях социальной изоляции. Специализированные вагоны ОАО «РЖД» представляют собой автоматизированные диагностические комплексы (далее АДК), в которых работники вынуждены постоянно проживать и работать находясь вместе. Внутренние условия – это институты и правила, которые создает коллектив, тем самым образуя доверие. Феномен доверия при внутренних условиях рассматривается с точки зрения социальной психологии.

Цель. Изучение доверия и сплочения, возникающего в изолированных социальных группах на примере коллективов АДК.

Материалы и методы. Для изучения внутреннего доверия и сплочения как в коллективах АДК, так и в коллективах курирующей организации, была применена методика изучения доверия А. В. Сидоренкова и методика изучения сплочения А. В. Сидоренкова. Исследование производилось в два этапа. Первый этап – это проведение исследований в самих коллективах АДК, в первых и вторых сменах. Второй этап – это проведение исследований в отделах курирующей организации. Математическая обработка данных включала расчет критерия Колмогорова-Смирнова с помощью программы статистического анализа данных SPSS Statistics.

Результаты исследования. На первом этапе участие в исследованиях приняло 78 человек из 11 АДК. На втором этапе исследование было проведено в различных отделах (офисах) организации РЖД. В нем приняли участие 66 человек. Результаты исследований показали, что доверие в изолированных коллективах АДК ниже, чем доверие в отделах организации. При этом сплочение в коллективах АДК выше, чем сплочение в отделах.

Обсуждение результатов. Более высокий уровень сплочения, но низкий уровень доверия в коллективах АДК в сравнении с аналогичными показателями в отделах курирующей организации показывают сложность создания доверия. Доверие – это, своего рода, характер социальной группы, а сплочение – лишь кратковременное явление, вызванное социальной изоляцией. Сплочение более динамично и ситуативно, его можно повысить путем различных командообразующих мероприятий.

Ключевые слова: социальная изоляция, доверие, сплочение, социальная группа, специализированный вагон, трудовая психология

Для цитирования. Казаков, М. С. (2025). Доверие в изолированных социальных группах на примере коллективов автоматизированных диагностических комплексов ОАО «РЖД». *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(1), 42–54. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-42-54>

Trust in Isolated Social Groups on the Example of Teams of Automated Diagnostic Complexes of “Russian Railways”

Maxim S. Kazakov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ kazakovm82@mail.ru

Abstract

Introduction. The phenomenon of trust has been the subject of study by many different specialists. Trust is of great importance in collective labor workers working in social isolation. In this paper, this phenomenon is considered in the collectives of specialized train cars, whose employees are in social isolation. The specialized railcars of the Russian Railways are automated diagnostic complexes (hereinafter ADC), where the employees have to live and work together permanently. Internal conditions are institutions and rules that the collective creates, thus forming trust. The phenomenon of trust under internal conditions is considered from the point of view of social psychology.

Objective. To study trust and cohesion that emerges in isolated social groups using ADC collectives as an example.

Materials and Methods. To study internal trust and cohesion both in the teams of ADC and in the teams of the supervising organization, the method of trust study by A. V. Sidorenkov and the method of cohesion study by A. V. Sidorenkov applied. Research was carried out in two stages. The first stage was conducting research in the ADC teams themselves, in the first and second shifts. The second stage was to conduct research in departments of the supervising organization. Mathematical processing of the data included the calculation of the Kolmogorov-Smirnov criterion using the SPSS Statistics.

Results. In the first phase, 78 people from 11 ADCs participated in the research. In the second stage, the study was conducted in different departments (offices) of the ADC organization. 66 people participated in it. The findings showed that trust in isolated collectives of ADCs is lower than trust in departments of the organization. At the same time, cohesion in ADC collectives is higher than cohesion in departments.

Discussion. The higher level of cohesion but low level of trust in ADC teams compared to similar indicators in the departments of the supervising organization show the difficulty of trust creation. Trust is a kind of social group character, and cohesion is only a short-term phenomenon caused by social isolation. Cohesion is more dynamic and situational; it can be increased through various team building activities.

Keywords: social isolation, trust, cohesion, social group, specialized wagon, work psychology

For Citation. Kazakov, M. S. (2025). Trust in isolated social groups on the example of teams of automated diagnostic complexes of “Russian Railways”. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(1), 42–54. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-42-54>

Введение

В настоящее время феномен доверия является предметом изучения как отечественных, так и зарубежных исследователей. Данные исследования проводятся в различных научных дисциплинах: экономике, религии, политологии и т. д. Однако больше всего доверие рассматривается в психологии, а именно в таких ее отраслях, как социальная, организационная, юридическая, политическая, возрастная и педагогическая психология. Особое значение доверие имеет в специфических трудовых коллективах, в частности, в изолированных социальных группах. Для начала, дадим определение социальной изоляции малой группы. Социальная изоляция малой группы – это изоляция коллектива (малой социальной группы) в обособленных от остального общества местах временного или постоянного пребывания, члены которого (которой) вынуждены общаться, по большей части, между собой. В настоящее время таких коллективов множество. В различной степени социальной изоляции подвергаются следующие категории людей: космонавты, специалисты профессий, работающие вахтовым методом (полярники, моряки, нефтяники), а также заключенные. В данной работе рассматривается доверие в коллективах специализированных вагонов железной дороги, участники которых трудятся в условиях социальной изоляции. Трудовая социальная изоляция классифицирована и рассмотрена в работе М. Казакова (Kazakov, 2023). Различные профессии в условиях социальной изоляции классифицируются автором исходя из вредоносных факторов, которые сопутствуют каждой социальной изоляции. К таким профессиям в изоляции он относит полярников, космонавтов, подводников, моряков, вахтовиков, нефтяников и т. д. Учитывая все нюансы и сложности каждой профессии Kazakov (2023) производит ранжирование и присваивание определенной степени изоляции. Во встроенную классификацию социальных изоляций включается и изоляция рассматриваемых нами в настоящей статье коллективов АДК.

Специализированные вагоны железной дороги представляют собой подвижные единицы, созданные на базе пассажирских вагонов, с установленным на них специальным оборудованием. При движении специализированного вагона по пути осуществляется диагностирование определенных параметров. Существует множество различных классов и видов специализированных вагонов. В зависимости от класса и вида вагона осуществляется

снятие параметров железной дороги исключительно для данного класса специализированного вагона. Специализированные вагоны железной дороги в разных организациях ОАО «РЖД» называют по-разному: автоматизированные диагностические комплексы (АДК) или мобильные средства диагностики (МСД). Далее в настоящей статье специализированные вагоны мы будем называть «АДК». К АДК мы относим следующие специализированные вагоны: комплексный вагон АДК-И «ЭРА», вагон-путеизмеритель КВЛ-П, вагон-дефектоскоп, вагон-рельсосмазыватель. В бытовом плане АДК, как правило, имеют жилые помещения (купе), кухню, туалет, рабочее помещение (салон-офис) с мастерской. Таким образом, АДК сочетают в себе функцию жилого дома и работы «на колесах». Энергетическая автономность АДК осуществляется при помощи имеющейся на борту дизель-электрической установки или бортовых аккумуляторных батарей. Автономность водоснабжения обеспечивается запасом воды в баках. В зимнее время АДК отапливается при помощи твердого топлива или отопительной горелки на дизельном топливе.

Основными факторами, воздействующими на коллектив АДК, являются следующие: социальная изоляция, работа с высокой продолжительностью рабочего дня, работа в ночное время, работа при высокой температуре в летнее время. Работа на АДК построена следующим образом. АДК обслуживается двумя бригадами: первая и вторая смены. Каждая бригада работает 15–16 суток в месяц. Имеются АДК, где бригада трудится 30–31 суток, а далее месяц отдыхает. В назначенный день осуществляется пересмена бригад АДК. В изолированной группе человек в процессе работы и отдыха вынужден общаться с одними и теми же людьми, при этом его отдых ограничен. При нахождении людей на протяжении длительного времени «взаперти» (в социальной изоляции), а также при совместной работе и проживании, их психика подвергается различным психогенным факторам. Данные психогенные факторы, воздействуя на человека, сильно меняют межличностное, групповое и межгрупповое взаимодействие. Внутри трудовой изолированной группы чрезвычайно высока динамика социально-психологических процессов, усложнено взаимопонимание, сложно устроен быт и работа, часто происходят конфликты. Именно поэтому в условиях социальной изоляции важно сохранение и поддержание доверия и сплоченности.

Для создания и поддержания доверия, сплоченности, совместимости и других социально-психологических параметров группы, работающей и проживающей в условиях изоляции, необходимы благоприятные социальные условия и социальные институты. В рамках изоляции эти формирующие условия могут быть внешними и внутренними. Под внешними подразумеваются такие условия, которые влияют на феномен доверия внутри изолированной группы. К внешним социальным условиям (институтам) можно отнести социально-политическую обстановку в стране, корпоративную культуру и правила в организации, отношение к руководителю организации и его заместителям, межгрупповое отношение с другими организациями и т. д. Эти внешние условия могут менять доверие внутри изолированной группы достаточно значительно. Например, определенная политическая обстановка в стране отражается на межличностных отношениях внутри изолированной группы и порождает политический конфликт, который снижает доверие и сплоченность. Другой пример: руководитель организации РЦДМ провел совещание по видеосвязи, результаты которого повлияли на доверие в коллективе АДК. Оба этих примера достаточно разнообразны, но мы оцениваем их как внешние условия, т. к. при изоляции легко отличить любые внешние условия от закрытых внутренних. Изменения в обществе (политические, социальные, экономические и др.) влияют на доверие в обществе, которое, в свою очередь, отражается на доверии в изолированной группе. В своей работе Гуриева и Борисова (2014) упоминают, что вопрос изучения доверия затрагивают такие науки и дисциплины, как религия, юриспруденция, социология, психология, экономика, политология и т. д. Работа Ильина (2013) рассматривает доверие в эволюционном ключе, связывает доверие с развитием и усложнением общества.

К внешним условиям, влияющим на доверие, можно отнести социально-трудовые отношения. Так, Потемкин (2017) указывает, что причиной взаимного недоверия в коллективах предприятий является:

- общая кризисная ситуация и обусловленная ею социальная напряженность на предприятии (первое место);
- проблемный характер деятельности предприятия (второе место);
- неумение руководителей найти контакт с работниками (третье место).

Из этого можно сделать вывод, что условия, при которых возникает доверие (недоверие), являются, по большей части, внешними. Эти данные справедливы для большинства предприятий, но с учетом социальной изоляции коллективов АДК и удаленности их от основного предприятия (РЦДМ) и руководства (начальник, заместитель), для коллективов АДК можно выделить свои причины возникновения доверия (недоверия). Зачастую руководство предприятия попросту забывает о специфике работы и трудностях, с которыми сталкиваются работники АДК. Потемкин (2017) приводит статистику включенности работников в социально-трудовые отношения на производственных предприятиях. Большинство специалистов включены в социально-трудовые отношения и готовы принимать активную позицию, и только меньше половины специалистов совершенно безразличны и высказывают недоверие к возможностям эффективной работы предприятия. Исследователь указывает на подобную оценку в отчужденности руководства предприятий от «нужд» коллективов. В отношении включенности коллективов АДК в социально-трудовые отношения предприятий РЦДМ ситуация складывается намного хуже. В данном случае необходимо исходить из характера работы: коллектив АДК заступил в социально изолированную смену (вахту на

свой вагон-комплекс), отработал положенные 15 суток, далее коллектив сдал смену-вахту и приступил к межсменному отдыху длиной 15 суток. Таким образом, коллектив АДК, находясь на смене, мало участвует в социально-трудовых отношениях, тратя все время на выполнение непосредственной задачи согласно должностным инструкциям. А после смены, и по давню, сотрудники вагонов-комплексов разъезжаются по местам жительства и отдыхают.

В данной работе производится расчет показателей доверия и сплоченности, как в самих коллективах АДК, так и на предприятии «Ростовский центр диагностики и мониторинга устройств инфраструктуры» (далее РЦДМ). Предприятие РЦДМ ОАО «РЖД» представляет собой регулирующий орган спецвагонов, который контролирует работу, обеспечивает ремонт и является непосредственным руководством всех АДК. Специалисты РЦДМ находятся в офисах одного здания, работают по восемь часов пять дней в неделю. В работе Гордеевой и Марковой (2021) рассматривается организационное доверие, которое направлено на создание работодателем обязательств позволяющих повысить эффективность и продуктивность в организации. Авторы приводят различные инструменты по повышению организационного доверия, такие как создание корпоративной культуры на предприятии, укрепление межличностных отношений между сотрудниками, создание неформальных мероприятий. В своей работе Зарубин (2025) для повышения доверия рядового сотрудника к управляющему руководству и наоборот рассматривает такой инструмент, как вовлеченность. Вовлеченность позволяет создать обратную связь в системе «руководитель – работник». Вовлеченность позволяет персоналу, независимо от производственного статуса, участвовать в производственной и социальной жизни предприятия, она представляет собой некий «мост» от персонала к руководству и от руководства к персоналу. Вовлечь специалиста и повысить доверие в предприятии позволяет создание различных мероприятий, таких как спортивные соревнования, участие в производственных конкурсах, различные рационализаторские конкурсы и т. д.

П. М. Козырева приводит данные о том, что доверительные отношения чаще складываются на государственных предприятиях, чем в частных организациях (Козырева, 2008). Это связано с тем, что работники чувствуют себя более защищенными, работая на государственных предприятиях. Коллективы АДК и РЦДМ в этом плане не являются исключением – ОАО «РЖД» дает работнику определенную защиту. При этом наименьшее доверие работников формируется в больших корпорациях. В современной России, по утверждению Козыревой (2008), патернализм до сих пор преобладает и занимает доминирующее положение в государственных предприятиях. Патернализированные работники, привыкшие доверять государству, переносят патернализированную модель на свое предприятие. В коллективах АДК социальная изоляция также влияет на создание образа лидера-«отца» (как правило, это руководитель смены). На руководителе смены лежит ответственность не только за управление АДК и за его коллектив, но и за создание общепринятых норм профессионального поведения, что способствует сплочению коллектива и созданию доверия. Создание таких правил и норм в коллективах АДК идет через межличностные отношения.

В работе Вольчака (2012) рассматривается социальный капитал, который определяет форму взаимодействия между людьми и поддерживается благодаря социальным институтам. При этом сам социальный капитал, как и институты, зависит от множества происходящих процессов внутри коллектива и исторического опыта развития. Поэтому проблема социального капитала не может рассматриваться отдельно от проблемы формирования институтов. В настоящее время в государственных предприятиях и крупных организациях существуют и создаются новые социальные институты – механизмы, которые направлены на увеличение контроля руководством работника на всех этапах производства. Увеличение контроля руководством снижает доверие (Вольчак, 2012). Возникает ситуация, когда социальный капитал основывается на принудительном коллективизме, где доверие между управляющими и управляемыми находится на низком уровне. Отсутствие доверия усиливает роль совершенствования механизмов контроля. Но негативные последствия от отсутствия доверия не удастся устранить путем усиления контроля. Доверие может формироваться путем трансформации социального капитала, но этот процесс требует времени.

В организациях, где не существует рыночных индикаторов деятельности, контролирующие органы вынуждены внедрять показатели, характеризующие результативность деятельности организаций. Поэтому идет постоянное возрастание роли отчетов, изменяется технология создания и обработки информации, появляется полная прозрачность работы рядового сотрудника, особенно с учетом повсеместной компьютеризации. Это ведет к снижению продуктивности персонала и большим потерям времени. По исследованиям Вольчака (2012), большинство респондентов отмечают, что сталкиваются с постоянно меняющимися формами отчетности, а также увеличивающейся частотой предоставления отчетов. Данные изменения форм отчетности зачастую никак не связаны с изменением технологии производства, т. е. изменения отчетности производятся безосновательно. У работников появляется впечатление, что создание новых форм для отчетов становится самоцелью вышестоящих структур, вследствие чего снижается доверие. Такой контроль и увеличение отчетности посредством компьютеризации происходит во всех государственных организациях Российской Федерации и предприятия ОАО «РЖД» не являются исключением. Работники АДК постоянно жалуются на большой объем ненужной отчетности («отчеты ради отчетов»). Это создает у работников недоверие к руководству, диспетчерам, сторонним службам и организациям, появляется чувство «забытости», и возникает вероятность межгруппового конфликта между коллективами АДК и отделами организации РЦДМ.

Также в снижении доверия между специалистами АДК, осуществляющими трудовую деятельность в условиях социальной изоляции, и руководством предприятия РЦДМ, находящимся вне изоляции, существенную роль

играет искажение передаваемой информации. Искажение информации как социально-психологический фактор снижения взаимодействия в условиях социальной изоляции рассматривали Звонова и Вакула (2020). В ходе исследований авторы выявили, что изолированная группа теряла «связь» с другими группами. В каждой группе вырабатывались свои внутренние правила, традиции, фольклор, о которых другие группы не знали. Таким образом изолированные группы создавали ложные выводы о поступающей внешней информации, а доверие между такими изолированными группами снижалось. Авторы предлагают различные технические и управленческие инструменты для снижения искажения информации, например, создание дополнительных чатов для общения или видео совещаний (Звонова и Вакула, 2020).

В работе S. Gustafsson с соавторами (Gustafsson et al., 2021) приводятся различные инструменты для восстановления и сохранения доверия в организациях, которые работают в сложный период времени и во время различных сбоев. Под сложным периодом времени понимается трудная экономическая ситуация на предприятии или сокращение штата работников. Авторы выделяют «активное доверие», которое образуется благодаря созданию и поддержанию на предприятии корпоративной культуры, традиций и институтов. Данное «активное доверие» достаточно стабильно, так как оно годами отстраивалось в организации. Каждое предприятие обладает определенной уникальностью, и при возникновении сложного периода руководитель вызывает к традициям, культуре, которые сложились за годы деятельности. В некотором смысле, «активное доверие» является буфером и сглаживает сложившуюся ситуацию. В организации РЦДМ данное «активное доверие» более динамично. Опираясь на работу S. Gustafsson с соавторами (Gustafsson et al., 2021), можно выделить циклы доверия, которые будут характерны для данного предприятия. Данные циклы доверия, которые образуются исходя из сменности работников коллективов АДК, можно назвать «месячное доверие». То есть, циклы доверия (недоверия) могут изменяться на протяжении месяца.

Интересный и спорный метод по повышению доверия на предприятии предложен Хабибуллиным (2017). В своей работе автор говорит о том, что если у молодого специалиста, пришедшего на предприятие, есть родитель, который достаточно долго работает на данном предприятии, то этому молодому специалисту легче вызвать первоначальное доверие у своих коллег. Таким образом, ему оказывается некий «кредит доверия». Организацию РЦДМ ОАО «РЖД» можно отнести к предприятиям, в которых «работа поколениями» является довольно распространенной.

Рассмотренные выше внешние условия для создания доверия внутри коллектива весьма условны и показывают всю сложность поддержания доверия. Мы описали достаточно противоречивые внешние институты (условия), но в совокупности они позволяют повысить доверие и сплотить коллектив. Внешнее доверие создает некую атмосферу, но фундаментально, учитывая изоляцию, изменить атмосферу внутри коллектива АДК не может. Поэтому в первую очередь необходимо рассматривать внутреннее доверие изолированных коллективов АДК.

К внутренним условиям, формирующим доверие в изолированной социальной группе, мы будем относить такие условия, как правила, взаимоотношения, культура, специфика работы, отношение к технике и т. д., которые рассмотрим, в первую очередь, через призму социальной психологии. На доверие внутри социальной группы, в первую очередь, оказывают влияние внутренние условия, но можно назвать их и первичными, как в работе Антоненко (2014). Первичные условия – это взаимоотношения внутри социальной группы, состоящей из индивидов. Антоненко (2014) описывает базисное доверие, возникающее у индивида. Это базисное доверие формируетс в глубоком детстве, и потом на него накладывается весь последующий опыт (доверие «опыта»).

Доверие в системе «руководитель АДК – коллектив» является достаточно важным вопросом. В работе Курочкиной (2013) были проведены исследования, в результате которых менеджеров-управленцев классифицировали по трем уровням доверия в трудовом коллективе: высокое, среднее и низкое. Управленцы с низким уровнем доверия эмоционально менее устойчивы, более чувствительны, у них менее развит самоконтроль. Руководители с высоким уровнем доверия более уживчивы, доверчивы и адаптивны, тогда как менеджеры со средним уровнем доверия достаточно подозрительны, имеют собственное мнение, не поддаются обману (Курочкина, 2013). К выбору руководителя смены АДК необходимо подходить более основательно и выбирать менеджера с высоким уровнем доверия, так как личностные качества руководителя в условиях изоляции должны быть выше. К аналогичному выводу в процессе эмпирического исследования пришел Антоненко (2019). Субъективная значимость доверия тем выше, чем меньше социальная дистанция между субъектом и объектом доверия. Внутри межличностных отношений значимость доверия максимальна, а в близких отношениях уменьшается по мере увеличения социальной дистанции (Антоненко, 2019). В условиях социальной изоляции коллективу АДК и его руководителю приходится строить помимо производственных отношений если не дружеские, то товарищеские отношения, вместе работать и вместе жить. Однако доверие коллектива к руководителю смены АДК, в среднем, выше, чем доверие всего этого коллектива к руководству предприятия РЦДМ (главный инженер, диспетчер, заместитель начальника, начальник).

Вопрос повышения доверия путем создания социальных институтов рассматривал Хренов (2015), особенно подчеркивая важность неформальных институтов, которые возникают при определенных условиях. Первое – формирование ситуации неопределенности. Второе – это неудовлетворенность имеющимися формальными правилами (формальные институты). Третье – это стремление к получению большей прибыли или снижение временных

затрат, возникающих от нарушения формальных правил. При наличии данных условий возникают неформальные институты. Эти неформальные институты создают свое особое доверие в коллективе и недоверие к формальным институтам. Коллективу АДК необходимо некоторым образом «выживать» и строить свои правила внутри группы. В условиях социальной изоляции коллективов АДК неформальные институты играют лидирующую роль, создаются свои ритуалы и обряды, повышающие доверие. Обряды и ритуалы в коллективах АДК бывают достаточно жесткими. Этому способствует специфическая среда изоляции. Возникающие неформальные правила, в том числе обряды, помогают сохранять доверие и поддерживать порядок в изолированной группе. Обряды в коллективах АДК описаны в работе Казакова (2021). Эти обряды, а именно инициация, помогают новичкам «вписаться» в сложный коллектив АДК и тем самым заслужить доверие и принять неформальные правила.

Похожие неформальные правила в коллективах рассматривал в своей работе Costa (2003). Так, зависимость доверия от эффективности группы сложна и неоднозначна. Доверие внутри группы рассматривается как фундамент группы и поддерживается благодаря институтам, но полностью предопределить эффективность не может. Доверие меняется в зависимости от жизненного цикла группы, но эффективность при этом не меняется. Примером может являться следующая ситуация: с приходом нового члена в коллектив доверие снижается, но эффективность в группе остается прежней, так как новый член коллектива сразу не допускается до ответственной работы. Далее, после получения необходимого опыта новым членом команды, группа принимает человека и доверие к нему растет, а эффективность остается на том же уровне. Costa (2003) считает, что основой высокого доверия является межличностные отношения в коллективе. Адаптация новичка в работе Сидоренкова (2010), согласно микрогрупповой теории, происходит путем включения его в одну из неформальных подгрупп, которая наиболее открыта для него, или же новичок не включается ни в одну из групп, пока не заслужит эту возможность.

В работе Хренова (2015) описываются ситуации, при которых доверие динамично по своей природе, то есть может усиливаться или ослабевать. Данный факт хорошо заметен в условиях социальной изоляции: уровень доверия в начале и в конце смены (вахты) различается. В коллективах АДК доверие достаточно динамично: вначале смены происходит сплочение группы, так как, зачастую, состав коллектива в каждой смене разный. Одни работники АДК в предыдущей смене (вахте) могли отсутствовать, а именно: находиться в отпусках, на больничном, или были временно переведены на другой АДК. Таким образом, при заступлении на смену (вахту), то есть в изоляцию, доверие и сплоченность в коллективе АДК являются низкими.

Выше было упомянуто, что наиболее значимыми в вопросе изучения доверия внутри изолированной социальной группы являются внутренние условия, которые зависят непосредственно от самой социальной группы. Взаимодействие внутри группы, распад группы на подгруппы, классификация доверия на различные виды изучается социальной психологией. Так, в работе Скрипкиной и Сидоренковой (2006) рассматривается вопрос о межличностном доверии в социально-психологической структуре группы, то есть внутри неформальных подгрупп, между представителями разных подгрупп. Авторы утверждают, что на данный момент имеется мало исследований доверия в неформальных подгруппах, которые, как и группа, являются коллективными субъектами, но уже в самой группе или на пересечении разных подгрупп. Подгруппы представляют собой части группы – диады и триады, которые держатся на межличностных отношениях. Участники подгрупп завязывают неформальные, а значит дружеские отношения и общаются на отвлеченные от работы темы. Подгруппы представляют собой некоторый фундамент. Так, Скрипкина и Сидоренкова (2006) проводят сравнения группы в целом и ее составляющих – неформальных подгрупп, в которых «интегративные» (положительные) феномены, такие как доверие, сплоченность, совместимость, проявляются сильнее, а «дезинтегративные» (отрицательные), такие как конфликты, конкуренция и избегание, проявляются слабее, чем по группе в целом.

Образование и функционирование неформальных подгрупп интенсивно протекает в группах, жизнедеятельность которых характеризуется социальной изоляцией с жесткими правилами жизнедеятельности и высокой ценой ошибок, как описывает Сидоренков (2012). Неформальная подгруппа обладает всеми теми признаками, которыми наделена малая группа, но при этом имеет отличительные особенности: более интенсивное взаимодействие индивидов, их взаимозависимость, достаточно сильные межличностные связи, психологическая целостность подгруппы. А. В. Сидоренков в своих работах (Сидоренков, 2012; Сидоренков, 2010) классифицирует неформальные подгруппы по видам активности и особенностям отношений между членами подгруппы: они делятся на инструментальные и социо-эмоциональные. В основе инструментального типа деятельности лежат индивидуальные прагматические цели членов подгруппы и задачи групповой деятельности. В основе образования и жизнедеятельности подгруппы социо-эмоционального типа лежит аттракция, симпатия. Главной задачей подгруппы такого типа является поддержание хороших отношений.

В условиях социальной изоляции в коллективах АДК практически каждый индивид является частью подгруппы. Единственным исключением из этого правила являются такие АДК, как вагоны-рельсосмазыватели. В данных АДК экипаж – это малая социальная группа (состоит из трех человек), поэтому неформальная подгруппа возможна только одна – диада. В данных группах создается коалиция – диадная подгруппа против одного индивида, который не имеет неформальных отношений. Именно поэтому в коллективах вагонов-рельсосмазывателей при-

существует недоверие. Сидоренков (2010) выделяет типы доверия в зависимости от сферы социальной активности субъектов: поступки, коммуникация, деятельность. Так, различают содержательные разновидности доверия: конфиденциально-охранительное (КОД), информационно-инфлюативное (ИИД) и деятельностно-совладающее (ДСД). При этом каждая структурно-функциональная разновидность доверия (межличностное, микрогрупповое, групповое) имеет все три содержательных аспекта.

Большое значение имеет рассмотрение феномена доверия по отношению к технике. Коллективы АДК являются операторами сложных комплексов, созданных на базе вагонов. Социальная группа – коллектив АДК, таким образом, интегрируется с самим АДК. Возникают сложные взаимодействия в системе «человек – машина» и, как следствие, доверие между этими системами. В своей работе Обознов (2013) проводит сравнение понятий межличностного доверия и доверия к технике. В итоге, указанные понятия одинаковы по содержанию: доверие между людьми имеет сходство с доверием человека-оператора к технике. На основании оценок железнодорожников, а именно машинистов локомотивов, автор делает вывод, что на доверие к технике влияет освоенность техники и ее надежность (Обознов, 2013). К аналогичным выводам приходит Акимова (2012): в некоторых ситуациях отношение к технике подобно отношениям между людьми. Автор приводит эмпирическое подтверждение тому, что доверие к технике рассматривается машинистами локомотивов как психологическое отношение, состоящее из таких компонентов, как компетентность, предсказуемость, надежность, единство. Доверие к технике достаточно динамично, как и доверие внутри коллектива, формируемое под влиянием внутренних условий. Отказ оборудования снижает не только доверие к самому оборудованию, но и порождает конфликтные ситуации внутри коллектива. Коллективы, где техника интегрирована в социальную группу, рассматривала Шатунова (2012). Автор выявил зависимость уровня доверия к технике от трудового стресса у работников гидроэлектростанции. При высоком уровне доверия к технике показатели трудового стресса низкие, или отсутствуют, а при низком уровне доверия к технике трудовой стресс имел высокие показатели. Очевидно, что похожая зависимость уровня доверия от трудового стресса будет и в коллективах АДК, но с более жесткой характеристикой, так как имеет место социальная изоляция, которая усугубляет положение коллектива.

Доверие, возникающее внутри изолированной социальной группы, ранее не рассматривались. Поэтому изучение доверия и сплочения в условиях социальной изоляции является актуальным. Именно доверие позволяет поднять взаимопонимание, безаварийность, производительность в коллективе учитывая фактор изоляции. Дадим определение доверия, которого далее будем придерживаться в настоящей статье. **Доверие в изолированной социальной группе** – это внутреннее доверие, зависящее от самих членов социальной группы, рассматриваемое с социально-психологической стороны, которое достаточно сильно определяется межличностными отношениями. Доверие напрямую зависит от сплоченности в группе, эти два социально-психологических параметра неразрывно связаны между собой. Сплоченность может помочь раскрыть информацию и о доверии, а также выявить особенности работы в условиях изоляции. Если доверие мы рассматриваем как объемный параметр, зависящий от внешних и внутренних условий, то сплоченность – это, в первую очередь, параметр социальной психологии. Чегринцова (2015) выделяет две основных функции сплочения: первая – это создание атмосферы доверия для успешного осуществления профессиональной деятельности; вторая – это формирование привлекательности группы для ее участников. Аналогично С. В. Чегринцовой, А. В. Сидоренков выделяет две функции сплочения – это профессиональное сплочение (некое командообразование) и психологическое сплочение. Последнее выполняет функцию поддержки, образуя взаимопонимание на уровне межличностного взаимодействия (Сидоренков, 2012). Автор классифицирует сплоченность так: предметно-деятельностная (далее ПДС); социально-психологическая (далее СПС). Предметно-деятельностное сплочение (ПДС) – восприятие индивидами единства группы относительно выполняемой совместной деятельности, что выражается в стремлении членов группы объединять усилия, согласованно действовать друг с другом в процессе производственной деятельности. Социально-психологическое сплочение (СПС) – восприятие индивидами единства группы в сфере общения (коммуникации и морально-нравственных поступков), что выражается в стремлении держаться сообща и поддерживать межличностные отношения.

Целью данного исследования является изучение доверия и сплочения, возникающего в изолированных социальных группах на примере коллективов АДК. Среди *задач* исследования можно выделить диагностику доверия и сплочения в коллективах АДК, работающих в условиях социальной изоляции, и в отделах РЦДМ (курирующая организация всех АДК), а также сравнение полученных показателей доверия и сплочения между коллективами АДК и обоснование полученных результатов.

Материалы и методы

Для выявления особенностей возникновения феномена доверия в условиях социальной изоляции в коллективах АДК и в курирующей организации РЦДМ были проведены эмпирические исследования доверия и сплоченности. Исследования производились в два этапа. Первый этап – это проведение исследований в коллективах АДК, непосредственно на рабочих местах (в вагонах). Для этого руководителем организации А. В. Кругловым официально было получено разрешение (оперативный приказ № 273 от 23.09.2021). Второй этап – проведение исследований на рабочих местах в организации РЦДМ, то есть в отношении офисных сотрудников (оперативный

приказ № 180 от 24.06.2022). В обоих этапах исследования применялись методические указания Сидоренкова (2012). Эмпирические исследования старались производить согласно правилам, указанным у А. В. Сидоренкова. Методика изучения доверия по А. В. Сидоренкову представляет собой порядковые шкалы с биполярным принципом упорядочивания признаков. Материал методики содержит 12 пунктов в виде утверждений. Идентификация выраженности признака, отображенного в пункте, осуществляется на основе семибалльной системы. Где 1 балл это «полностью согласен», 7 баллов «полностью не согласен», 4 балла – «нечто среднее». В методике имеется два отдельных раздела, которые заполняет испытуемый. Это разделы: «по группе в целом» и «среди тех, с кем поддерживаю тесные отношения». Помимо разделения на формальные и неформальные отношения, в методике производятся расчеты по различным видам социальной активности субъектов доверия: конфиденциально-охранительное, информационно-инфлюативное и деятельностно-совладающее доверие. Дадим характеристику каждого из видов доверия:

- Конфиденциально-охранительное доверие (далее КОД) основывается на позитивно-негативной оценке индивидом морально-нравственного облика другого индивида и представляет собой убежденность в его порядочности, нравственности и готовность открываться ему.
- Информационно-инфлюативное доверие (далее ИИД) основывается на позитивно-негативной оценке индивидом позиции другого индивида и показывает убежденность в правильности его мнения, готовность принимать информацию от него, подвергаться его влиянию. Данное доверие определяется компетентностью другого индивида по вопросам, которые неопределенны и значимы для субъекта доверия.
- Деятельностно-совладающее доверие (далее ДСД) основывается на позитивно-негативной оценке инструментальных знаний и навыков другого индивида и представляет убежденность в его способности эффективно осуществлять индивидуальную деятельность и вносить вклад в общую работу, а также готовность к сотрудничеству с ним. Данное доверие определяется результатами деятельности другого индивида, которые отображают две характеристики: компетентность и ответственность в определенном виде деятельности.

Методика А. В. Сидоренкова разработана для получения показателей доверия в неформальных подгруппах и в коллективе АДК. Но в нашем случае исследования производились сразу для всех работников АДК, независимо от типа вагона и принадлежности испытуемого к конкретной группе. Исследования были проведены не с позиции социальной психологии. Для каждого коллектива АДК такие исследования практически невозможны, так как в вагоне редко бывает полный экипаж, постоянно происходит переброска специалистов с вагона на вагон, а также многие специалисты отказались от участия в эксперименте. Наш интерес направлен, в первую очередь, на определение среднего показателя межличностного доверия по типу «с кем поддерживаю тесные отношения» и среднего показателя межличностного доверия «по группе в целом» на всех АДК, то есть все АДК рассматриваются как один коллектив.

По результатам согласно методике Сидоренкова (2012), мы получили две группы доверия. Первая – это общее доверие всех работников АДК, групповое доверие. Рассчитывается согласно графе «по группе в целом». Вторая – это доверие, возникающее в неформальных отношениях среди работников АДК. Рассчитывается в графе «с кем поддерживаю тесные отношения». В свою очередь, каждая группа доверия представлена тремя видами доверия по социальной активности. Получаем общие виды доверия: КОД-о, ИИД-о, ДСД-о для всех работников АДК, а также неформальные виды доверия: КОД-н, ИИД-н, ДСД-н. Цифра характеризует уровень доверия, который может быть от 4 до 28 баллов. Данный балл – это среднеарифметическое значение вида доверия. Отношения КОД-о/КОД-н; ИИД-о/ИИД-н; ДСД-о/ДСД-н показывают рассогласованность между общим доверием и доверительным (неформальным) отношением среди работников АДК. Чем больше показатель приближается к 1, тем меньше различие между общим и неформальным доверием.

Исследование производилось сразу во всех отделах организации на рабочих местах. Как и в случае с работниками АДК, исследование было проведено не с позиции социальной психологии для каждого отдела РЦДМ, в силу практической неприменимости такого подхода, поскольку в отделах происходит ротация специалистов, а также многие специалисты отказались от участия в эксперименте.

Ранее мы упоминали, что помимо феномена доверия в социальной группе важен и другой социально-психологический параметр – сплоченность. Исследование сплоченности в условиях социальной изоляции в коллективах АДК и в курирующей организации РЦДМ производились одновременно с исследованиями доверия. Для исследования сплоченности применялась методика Сидоренкова (2012). Данная методика, как в условиях проведения исследования, так и в расчете, очень близка к методике определения доверия того же автора. Был произведен расчет показателей сплочения возникающего в изолированных коллективах АДК, для общего сплочения (ПДС-о, СПС-о) и неформального сплочения (ПДС-н, СПС-н). После этого был выполнен аналогичный расчет показателей сплочения коллективов отделов РЦДМ: для общего (ПДС-о, СПС-о) и неформального (ПДС-н, СПС-н) видов сплочения.

Математическая обработка данных включала стандартные методы математической статистики: подсчет среднего арифметического, нормальность распределения оценивалась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Для обработки данных были использованы компьютерные программы статистического анализа данных: SPSS Statistics.

Результаты исследования

На первом этапе исследования выборка включала 78 человек из 11 АДК в обоих сменах, куда вошли специалисты вагонов рельсосмазывателей, дефектоскопов, путеизмерителей. На втором этапе в выборке участвовало

66 человек из различных отделов (офисов) организации РЦДМ. После проведения расчетов доверия, как в коллективах АДК, так и в отделах РЦДМ, результаты расчета были сведены в таблицу 1. Проанализировав полученные результаты расчетов доверия, сравним значения показателей доверия, возникающего в коллективах АДК, со значениями показателей доверия работников различных отделов организации РЦДМ. По результатами сравнения можно сделать следующие выводы. Значения показателей видов доверия, как общих (КОД-о, ИИД-о, ДСД-о), так и неформальных (КОД-н, ИИД-н, ДСД-н), в коллективах АДК меньше, чем значения аналогичных показателей в отделах организации РЦДМ. Это обусловлено тем, что в условиях социальной изоляции работник АДК попросту устает от постоянно окружающих его одних и тех же людей, имеется большое количество конфликтов, которые снижают общее и неформальное доверие. Помимо этого, человек имеет меньше возможностей для качественного общения, так как выбор субъектов для общения очень мал: в зависимости от типа АДК коллектив варьируется от 3 до 6 человек. Все это сказывается на снижении доверия в коллективах АДК. У работников отделов организации РЦДМ выбор субъектов для построения отношений, как формальных, так и неформальных, значительно больше. Специалисту из отдела организации РЦДМ приходится постоянно участвовать в производственных и неформальных отношениях между отделами, но работа по «пятидневке» позволяет «отдохнуть от коллег». Специалист РЦДМ с легкостью может найти себе субъект для общения из имеющегося большого количества коллег. Поэтому уровни доверия, как общего, так и неформального, в отделах РЦДМ выше.

Таблица 1

Результаты расчета доверия в коллективах АДК и отделах РЦДМ

Работники АДК		Работники РЦДМ	
Вид доверия	значение	Вид доверия	значение
КОД-о	16	КОД-о	17,15
ИИД-о	15,8	ИИД-о	18
ДСД-о	16,68	ДСД-о	18,23
КОД-н	17,76	КОД-н	21,15
ИИД-н	17	ИИД-н	21,61
ДСД-н	18,84	ДСД-н	21,84
КОД-о / КОД-н	0,9009	КОД-о / КОД-н	0,8109
ИИД-о / ИИД-н	0,9294	ИИД-о / ИИД-н	0,8327
ДСД-о / ДСД-н	0,8853	ДСД-о / ДСД-н	0,8345

Примечание: КОД-о – общее конфиденциально-охранительное доверие; ИИД-о – общее информационно-инфлюативное доверие; ДСД-о – общее деятельностно-совладающее доверие; КОД-н – неформальное конфиденциально-охранительное доверие; ИИД-н – неформальное информационно-инфлюативное доверие; ДСД-н – неформальное деятельностно-совладающее доверие.

Сравним полученные балловые значения доверия (таблица 1) с балловыми значениями доверия, приведенными в методике, и классифицируем их:

- балловые значения общего доверия (КОД-о, ИИД-о, ДСД-о) для работников АДК, полученные в результате расчета, классифицируем как «высокие» для всех значений, а именно: КОД-о – диапазон 15,4 до 28; ИИД-о – диапазон 15,6 до 28; ДСД-о – диапазон 16,1 до 28;
- балловые значения неформального доверия (КОД-н, ИИД-н, ДСД-н) для работников АДК, полученные в результате расчета, классифицируем как «средние» для всех значений, а именно: КОД-н – диапазон 15,3 до 20,1; ИИД-н – диапазон 12,4 до 17,8; ДСД-н – диапазон 15,1 до 19,7;
- балловые значения общего доверия (КОД-о, ИИД-о, ДСД-о) для работников РЦДМ, полученные в результате расчета, классифицируем как «высокие» для всех значений;
- балловые значения неформального доверия (КОД-н, ИИД-н, ДСД-н) для работников РЦДМ, полученные в результате расчета, классифицируем: КОД-н – «тенденция к высокому»; ИИД-н – «высокий»; ДСД-н – «тенденция к высокому».

При сравнении значений коэффициентов – отношений общего доверия к неформальному доверию КОД-о/КОД-н; ИИД-о/ИИД-н; ДСД-о/ДСД-н, полученных для коллективов АДК и коллективов отделов РЦДМ, приходим к выводу, что отношение показателя формального доверия к неформальному в коллективах АДК имеет меньшее расхождение (близко к 1), чем аналогичное отношение в коллективах отделов РЦДМ. Это обусловлено тем, что при меньшем количестве членов группы в коллективах АДК в условиях социальной изоляции каждый член коллектива имеет неформальные отношения, то есть входит в подгруппу. Получается, что в условиях изоляции большое значение имеет неформальное доверие, которое влияет на повышение общего доверия всего коллектива АДК, но при этом уровень доверия в коллективе АДК ниже уровня доверия в отделах РЦДМ.

Полученные результаты расчетов сплоченности сведем в таблицу 2. Сравнивая полученные значения сплоченности, приходим к выводу, что значения для общего сплочения (ПДС-о, СПС-о) ниже значений для неформального сплочения (ПДС-н, СПС-н), как в коллективах АДК, так и в коллективах отделов РЦДМ. Причина этого факта в том, что любой коллектив сплачивается в первую очередь за счет неформальных отношений. Неформальная сплоченность создает определенные правила даже при низком доверии и способствует образованию команды, что является наивысшей степенью сплоченности.

Таблица 2

Результаты расчета сплочения в коллективах АДК и отделах РЦДМ

Работники АДК		Работники РЦДМ	
Вид сплочения	значение	Вид сплочения	значение
ПДС-о	21,58	ПДС-о	17,33
СПС-о	19,83	СПС-о	17,86
ПДС-н	26,08	ПДС-н	23,33
СПС-н	24,66	СПС-н	21,66
ПДС-о / ПДС-н	0,827	ПДС-о / ПДС-н	0,742
СПС-о / СПС-н	0,804	СПС-о / СПС-н	0,824

Примечание: ПДС-о – общее предметно-деятельностное сплочение; СПС-о – общее социально-психологическое сплочение; ПДС-н – неформальное предметно-деятельностное сплочение; СПС-н – неформальное социально-психологическое сплочение.

Сравним полученные балловые значения сплоченности (таблица 2) с балловыми значениями сплоченности, приведенными в методике, и классифицируем их:

- балловые значения общего сплочения (ПДС-о, СПС-о) для работников АДК, полученные в результате расчета, классифицируем как «средние» для всех значений, а именно: ПДС-о – диапазон 18,31 до 24,95; СПС-о – диапазон 16,38 до 24,2;
- балловые значения неформального сплочения (ПДС-н, СПС-н) для работников АДК, полученные в результате расчета, классифицируем как «средние» для всех значений, а именно: ПДС-н – диапазон 21,9 до 30,52; СПС-н – диапазон 21,73 до 31,57;
- балловые значения общего сплочения (ПДС-о, СПС-о) для работников РЦДМ, полученные в результате расчета, классифицируем: для ПДС-о – «тенденция к низкому», диапазон 14,99 до 18,3; СПС-о – «средний» диапазон 16,38 до 24,2;
- балловые значения неформального сплочения (ПДС-н, СПС-н) для работников РЦДМ, полученные в результате расчета, классифицируем: для ПДС-н – «средний» диапазон 21,9 до 30,52; СПС-н – «тенденция к низкому» диапазон 16,81 до 21,72.

Обсуждение результатов

Феномен доверия является достаточно сложным социально-психологическим явлением, которое рассматривается не только с точки зрения социальной психологии, но и в зависимости от множества социальных, политических, экономических факторов. Данные факторы или условия, образующие сложное доверие в группе, подразделяются на внешние и внутренние условия. Проведенные эмпирические исследования в коллективах АДК и в коллективах отделов организации РЦДМ показали, что общее и неформальное доверие в коллективах АДК ниже, чем аналогичные виды доверия в коллективах организации РЦДМ. Это обусловлено условиями социальной изоляции, которая снижает доверие. При этом эмпирические исследования сплоченности показали, что значения сплоченности выше в коллективах АДК, чем в отделах организации РЦДМ. Данный факт объясняется тем, что в коллективах АДК при управлении сложными комплексами на базе вагонов необходима высокая организованность в действиях по управлению.

В качестве закрепления выводов касемо доверия и сплоченности, возникающих в коллективах АДК и в отделах организации РЦДМ, приведем примеры доверия и сплочения в других условиях социальной изоляции. Так, Сенкевич (1973) в своем походе на папирусной лодке описывает снижение доверия и увеличение сплоченности практически сразу после выхода в плавание. Доверие в открытом море на лодке, в социальной изоляции, было значительно меньше доверия в порту, при подготовке. Сплоченность в море, наоборот, выросла, что обусловлено рядом факторов: приобретение навыков в управлении лодкой; быстрое взаимодействие членов команды в сложных условиях; командообразование. Похожее изменение социально-психологических показателей описывал Божко (1975) в годовом эксперименте, заключающемся в социальной изоляции трех человек. Работая вместе, до начала эксперимента испытуемые имели уровень доверия, который впоследствии начал снижаться сразу по-

сле начала эксперимента. Сплочение после начала эксперимента, наоборот, выросло, что позволило трем его участникам управлять сложной техникой по симуляции космического полета, требующей высоких командных навыков. Команда – это не только коллектив операторов по управлению сложными системами, но и высокая организованность по сплочению. Вопросы командообразования рассматривала Чижикина Е.С. (Чижикина, 2011). Сплочение и командообразование в сложном АДК, где каждый член команды выполняет свою строго определенную ему функцию, образуют сложный «организм» машина-оператор. Именно поэтому сплочение (как ПДС, так и СПС) в коллективах АДК выше, чем в коллективах отделов РЦДМ.

Заключение. Таким образом, сопоставляя феномены сплочения и доверия, приходим к выводу, что коллективы АДК, работая в психологически сложных условиях, создают множество правил (формальных и неформальных), которые сплачивают, как при выполнении производственных, так и житейско-бытовых задач. Данные правила позволяют образовать высокую сплоченность коллектива, но доверие при этом низкое. Необходимо специально подбирать в коллектив АДК специалистов с высоким доверием друг к другу, чтобы образовался единый коллектив. Доверие в коллективе АДК является фундаментом и более сложным социально-психологическим феноменом, в сравнении со сплочением. Доверие полностью зависит от самих людей, образующих коллектив – это, своего рода, «характер» социальной группы. Сплочение, в свою очередь, более динамично. Его можно повысить путем различных командообразующих мероприятий и специализированных тренингов на сплочение, командообразование и слаженность.

Необходимо специально подбирать в коллектив АДК специалистов с высоким доверием друг к другу и обучать их всем тонкостям работы в условиях изоляции. Специалистам АДК необходимо осуществлять психологическое сопровождение, а за молодым специалистом, пришедшим на работу в коллектив такого типа, закреплять куратора. Руководству стоит разработать специальный регламент по управлению АДК, позволяющий уменьшить искажение информации, максимально стремиться сохранять кадры и уменьшить текучку кадров.

Список литературы

- Акимова, А. Ю. (2012). Доверие к технике в представлении машинистов локомотивов. *Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского Н.И.*, 1(1), 376–382.
- Антоненко, И. В. (2014). Социальная психология доверия. *Приволжский научный вестник*, № 11–2(39), 99–104.
- Антоненко, И. В. (2019). Психология личности: генезис доверия. *Ярославский педагогический вестник*, 1(106), 112–121. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10285>
- Божко, А. Н. (1975). *Год в «Звездолете»*. Молодая гвардия.
- Вольчак, В. В. (2012). Проблема доверия и модернизация институтов. *Terra economicus*, 10(2), 12–18.
- Гордеева, С. С., и Маркова, Ю. С. (2021). Роль организационного доверия в обеспечении эффективности и продуктивности деятельности современной организации (опыт зарубежных исследований). *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 4, 654–661. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-654-661>
- Гуриева, С. Д., и Борисова, М. М. (2014). Доверие как социально-психологическое явление. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 4, 126–136.
- Ильин, Е. П. (2013). *Психология доверия*. Питер.
- Казаков, М. С. (2021). Инициация в специфическом трудовом коллективе, на примере автоматизированных диагностических комплексов ОАО «РЖД». *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 4(2), 6–17. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-2-6-17>
- Козырева, П. М. (2008). К вопросу о доверии в трудовых коллективах. *Социологические исследования*, 11, 24–33.
- Курочкина, В. Е. (2013). Индивидуально-психологические особенности личности менеджеров с разным уровнем доверия к ним в трудовом коллективе. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*, 4(129), 124–129.
- Обознов, А. А. (2013). Доверие человека технике как фактор надежности профессиональной деятельности. *Проблемы педагогики и психологии*, 2, 225–231.
- Потемкин, В. К. (2017). Доверие в системе социально – трудовых отношений. *Социология и право*, 2(36), 24–29.
- Сенкевич, Ю. А. (1973). *На «Ра» через Атлантику*. Гидрометеониздат.
- Сидоренков, А. В. (2010). *Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория*. Издательство Южного федерального университета.
- Сидоренков, А. В. (2012). *Методики социально-психологического изучения малых групп в организации*. Издательство Южного федерального университета.
- Скрипкина, Т. П., и Сидоренкова, И. И. (2006). Доверие в малой группе: межличностное, микрогрупповое, групповое. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск*, 37–40.
- Хабибуллин, Р. И. (2017). Трудовые династии как элемент организационной культуры коллективных предприятий. *Экономический анализ: теория и практика*, 16(5), 870–886. <https://doi.org/10.24891/ea.16.5.870>
- Хренов, А. Е. (2015). Роль доверия в конструировании социальных институтов. *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 208, 183–192.

Чегринцова, С. В. (2015). Влияние социально-психологического климата на удовлетворенность трудом работников. *Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление»*, 4, 131–136.

Чижикова, Е. С. (2011). *Командообразование: учебное пособие*. ТюмГНГУ.

Шатунова, Е. А. (2012). Феномен доверия к технике как фактор оценки трудового стресса на производстве. *Инновации в науке*, 12–2, 78–85.

Costa, A. C. (2003). Work team trust and effectiveness. *Personnel Review*, 32(5), 605–622. <https://doi.org/10.1108/00483480310488360>

Gustafsson, S., & Gillespie, N. (2021). Preserving organizational trust during disruption. *Organization Studies*, 42(9), 1409–1433. <https://doi.org/10.1177/0170840620912705>

Kazakov, M. (2023). The study of isolation in the collectives of special-purpose railroad cars as an element of the sustainable development of social systems. *E3S Web of Conferences*, 402, 06015. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340206015>

References

Akimova, A. Y. (2012). Trust in technology in the representation of locomotive drivers. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 1(1), 376–382. (In Russ.)

Antonenko, I. V. (2014). Social psychology of trust. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*, 11–2(39), 99–104. (In Russ.)

Antonenko, I. V. (2019). Psychology of the Personality: Genesis of Trust. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1(106), 112–121. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-10285>

Bozhko, A. N. (1975). *A year in “Zvezdolet”*. Molodaya Gvardiya. (In Russ.)

Costa, A. C. (2003). Work team trust and effectiveness. *Personnel Review*, 32(5), 605–622. <https://doi.org/10.1108/00483480310488360>

Chegrintsova, S. V. (2015). Influence of socio-psychological climate on labor satisfaction of employees. *Vestnik TvGU. Series “Economics and Management”*, 4, 131–136. (In Russ.)

Chizhikova, E. S. (2011). *Team building: textbook*. IUT. (In Russ.)

Gustafsson, S., & Gillespie, N. (2021). Preserving organizational trust during disruption. *Organization Studies*, 42(9), 1409–1433. <https://doi.org/10.1177/0170840620912705>

Gordeeva, S. S., & Markova, Y. S. (2021). The role of organizational trust in ensuring the efficiency and productivity of the activities of a modern organization (experience of foreign research). *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 4, 654–661. (In Russ.) <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-654-661>

Gurieva, S. D., & Borisova, M. M. (2014). Trust as a socio-psychological phenomenon. *Vestnik of St. Petersburg University*, 4, 126–136. (In Russ.)

Habibullin, R. I. (2017). Labor dynasties as an element of organizational culture of collective enterprises. *Economic analysis: theory and practice*, 16(5), 870–886. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/ea.16.5.870>

Ilyin, E. P. (2013). *The psychology of trust*. Piter. (In Russ.)

Kazakov, M. S. (2021). Initiation in a specific labor team, on the example of automated diagnostic complexes of “Russian Railways”. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 4(2), 6–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-2-6-17>

Kozyreva, P. M. (2008). To the question of trust in labor collectives. *Sociological Studies*, 11, 24–33. (In Russ.)

Khrenov, A. E. (2015). The role of trust in the construction of social institutions. *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 208, 183–192. (In Russ.)

Kazakov, M. (2023). The study of isolation in the collectives of special-purpose railroad cars as an element of the sustainable development of social systems. *E3S Web of Conferences*, 402, 06015. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340206015>

Kurochkina, V. E. (2013). Individual-psychological features of personality of managers with different levels of trust in them in the labor collective. *Bulletin of Adygeya State University. Series 3: Pedagogy and Psychology*, 4(129), 124–129. (In Russ.)

Oboznov, A. A. (2013). Human trust in technology as a factor of reliability of professional activity. *Problems of pedagogy and psychology*, 2, 225–231. (In Russ.)

Potemkin, V. K. (2017). Trust in the system of social and labor relations. *Sociology and Law*, 2(36), 24–29. (In Russ.)

Senkevich, Y. A. (1973). *On “Ra” across the Atlantic*. Gidrometeoizdat. (In Russ.)

Sidorenkov, A. V. (2010). *Small group and informal subgroups: microgroup theory*. Southern Federal University Publishing House. (In Russ.)

Sidorenkov, A. V. (2012). *Methods of socio-psychological study of small groups in the organization*. Southern Federal University Publishing House. (In Russ.)

Skripkina, T. P., & Sidorenkova, I. I. (2006). Trust in a small group: interpersonal, trustmicrogroup, and group. *Izvestiya vuzov. North Caucasus region. Social Sciences. Special issue*, 37–40. (In Russ.)

Shatunova, E. A. (2012). The phenomenon of trust in technology as a factor in assessing labor stress at work. *Innovations in Science*, 12–2, 78–85. (In Russ.)

Volchak, V. V. (2012). The problem of trust and modernization of institutions. *Terra economicus*, 10(2), 12–18. (In Russ.)

Об авторе:

Максим Сергеевич Казаков, аспирант кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [Спин-код](#), kazakovm82@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Maxim Sergeyevich Kazakov, postgraduate of General and Consultative Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [Spin-code](#), kazakovm82@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

The authors has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 04.09.2024

Поступила после рецензирования / Revised 28.11.2024

Принята к публикации / Accepted 15.12.2024

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ PSYCHOPHYSIOLOGY

УДК 159.91

Оригинальное эмпирическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-55-67>

UGMHFI

Влияние транскраниальной электростимуляции правой префронтальной и левой веретенообразной коры на распознавание выражения эмоций

Евгений А. Мелешенко¹ , Валерия А. Егорова² ,
Александр А. Вальгерт³

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³ Университет Максута Нарикбаева, г. Астана, Казахстан

✉ meleshenko@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Распознавание выражений лиц играет важную роль в социальном взаимодействии. Авторы рассматривают вопрос распознавания эмоций, исследуя работу структур головного мозга, ответственных за восприятие эмоций определенной валентности. Накоплено много данных об инвазивных и неинвазивных способах влияния на функционирование данных структур. Однако вопрос о неинвазивном воздействии на структуры, принимающие участие в распознавании выражения лиц, но не ассоциированные с распознаванием эмоций конкретной валентности, изучен недостаточно.

Цель. Изучение особенностей влияния правой префронтальной и левой веретенообразной коры в нормальных условиях и в условиях транскраниальной электрической стимуляции на процесс распознавания визуального выражения эмоций.

Материалы и методы. В исследовании применялись методы записи электроэнцефалограммы с последующим выделением вызванных потенциалов, а также транскраниальная электрическая стимуляция правой латеральной борозды (около Т4), правой префронтальной коры (около F8), правой язычной коры (около Т6). Исследование разделено на 3 этапа: демонстрация фотографий лиц стандартизированных коллекций KDEF, RAFD, WSEFER, выражающих эмоции гнева, печали, радости, страха, удивления, отвращения и нейтральные эмоции, с единовременной записью электроэнцефалографии; проведение транскраниальной электрической стимуляции опытной группы и плацебо контрольной группы; повторное проведение демонстрации фотографий лиц и записи электроэнцефалограммы. Статистическая обработка проводилась с применением метода ANOVA для повторных измерений.

Результаты исследования. Добровольцами в данном исследовании являлись 60 здоровых испытуемых обоих полов в возрасте от 18 до 26 лет. Была обнаружена разница во времени ответа в зависимости от принадлежности к контрольной или опытной группе, а также различия в компонентах вызванных потенциалов N1, N2 и P2 в зависимости от принадлежности к определенным группам и валентности эмоции.

Обсуждение результатов. Полученные результаты объясняются тем, что структуры, связанные с распознаванием эмоций определенной валентности, могут зависеть от функционирования структур, не ассоциированных с распознаванием эмоций конкретной валентности, так как последние предоставляют им информацию о воспринимаемом стимуле. Зависимость функционирования структур, ответственных за идентификацию эмоциональных выражений определенной валентности, может быть объяснена модуляцией их функций со стороны структур головного мозга, не имеющих специализации на конкретной валентности воспринимаемого эмоционального выражения.

Ключевые слова: электроэнцефалограмма, вызванный потенциал, транскраниальная электрическая стимуляция, визуальное распознавание эмоций, интерпретация эмоций

Для цитирования. Мелешенко, Е. А., Егорова, В. А., и Вальгерт, А. А. (2025). Влияние транскраниальной электростимуляции правой префронтальной и левой веретенообразной коры на распознавание выражения эмоций. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(1), 55–67. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-55-67>

Effects of Transcranial Electrical Stimulation of the Right Prefrontal and Left Spindle Cortex on the Recognition of Emotion Expression

Eugene A. Meleshchenko¹ , Valeria A. Egorova² , Alexander A. Walgert³

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

³ Maqsut Narikbayev University, Astana, Kazakhstan

 meleshenko@sfedu.ru

Abstract

Introduction. Recognition of facial expressions plays an important role in social interaction. The authors consider the issue of emotion recognition by investigating the work of the brain structures responsible for the perception of emotions of a certain valence. Much data has been accumulated on invasive and noninvasive ways of influencing the functioning of these structures. However, the issue of noninvasive influence on structures that take part in the recognition of facial expressions but are not associated with the recognition of emotions of a particular valence is not sufficiently studied.

Objective. To study the peculiarities of the influence of the right prefrontal and left spindle cortex under normal conditions and under conditions of transcranial electrical stimulation on the process of recognizing visual expressions of emotion.

Materials and Methods. The study used electroencephalogram recording with subsequent isolation of evoked potentials, as well as transcranial electrical stimulation of the right lateral sulcus (near T4), right prefrontal cortex (near F8), and right lingual cortex (near T6). The study was divided into 3 stages: demonstration of photographs of faces of standardized collections of KDEF, RAFD, WSEFEP, expressing emotions of anger, sadness, joy, fear, surprise, disgust, and neutral emotions, with simultaneous recording of electroencephalography; transcranial electrical stimulation of the experimental group and placebo control group; repeated demonstration of photographs of faces and recording of electroencephalogram. Statistical processing was performed using the ANOVA method for repeated measurements.

Results. The volunteers in this study were 60 healthy subjects of both sexes, aged 18 to 26 years. Differences in response time were found depending on whether they belonged to the control or experimental group, as well as differences in the components of the evoked potentials N1, N2, and P2 depending on group membership and the valence of the emotion.

Discussion. The results obtained are explained by the fact that structures associated with the recognition of emotions of a particular valence may depend on the functioning of structures not associated with the recognition of emotions of a particular valence, since the latter provide them with information about the perceived stimulus. The dependence of functioning of structures responsible for identification of emotional expressions of a particular valence can be explained by modulation of their functions by brain structures that are not specialized for a particular valence of the perceived emotional expression.

Keywords: electroencephalogram, evoked potential, transcranial electrical stimulation, visual emotion recognition, emotion interpretation

For Citation. Meleshchenko, E. A., Egorova, V. A., & Walgert, A. A. (2025). Effect of transcranial electrical stimulation of the right prefrontal and left spindle cortex on recognition of emotion expression. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(1), 55–67. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-55-67>

Введение

Восприятие лица человека и его эмоций является важным источником информации для социального взаимодействия (Горелов, 2024). Большая часть исследователей, изучающих вопрос мозговых механизмов распознавания выражения эмоций, сосредоточено на вопросе роли структур мозга в процессе распознавания выражения эмоций (Kropf et al., 2019). Ими рассматриваются вопросы роли (Diano et al., 2017) и функций конкретных структур головного мозга в процессе распознавания визуального выражения эмоций лица человека (Motomura et al. 2019), а также роли межполушарной асимметрии головного мозга в данном процессе (Li et al, 2021). Однако в литературе не так много внимания уделяется структурам, участвующим в распознавании выражения эмоций, но не ассоциированным с распознаванием эмоций конкретной валентности. В данной статье предлагается рассмотреть процесс распознавания визуального выражения эмоций лица человека с позиции структур коры больших полушарий головного мозга, участвующих в данном процессе, но не ассоциированных с распознаванием эмоций конкретной валентности, на примере правой префронтальной и левой веретенообразной коры (Soulier et al., 2023). Транскраниальная электрическая стимуляция данных структур позволит сравнить их работу в нормальном состоянии и состоянии активации выше нормального, что может позволить лучше понять работу системы распознавания выражения эмоций лица человека (Vergallito et al., 2018).

Восприятие эмоций. Восприятие эмоций другого человека является важным фактором в осуществлении межличностного общения и взаимодействия (Горелов, 2024). Эволюционная роль восприятия эмоций заключается в адаптации и приспособлении к условиям среды, определении и дифференциации положительных и отри-

цательных стимулов и развития системы реагирования на них. Также, не менее важной считается роль эмоций как сигнальной системы, позволяющей осуществить взаимодействие индивидов (Сериков, 2018). Поиск методов воздействия на восприятие эмоций представляется интересным для осуществления деятельности, тесно связанной с необходимостью межличностного взаимодействия. В литературе процесс восприятия и категоризации эмоций описан достаточно подробно. Отмечается тесная взаимосвязь между восприятием собственных эмоций и способностью воспринимать эмоции другого человека (Motomura et al., 2019). Для классификации эмоций нами была использована циркумplexная теория эмоций, исходя из удобства ее применения в психофизиологических исследованиях. Модель Рассела (Cha, 2017) предполагает, что валентность и активация являются независимыми биполярными измерениями. В рамках теории Рассел и соавторы выделили 7 основных эмоций (нейтральность, страх, удивление, гнев, отвращение, печаль, радость) которые и были использованы нами в качестве предлагаемых объектов для категоризации. Само восприятие выражений эмоций лица человека представляется сложным явлением, охватывающим разные параллельно идущие процессы, как собственно восприятие лица, так и процессы категоризации выражений лица по их эмоциональным и семантическим категориям (Барабанщиков, 2020).

Возможность воздействия на восприятие выражений лиц хорошо описана при прямой электрической стимуляции, осуществление которой ограничивается специфическими условиями клинической практики (Lewis et al., 2007; Bujarski, 2022). В целях изучить возможность ТЭЛ воздействовать на восприятие выражений лиц человека, необходимо определить мишени для данного воздействия, связанные с процессом распознавания и категоризации эмоций. Данными мишенями представляются специфические отделы головного мозга, принимающие участие в описанном процессе.

Зоны распознавания эмоций лиц. Физиологически, распознавание эмоций лица человека осуществляется рядом образований, относящихся как к корковым, так и к подкорковым структурам головного мозга. Многие авторы отмечают, что в данном процессе важную функцию играют нейронные субстраты правой вентральной префронтальной коры (Steimer, 2002), левой боковой веретенообразной коры и правой языковой коры (Kawasaki, 2012), передней островковой коры (Gu, 2013).

Правая вентральная префронтальная кора, по данным исследований, активируется при решении задач, связанных с распознаванием эмоций лица, игнорируя при этом иные задачи, связанные с распознаванием лиц и вербальными факторами. Авторы сходятся во мнении, что данная область головного мозга принимает участие в невербальной эмоциональной обработке поступающей визуальной информации (Steimer, 2002). В литературе можно обнаружить, что правая вентральная префронтальная кора активируется в момент распознавания эмоций лица, оценки привлекательности лиц, при этом не проявляя активности выше уровня покоя при задачах, связанных с распознаванием гендера. Отсутствие ответа описанной области коры головного мозга на вербальные задачи объясняется необходимостью в подобных задачах активного взаимодействия обоих полушарий (Steimer, 2002; Maclean, 1952). Вместе с отсутствием корреляции активности правой вентральной префронтальной коры с задачами на вербальное распознавание эмоций многие авторы полагают, что она связана с сознательной оценкой эмоций. Эти выводы подтверждаются тем, что нейронная активность в данной области коры отрицательно коррелирует с нейронной активностью в миндалине. Таким образом, правая вентральная префронтальная кора подавляет эмоциональные реакции, генерируемые миндалевидным телом, будучи связана с сознательной оценкой эмоций. Связь с сознательной обработкой эмоций также подтверждается в исследованиях на категоризацию и сопоставление эмоций лиц человека, которые показывают активацию данной области коры головного мозга (Narumoto, 2000).

Левая боковая веретенообразная кора и правая языковая кора также значительно активируются при задачах на распознавание эмоций лиц, но также авторы указывают, что наблюдается меньшая их активация на задачи распознавания гендера и вербальные задачи. Данные результаты авторы интерпретируют как означающие, что данные зрительные ассоциативные зоны коры головного мозга принимают участие в распознавании лиц, но не являются специфичными для обработки эмоций как таковых. Таким образом, левая боковая веретенообразная кора и правая языковая кора участвуют в процессе сопоставления выражения лица с его словесным описанием, что требует большей затраты ресурсов, чем сопоставление выражений лица друг с другом без посредничества словесных описаний. При этом, как в случае положительных, так и отрицательных эмоций отмечается сравнительно низкая активность миндалины, что объясняется ослаблением бессознательной обработки эмоций лица, которое возникает при определенном уровне напряжения сознательной обработки (Narumoto, 2000).

Передняя островковая кора, как показывают авторы, играет значительную роль в восприятии внутренних изменений организма (интерорецепции) и интерпретации информации об окружающей среде, что представляется важным в процессе распознавания эмоций. Данное мнение подтверждается исследованиями ФМРТ, показавшими, что правая островковая кора активируется при осознании человеком своих собственных эмоций и телесных состояний (Motomura et al., 2019). Также, результаты нейробиологических исследований показывают ухудшение распознавания эмоций по выражению лица, особенно распознавание отвращения, при повреждениях данной области мозга (Adolphs, 2000; Dal Monte, 2013). Таким образом, авторы показывают, что передняя островковая кора играет значимую роль в распознавании собственных эмоций человека и эмоций других людей вне зависимости от их категории (Narumoto, 2000). Отмечается, что передняя островковая кора имеет взаимообратные связи с лобной и передней височной корой, а задняя островковая кора имеет аналогичные связи с теменной и задней височной корой (Dennis et al., 2013). Передняя островковая кора связана с когнитивной и социально-эмоциональной

обработкой, а задняя островковая кора связана с сенсомоторной обработкой (Kurth et al., 2010). Таким образом, островковая кора имеет важное значение для интеграции мультимодальной сенсорной информации с высокоуровневой когнитивной обработкой (Narumoto, 2000).

Исследования электрической стимуляции передней островковой коры хорошо описываются циркумplexной моделью эмоций. Согласно данной модели эмоции могут быть сгруппированы на графике по таким показателям, как валентность и возбуждение. В исследованиях с электрической стимуляцией выяснилось, что островковую кору можно справедливо считать нервным субстратом, определяющим уровень возбуждения, отраженный в циркумplexной модели эмоций (Lewis et al., 2007; Berntson et al., 2011). Аналогичные результаты получили авторы, исследующие влияние изменения кровотока в островковой коре – в случае уменьшения кровотока, происходит притупление интерорецепции, которая является основой для распознавания уровней возбуждения (Khalsa et al., 2009). Аналогично, при электрической стимуляции передней островковой коры интерпретация эмоций сдвигается в сторону большего возбуждения, чем данная эмоция действительно является. Однако, данная область головного мозга связана именно с оценкой уровня возбуждения той или иной эмоции и, видимо, не затрагивает категоризацию эмоции по ее валентности (Narumoto, 2000).

Таким образом, **целью** данной работы является изучение особенностей влияния правой префронтальной и левой веретенообразной коры в нормальных условиях и в условиях транскраниальной электрической стимуляции на процесс распознавания визуального выражения эмоций, оцениваемый через время, необходимое для осуществления процесса восприятия выражения эмоций и предоставление ответа о категоризации того или иного выражения эмоций, а также через электрическую активность головного мозга в виде вызванных потенциалов, фиксируемых во время распознавания. Данное исследование позволяет расширить представление о механизмах работы мозга в процессе распознавания визуального выражения эмоций лица человека, а также проверяет возможность потенциального воздействия на данные механизмы неинвазивными методами, что может иметь значение для разработки методов коррекции расстройств эмоционального восприятия и поведения.

Материалы и методы

Добровольцы прошли инструктаж, в котором им разъяснялись применяемые в исследовании методы, принципы работы оборудования, объяснялись механизмы регистрации электроэнцефалографии (ЭЭГ), а также воздействия транскраниальной электрической стимуляции (ТЭС). Каждый доброволец подписывал информированное согласие на участие в исследовании, в котором указывались права добровольца прекратить свое участие в исследовании в любой момент времени без объяснения причин, обязательство экспериментатора анонимизировать полученные результаты, обеспечить конфиденциальность участников исследования, а также указывались возможные риски проводимого эксперимента. Исследование проводилось в несколько этапов с разделением на контрольную и опытную пробы. В контрольной пробе происходило наложение электродов для транскраниальной электрической стимуляции, включался прибор для ТЭС, производилась его настройка, однако, процедура самой ТЭС не производилась; в опытной группе происходили все указанные этапы работы с прибором для ТЭС с последующим запуском процедуры. Транскраниальная электрическая стимуляция (ТЭС) осуществлялась с помощью оборудования для ТЭС Магнот-СЛИП. Длительность транскраниальной электрической стимуляции составляла 30 минут. Сила подаваемого аппаратом для ТЭС постоянного электрического тока определялась для каждого добровольца индивидуально на уровне ниже болевого порога (не выше 0,70 мА); болевой порог определялся по устному отчету добровольца. Электроды для ТЭС помещались на скальп в области правой латеральной борозды около Т4, правой префронтальной коры около F8 и правой язычной коры около Т6.

Электроэнцефалограмма (ЭЭГ) регистрировалась с использованием электроэнцефалографа Нейровизор БММ-40. Для этой процедуры применялась классическая система размещения электродов ЭЭГ «10–20», где электроды FP1 и FP2 были исключены из-за большого количества артефактов, вызванных глазодвигательной активностью при предъявлении изображений лиц, выражающих эмоции. Визуальные стимулы были представлены с помощью программного кода на языке Python, использующего функции библиотеки PsychoPy. Реакции испытуемых на стимулы регистрировались с помощью компьютерной мыши. Для точной синхронизации отображения визуальных стимулов на экране с моментом их предъявления использовался фотосинхронизатор, подключенный к триггерному каналу энцефалографа. Стимулы представляли собой набор фотографий лиц, взятых из стандартизированных коллекций KDEF, RAFD и WSEFEP. Каждое изображение было адаптировано по размеру, яркости и контрасту. Были сформированы два банка фотографий, в каждом из которых содержалось по 320 изображений, представляющих следующие эмоции: гнев, нейтральные, печаль, радость, страх, удивление и отвращение.

Эмпирическая часть исследования была структурирована на три этапа. На первом этапе проводилось предъявление стимулов, включающее регистрацию электроэнцефалограммы, оценку скорости и точности интерпретации представленных стимулов (фотографий лиц, демонстрирующих различные эмоции) из первого банка фотографий, состоящего из 320 изображений. Участникам предлагалось определить негативные (100 фотографий), нейтральные (120 фотографий) и позитивные (100 фотографий) выражения лиц. На втором этапе проводилось воздействие, которое включало наложение электродов для транскраниальной электрической стимуляции (ТЭС). В зависимости от принадлежности участника к опытной или контрольной группе ТЭС либо проводилась, либо имитировалась. Во время проведения ТЭС не осуществлялась процедура регистрации ЭЭГ, и участникам предло-

ставлялось время на отдых. На третьем этапе повторно предъявлялись стимулы, а также проводилась регистрация ЭЭГ. Оценивалась скорость и точность интерпретации представленных стимулов (фотографий лиц) из второго банка фотографий, также состоящего из 320 изображений, отражающих эмоции.

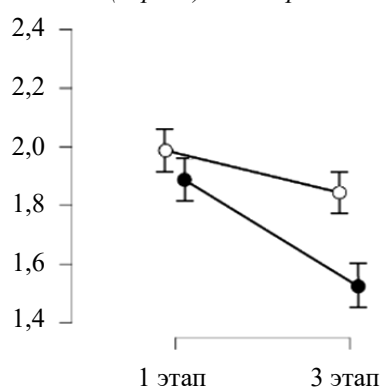
Полученные данные проходили предварительную обработку для удаления артефактов и выбросов, после чего подвергались статистическому анализу. Для анализа использовались дисперсионный анализ ANOVA и анализ связанных с событием потенциалов (ССП) с уровнем значимости 0,05. Анализ осуществлялся в среде MatLab R2018b с помощью инструментов EEGLab 2022.0. Усреднение вызванных потенциалов (ВП) осуществлялось во временном интервале от –200 мс до предъявления стимула и до 500 мс после его предъявления.

Результаты исследования

Добровольцами в данном исследовании являются 60 здоровых испытуемых обоих полов (мужчин – 22, женщин – 38), в возрасте от 18 до 26 лет (20,6 – средний возраст добровольцев), являющихся студентами Южного федерального университета. Во время первого этапа исследования участники контрольной группы демонстрировали среднее время реакции на стимулы в 2,01 секунды, в то время как участники опытной группы – в 1,89 секунды. Однако наблюдаемые различия во времени реакции между этими группами на первом этапе не достигли уровня статистической значимости ($p < 0,05$), что указывает на сходство в реакции обеих групп участников. На третьем этапе исследования среднее время реакции на стимулы составило 1,90 секунды для контрольной группы и 1,57 секунды для опытной группы. Обнаруженные различия во времени реакции на этом этапе исследования являются статистически значимыми ($p < 0,05$), что подтверждает различия в реакции на стимулы между контрольной и опытной группами участников (рисунок 1).

Рисунок 1

Среднее время определения эмоции опытной (черное) и контрольной групп (белое)

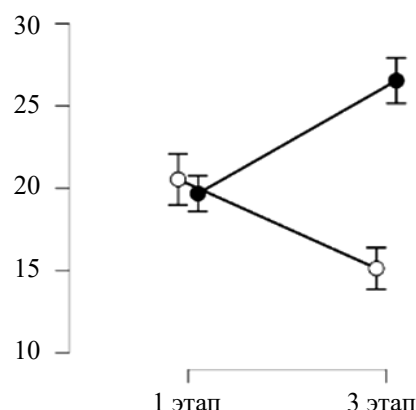

Среднее количество ошибок в определении визуального выражения эмоций лица человека составило 21,2 для участников контрольной группы и 19,2 для участников опытной группы во время первого этапа исследования. Эти показатели не демонстрируют статистически значимых различий ($p < 0,05$), что свидетельствует об однородности обеих групп участников. На третьем этапе исследования среднее количество ошибок составило 16,5 для контрольной группы и 22,3 для опытной группы. Наблюдаемые различия в количестве ошибок на этом этапе исследования являются статистически значимыми ($p < 0,05$), что указывает на различия в эффективности определения визуального выражения эмоций между контрольной и опытной группами участников (рисунок 2).

При сопоставлении показателей вызванных потенциалов (ВП) между участниками контрольной и опытной групп до и после плацебо и транскраниальной электрической стимуляции (ТЭЛ), соответственно, не обнаружено статистически значимых различий. Однако были выявлены различия на уровне статистической тенденции ($p < 0,10$) по некоторым отведениям (Т4, О2) во временном интервале около 280–300 мс после предъявления стимула, а также статистически значимые различия ($p < 0,05$) по другим отведениям (Р3, Р4, О2, С3, С4, Сз, Т3) во временном интервале около 250–300 мс после предъявления стимула. Данные результаты говорят об отсутствии значимых различий между представителями контрольной и опытной групп добровольцев на 1 этапе исследования, что может означать некоторую однородность данных выборок. Различия, отмечаемые после плацебо и ТЭЛ могут говорить о значимом наличии воздействия ТЭЛ на представителей опытной группы добровольцев. При сравнении ВП представителей контрольной группы до и после плацебо получены различия на уровне статистической тенденции ($p < 0,10$) по отведениям F8, Т6, О1, О2, касающиеся периодов времени ~80–100 мс и свыше ~330 мс после предъявления стимула. Данные различия затрагивают следовые потенциалы ВП и компонент ВП N1, однако, не являются статистически значимыми ($p < 0,10$). Указанные различия могут говорить о наличии влияния плацебо, прослеживаемого на уровне статистической тенденции, однако статистически значимых различий обнаружено не было.

Рисунок 2

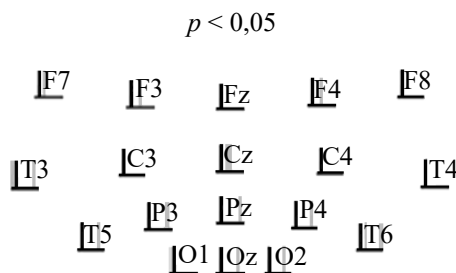
Среднее количество ошибок при распознавании эмоций опытной (черное) и контрольной групп (белое)

При сравнении ВП представителей опытной группы добровольцев до и после ТЭС обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,05$) в зависимости от характера предъявляемых стимулов. При восприятии негативных выражений лиц различия наблюдались по отведениям F3, Cz, F7, касающиеся периодов времени ~100–130 мс и ~150–210 мс после предъявления стимулов (рисунок 3).

Рисунок 3

Сравнение расположения ВП, показывающих статистически значимую разницу до и после ТЭС при распознавании негативных эмоций

Для компонента P2 не выявлено различий во времени появления у участников опытной группы до и после применения транскраниальной электрической стимуляции (ТЭС), однако наблюдаются различия в амплитуде у представителей опытной группы до и после ТЭС (рисунок 4; рисунок 5). Эти изменения могут быть связаны с ориентацией внимания на семантическую категорию стимула. При активации внимания, сосредоточенного на семантических категориях, можно наблюдать уменьшение латентности других потенциалов. Компонент P2 может проявляться в случаях, когда обработка стимулов затрагивает различные уровни перцептивного анализа (Luck, 1994).

Рисунок 4

Сравнение ВП, отведение Cz до (черное) и после (красное) ТЭС при распознавании негативных эмоций

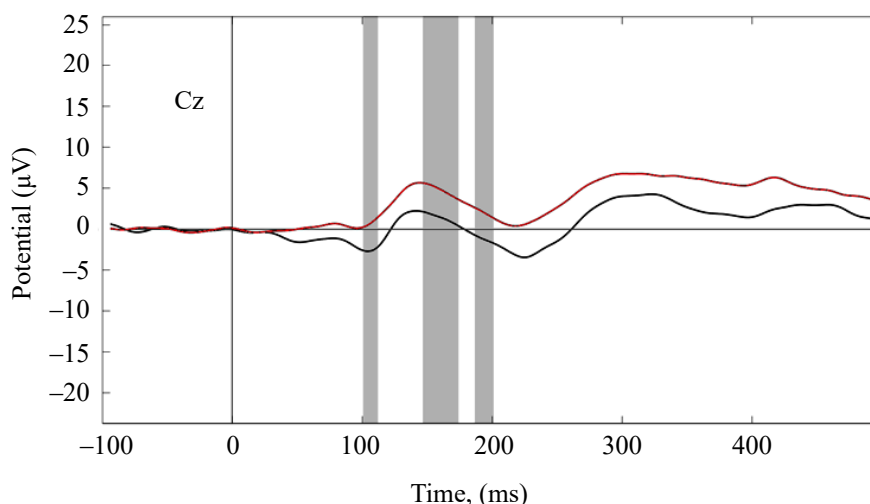
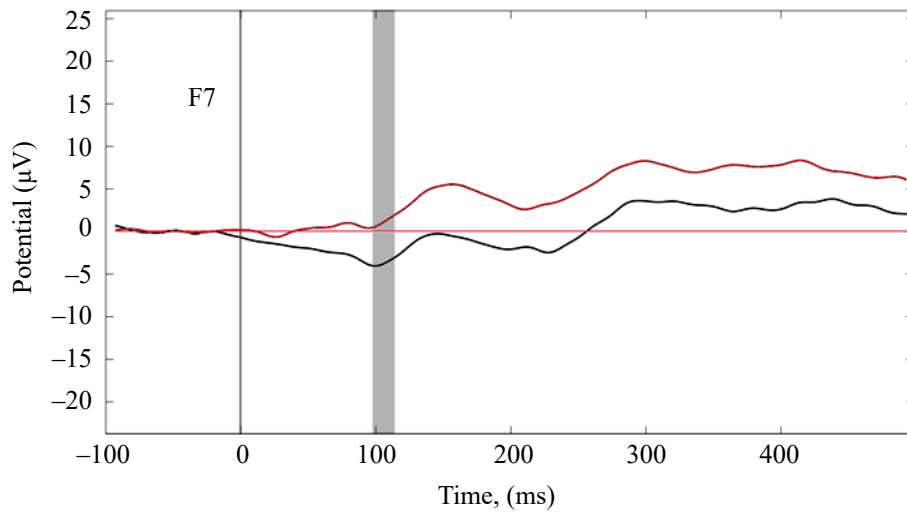

Рисунок 5

Сравнение ВП, отведение F7 до (черное) и после (красное) ТЭС при распознавании негативных эмоций

При восприятии нейтральных выражений лиц различия наблюдались по отведениям T5, P3, касающиеся периода времени ~150–200 мс после предъявления стимулов. У представителей опытной группы после применения транскраниальной электрической стимуляции (ТЭС) отмечается относительное увеличение негативности компонента N2 по сравнению с теми же участниками до ТЭС (рисунок 6; рисунок 7). Однако на момент возникновения данного компонента наблюдается отсутствие различий у представителей опытной группы до и после применения ТЭС. Компонент N2 проявляется в активации процессов рабочей памяти и коррекции процесса сложной сенсомоторной реакции (Luck, 1994).

Рисунок 6

Сравнение расположения ВП, показывающих статистически значимую разницу до и после ТЭС при распознавании нейтральных эмоций

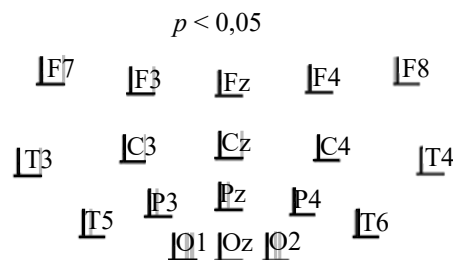
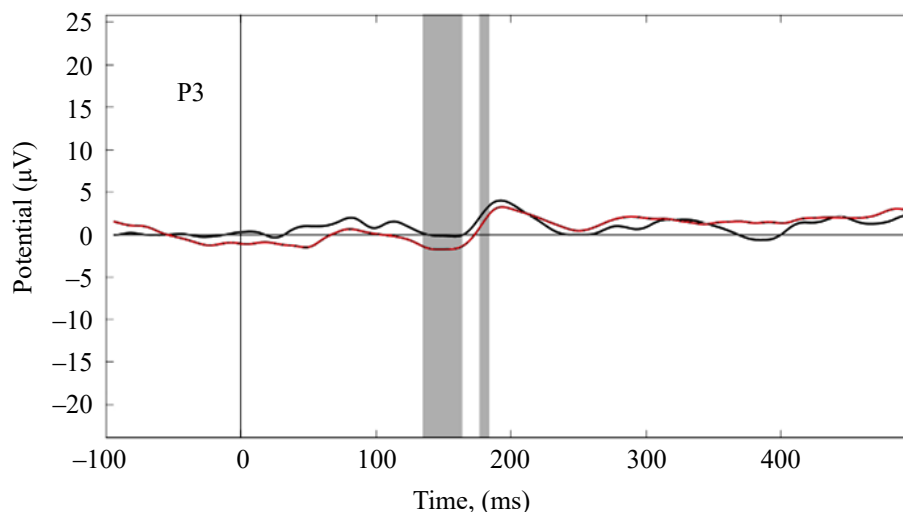

Рисунок 7

Сравнение ВП, отведение P3 до (черное) и после (красное) ТЭС при распознавании нейтральных эмоций

При восприятии позитивных выражений лиц различия наблюдались по отведениям C3, C4, Cz, Pz, T5, касающиеся периодов времени ~140–230 мс, ~ 250–300 мс после предъявления стимулов (рисунок 8). По компоненту P2 не наблюдается различий во времени появления у представителей опытной группы до и после ТЭС (рисунок 9), различия проявляются в некотором увеличении негативности. Можно предположить, что изменения в компоненте P2 могут быть обусловлены сосредоточенностью внимания на семантической категории стимула. При активации внимания, направленного на семантические категории, наблюдается снижение латентности других потенциалов. Компонент P2 может проявляться в случаях, когда обработка стимулов включает различные уровни перцептивного анализа. Отмечается относительное увеличение негативности компонента N2 у участников опытной группы после применения транскраниальной электрической стимуляции (ТЭС) по сравнению с их показателями до ТЭС. Однако в момент возникновения данного компонента не наблюдаются различия у участников опытной группы до и после ТЭС. Компонент N2 проявляется при активации процессов рабочей памяти и корректировке процесса сложной сенсомоторной реакции.

Рисунок 8

Сравнение расположения ВП, показывающих статистически значимую разницу до и после ТЭС при распознавании позитивных эмоций

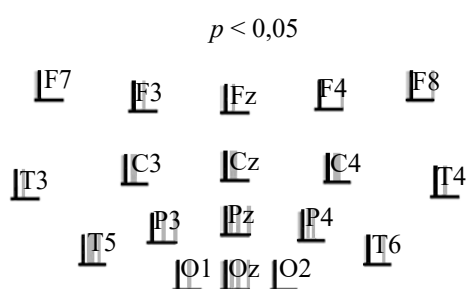
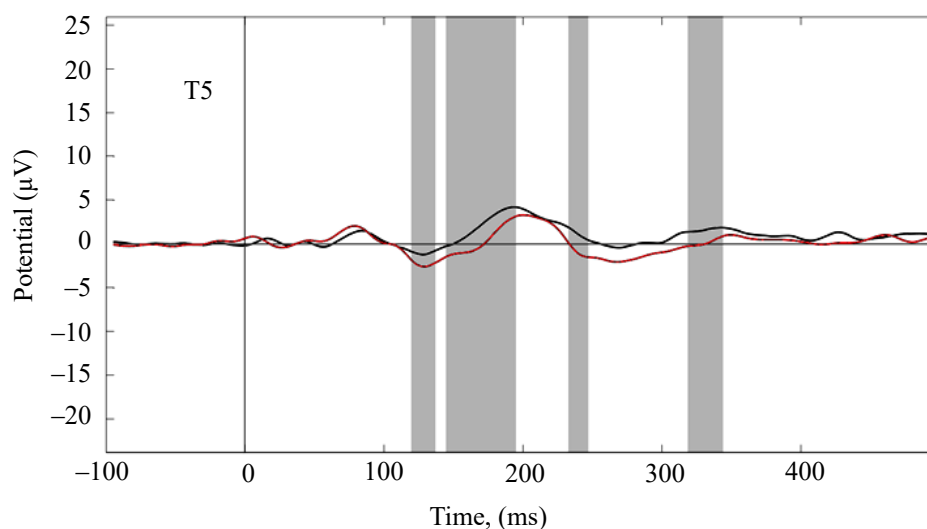

Рисунок 9

Сравнение ВП, отведение T5 до (черное) и после (красное) ТЭС при распознавании негативных эмоций

Обсуждение результатов

Целью данного исследования выступало изучение особенностей влияния правой префронтальной и левой веретенообразной коры в нормальных условиях и в условиях транскраниальной электрической стимуляции на процесс распознавания визуального выражения эмоций. Транскраниальной электрической стимуляции подвергались правая латеральная борозда (около T4), правая префронтальная кора (около F8) и правая язычная кора (около T6). Данные структуры отличаются тем, что не являются ассоциированным с распознаванием эмоций конкретной валентности, но участвуют в общих процессах распознавания эмоций на лице человека (Soulier et al., 2023).

Различия скорости и качества визуального определения выражений лиц человека показывают уменьшение необходимого для данного определения времени, при этом снижая его качество при ТЭС вышеуказанных областей скальпа. Данные результаты могут объясняться тем, что электрический ток, проходя через моторные зоны коры головного мозга, оказывал на них стимулирующее воздействие, уменьшая необходимое время для сложной зрительно-моторной реакции. Одновременно с этим, воздействие анодным током на переднюю островковую

кору, показанную зоной, уменьшающей восприятие таких негативных эмоций, как отвращение (Adolphs, 1996; Dal Monte, 2013), внесло некоторые нарушения в сам процесс восприятия и обработки информации вследствие, вероятно, их большей активации, что и могло повлечь указанное уменьшение качества распознавания выражений лиц. Похожие результаты были обнаружены авторами при анодной стимуляции правой венстролатеральной префронтальной коры (Vergallito, 2018). Однако, правая венстролатеральная префронтальная кора играет роль в собственно регулировании негативных эмоций, связанных с предотвращением опасных ситуаций, в то время как мы стимулировали зоны мозга, не связанные с распознаванием какой-либо конкретной категории эмоций.

Данные, полученные с помощью электроэнцефалографии, показали, что ТЭС приводит к значимым изменениям в компонентах ВП N1, N2 и P2: наблюдаются различия во времени возникновения данных компонентов, а также изменения их амплитуды. К похожим выводам приходили другие авторы, отмечая значение указанных компонентов в процессах распознавания лиц и формирования эмоциональной реакции (Алексеева и др., 2017; Кирасирова и др., 2021).

Изменения компонента ВП N1 наблюдались при анализе восприятия негативных выражений лиц по отведениям Cz и F7, и сопровождалась несколько более ранним появлением данного компонента и некоторым увеличением его амплитуды относительно данных, полученных до проведения ТЭС. Наблюдения подобных изменений исключительно в случае восприятия негативных стимулов, что может говорить о увеличении роли процессов внимания и изменения процесса обработки лиц (Алексеева и др., 2017) в связи с анодной стимуляцией правой латеральной борозды, правой префронтальной коры и правой язычной коры. Можно предположить, что данная стимуляция могла спровоцировать запредельное торможение данных областей коры, что требует дополнительных исследований.

Значимые изменения по компоненту ВП N2 наблюдались при предъявлении всех вариантов стимулов: F3, Cz при предъявлении негативных выражений лиц; T5, P3 при предъявлении нейтральных выражений лиц; C3, C4, Cz, Pz, T5 при предъявлении позитивных лиц. С учетом равной представленности разнообразия стимульного материала на первом и третьем этапах исследования, можно сделать вывод, что изменения амплитуды компонента ВП N2 связано с активацией процессов внимания и повышением когнитивной нагрузки. Предполагается, что вышеуказанная анодная стимуляция и снижение качества распознавания выражения лиц способствуют напряжению и ухудшению работы всего механизма распознавания выражения эмоций лица человека, так как данные изменения фиксировались во всех группах представленных стимулов. Такое предположение может подтверждаться данными об устойчивости данного компонента к манипуляции с нагрузкой и высоким уровнем автоматизации на данном этапе обработки. Подобные данные получили авторы, указывающие на отклонение в сторону большей негативности N2 при восприятии страха по сравнению с нейтральными выражениями лица (Schindler et al., 2021).

Изменения амплитуды компонента P2 наблюдалось также при восприятии всех групп стимулов: по отведению Cz при восприятии негативных стимулов; по отведению T5 при восприятии нейтральных стимулов; по отведениям C3, C4, Cz, T5 при восприятии позитивных стимулов. Данные результаты могут указывать на увеличение активности нейронной сети, ответственной за восприятие и семантическую категоризацию эмоционально значимых неоднородных стимулов при проведении вышеописанной анодной стимуляции. Вероятно, данные результаты также могут свидетельствовать об указанном выше повышении напряженности системы распознавания и категоризации визуальных эмоционально значимых стимулов. Роль компонента P2 в данной системе подтверждается другими авторами, указывающими на его значение для правильности и скорости определения выражения лица (Kosonogov et al., 2022).

Интересным является фиксация статистически значимых различий по отведениям электроэнцефалограммы: в ответ на демонстрацию негативных выражений лиц наблюдается изменение биоэлектрической активности в основном лобных отведениях; нейтральных – левой височной области; позитивных – центральной борозды и левой височной области. При сравнении данных электроэнцефалограммы до и после ТЭС обнаруживается отсутствие или, по крайней мере, слабая выраженность компонента ВП P3 одновременно с выраженностью компонента ВП P2. Эти результаты могут говорить об отсутствии необходимости экстренной категоризации воспринимаемых стимулов (Simson, 1976), то есть данные стимулы до и после ТЭС были знакомы и легко категоризовались, но при этом, сами процессы категоризации были активны. Значимое изменение компонента P2 наблюдалось в ответ на оценку позитивных выражений лиц на фотографиях.

При сравнении амплитуды компонентов ВП можно заметить, что при восприятии позитивных выражений лиц до ТЭС позитивность выше в сравнении с восприятием нейтральных выражений лиц. В свою очередь, восприятие нейтральных выражений лиц до ТЭС показывают большую позитивность в сравнении с восприятием негативных выражений лиц. После проведения ТЭС данные показатели меняются: позитивность при восприятии негативных выражений лиц оказывается выше в сравнении с восприятием нейтральных выражений лиц, а восприятие нейтральных выражений лиц показывает позитивность выше в сравнении с восприятием позитивных выражений лиц. Данные показатели, вероятно, могут говорить об увеличении активности системы распознавания и категоризации эмоционально значимых стимулов при восприятии негативных выражений лиц, одновременно сопровождающейся снижением аналогичной активности при восприятии позитивных выражений лиц после ТЭС.

Можно предположить, что воздействие описанной схемы ТЭС может приводить к изменениям в работе системы восприятия и категоризации визуального выражения эмоций при предъявлении неоднородных стимулов. Учитывая схему постановки электродов и полученные результаты, можно предположить, что увеличение активации или, если имело место быть, запредельное торможение правой латеральной борозды, правой префронтальной коры и правой язычной коры могут вносить погрешности в работе всего механизма восприятия и категоризации выражений лиц человека.

Заключение. Описанные результаты демонстрируют комплексную работу всей системы распознавания выражений лиц человека и, соответственно, влияние зон, не ассоциированных с распознаванием эмоций конкретной валентности, на распознавание выражений лица. Можно предположить, что распознавание выражения лица представляет собой процесс слаженной работы всех структур мозга, ответственных за распознавание эмоций всех валентностей вне зависимости от конкретно воспринимаемой эмоции. Структуры же, участвующие в данном процессе, но не ассоциированные с распознаванием эмоций конкретной валентности, вероятно, участвуют в подготовке и обработке информации, которая затем должна интерпретироваться зонами, связанными с конкретной валентностью.

Изменение функционирования структур, не связанных с определенной валентностью, таким образом, косвенно приводит к изменению результата работы структур головного мозга, ответственных за распознавание конкретных валентностей эмоций. Это может быть связано с тем, что структурам, связанным с определенной валентностью, видимо, передаются сигналы, определенным образом настраивающие их работу, либо же сами эти сигналы являются для них входными данными, изменение которых приводит к изменению результата обработки.

Список литературы

- Алексеева, Д. С., Ермаков, П. Н., Бабенко, В. В., и Явна, Д. В. (2017). Исследование с помощью вызванных потенциалов функциональной эквивалентности механизмов восприятия и генерации эмоций. *Российский психологический журнал*, 14(4), 97–120. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.5>
- Барабанщиков, В. А., и Королькова, О. А. (2020). Восприятие экспрессий «живого» лица. *Экспериментальная психология*, 13(3), 55–73. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130305>
- Горелов, В. Ю. (2024). Распознавание эмоций молодыми людьми с ограниченными возможностями здоровья. *Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология*, 7(2), 50–63. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-50-63>
- Кирасирова, Л. А., Захаров, А. В., Морозова, М. В., Kaplan, A. Ya., и Пятин, В. П. (2021). Корреляты ERP при обработке эмоциональных лиц в виртуальной реальности. *Opera Medica et Physiologica*, 8(3), 12–19. <https://doi.org/10.24412/2500-2295-2021-3-12-19>
- Сериков, А. Е. (2018). Ч. Дарвин о выражении эмоций: судьба основных идей. *Вестник самарской гуманитарной академии. Серия: философия. Филология*, 2(24), 30–40.
- Adolphs, R., Damasio, H., Tranel, D., & Damasio, A. R. (1996). Cortical systems for the recognition of emotion in facial expressions. *The Journal of Neuroscience: The Official Journal of The Society for Neuroscience*, 16(23), 7678–7687. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.16-23-07678.1996>
- Adolphs, R., Damasio, H., Tranel, D., Cooper, G., & Damasio, A. R. (2000). A role for somatosensory cortices in the visual recognition of emotion as revealed by three-dimensional lesion mapping. *The Journal of Neuroscience: The Official Journal of The Society for Neuroscience*, 20(7), 2683–2690. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.20-07-02683.2000>
- Berntson, G. G., Norman, G. J., Bechara, A., Bruss, J., Tranel, D., & Cacioppo, J. T. (2011). The insula and evaluative processes. *Psychological Science*, 22(1), 80–86. <https://doi.org/10.1177/0956797610391097>
- Bujarski, A. K., Song, Y., Xie, T., Leeds, Z., Kolankiewicz, S. I., Wozniak, G. H., Guillory, S., Aronson, J. P., Chang, L., & Jobst, B. C. (2022). Modulation of emotion perception via amygdala stimulation in humans. *Frontiers in Neuroscience*, 15, 1–15. <https://doi.org/10.3389/fnins.2021.795318>
- Cha, H-t., & Han, E-h. (2017). A novel method for emotional dimension in affective science using expansion of Russell's model. Korean Society for Emotion and Sensibility. *Korean Society for Emotion and Sensibility*, 20(1), 75–82. <https://doi.org/10.14695/KJSOS.2017.20.1.75>
- Dal Monte, O., Krueger, F., Solomon, J. M., Schintu, S., Knutson, K. M., Strenziok, M., Pardini, M., Leopold, A., Rayment, V., & Grafman, J. (2013). A voxel-based lesion study on facial emotion recognition after penetrating brain injury. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 8(6), 632–639. <https://doi.org/10.1093/scan/nss041>
- Diano, M., Tamietto, M., Celeghin, A., Weiskrantz, L., Tatu, M. K., Bagnis, A., Duca, S., Geminiani, G., Cauda, F., & Costa, T. (2017). Dynamic changes in amygdala psychophysiological connectivity reveal distinct neural networks for facial expressions of basic emotions. *Scientific Reports*, 7, 45260. <https://doi.org/10.1038/srep45260>
- Gu, X., Hof, P. R., Friston, K. J., & Fan, J. (2013). Anterior insular cortex and emotional awareness. *The Journal of Comparative Neurology*, 521(15), 3371–3388. <https://doi.org/10.1002/cne.23368>

- Kawasaki, H., Tsuchiya, N., Kovach, C. K., Nourski, K. V., Oya, H., Howard, M. A., & Adolphs, R. (2012). Processing of facial emotion in the human fusiform gyrus. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 24(6), 1358–1370. https://doi.org/10.1162/jocn_a.00175
- Khalsa, S. S., Rudrauf, D., Feinstein, J. S., & Tranel, D. (2009). The pathways of interoceptive awareness. *Nature Neuroscience*, 12(12), 1494–1496. <https://doi.org/10.1038/nn.2411>
- Kosonogov, V., Kovsh, E., & Vorobyeva, E. (2022). Event-related potentials during verbal recognition of naturalistic neutral-to-emotional dynamic facial expressions. *Applied Sciences*, 161, 108056. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2021.108056>
- Kropf, E., Syan, S. K., Minuzzi, L., & Frey, B. N. (2019). From anatomy to function: the role of the somatosensory cortex in emotional regulation. *Brazilian Journal of Psychiatry*, 41(3), 261–269. <https://doi.org/10.1590/1516-4446-2018-0183>
- Lewis, P. A., Critchley, H. D., Rotshtein, P., & Dolan, R. J. (2007). Neural correlates of processing valence and arousal in affective words. *Cerebral cortex*, 17(3), 742–748. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhk024>
- Li, Y., Wang, L., Zheng, W., Zong, Y., Qi, L., & Cui, Z. (2021). A novel bi-hemispheric discrepancy model for eeg emotion recognition. *IEEE Transactions on Cognitive and Developmental Systems*, 13(2), 354–367. <https://doi.org/10.1109/TCDS.2020.2999337>
- Luck, S. J., Hillyard, S. A., Mouloua, M., Woldorff, M. G., Clark, V. P., & Hawkins, H. L. (1994). Effects of spatial cuing on luminance detectability: psychophysical and electrophysiological evidence for early selection. *Journal of experimental psychology. Human perception and performance*, 20(4), 887–904. <https://doi.org/10.1037//0096-1523.20.4.887>
- Maclean, P. D. (1952). Some psychiatric implications of physiological studies on frontotemporal portion of limbic system (visceral brain). *Electroencephalography and clinical neurophysiology*, 4(4), 407–418. [https://doi.org/10.1016/0013-4694\(52\)90073-4](https://doi.org/10.1016/0013-4694(52)90073-4)
- Motomura, K., Terasawa, Y., Natsume, A., Iijima, K., Chalise, L., Sugiura, J., Yamamoto, H., Koyama, K., Wakabayashi, T., & Umeda, S. (2019). Anterior insular cortex stimulation and its effects on emotion recognition. *Brain structure & function*, 224(6), 2167–2181. <https://doi.org/10.1007/s00429-019-01895-9>
- Narumoto, J., Yamada, H., Iidaka, T., Sadato, N., Fukui, K., Itoh, H., & Yonekura, Y. (2000). Brain regions involved in verbal or non-verbal aspects of facial emotion recognition. *Neuroreport*, 11(11), 2571–2576. <https://doi.org/10.1097/00001756-200008030-00044>
- Schindler, S., Tirloni, C., Bruchmann, M., & Straube T. (2021). Face and emotional expression processing under continuous perceptual load tasks: An ERP study. *Biological Psychology*, 161, 108056. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2021.108056>
- Simson, R., Vaughan, H. G., & Ritter, W. (1976). The scalp topography of potentials associated with missing visual or auditory stimuli. *Electroencephalography and clinical neurophysiology*, 40(1), 33–42. [https://doi.org/10.1016/0013-4694\(76\)90177-2](https://doi.org/10.1016/0013-4694(76)90177-2)
- Soulier, H., Mauguière, F., Catenox, H., Montavont, A., Isnard, J., Hermier, M., Guenot, M., Rheims, S., & Mazzola, L. (2023). Visceral and emotional responses to direct electrical stimulations of the cortex. *Annals of clinical and translational neurology*, 10(1), 5–17. <https://doi.org/10.1002/acn3.51694>
- Steimer, T. (2002). The biology of fear- and anxiety-related behaviors. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 4(3), 231–249. <https://doi.org/10.31887/DCNS.2002.4.3/tsteimer>
- Vergallito, A., Riva, P., Pisoni, A., & Romero Lauro, L. J. (2018). Modulation of negative emotions through anodal tDCS over the right ventrolateral prefrontal cortex. *Neuropsychologia*, 119, 128–135. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2018.07.037>

References

- Adolphs, R., Damasio, H., Tranel, D., & Damasio, A. R. (1996). Cortical systems for the recognition of emotion in facial expressions. *The Journal of Neuroscience: The Official Journal of The Society for Neuroscience*, 16(23), 7678–7687. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.16-23-07678.1996>
- Alexeeva, D. S., Ermakov, P. N., Babenko, V. V., & Yavna, D. V. (2017). Investigation by means of evoked potentials of functional equivalence of mechanisms of perception and emotion generation. *Russian Psychological Journal*, 14(4), 97–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.5>
- Adolphs, R., Damasio, H., Tranel, D., Cooper, G., & Damasio, A. R. (2000). A role for somatosensory cortices in the visual recognition of emotion as revealed by three-dimensional lesion mapping. *The Journal of Neuroscience: The Official Journal of The Society for Neuroscience*, 20(7), 2683–2690. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.20-07-02683.2000>
- Berntson, G. G., Norman, G. J., Bechara, A., Bruss, J., Tranel, D., & Cacioppo, J. T. (2011). The insula and evaluative processes. *Psychological Science*, 22(1), 80–86. <https://doi.org/10.1177/0956797610391097>
- Bujarski, A. K., Song, Y., Xie, T., Leeds, Z., Kolankiewicz, S. I., Wozniak, G. H., Guillory, S., Aronson, J. P., Chang, L., & Jobst, B. C. (2022). Modulation of emotion perception via amygdala stimulation in humans. *Frontiers in Neuroscience*, 15, 1–15. <https://doi.org/10.3389/fnins.2021.795318>
- Cha, H-t., & Han, E-h. (2017). A novel method for emotional dimension in affective science using expansion of Russell's model. *Korean Society for Emotion and Sensibility*, 20(1), 75–82. <https://doi.org/10.14695/KJSOS.2017.20.1.75>

- Dal Monte, O., Krueger, F., Solomon, J. M., Schintu, S., Knutson, K. M., Strenziok, M., Pardini, M., Leopold, A., Rayment, V., & Grafman, J. (2013) A voxel-based lesion study on facial emotion recognition after penetrating brain injury. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 8(6), 632–639. <https://doi.org/10.1093/scan/nss041>
- Diano, M., Tamietto, M., Celeghin, A., Weiskrantz, L., Tatu, M. K., Bagnis, A., Duca, S., Geminiani, G., Cauda, F., & Costa, T. (2017). Dynamic changes in amygdala psychophysiological connectivity reveal distinct neural networks for facial expressions of basic emotions. *Scientific Reports*, 7, 45260. <https://doi.org/10.1038/srep45260>
- Drumshchikov, V. A., & Korolkova, O. A. (2020). Perception of “live” face expressions. *Experimental Psychology*, 13(3), 55–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130305>
- Gu, X., Hof, P. R., Friston, K. J., & Fan, J. (2013). Anterior insular cortex and emotional awareness. *The Journal of Comparative Neurology*, 521(15), 3371–3388. <https://doi.org/10.1002/cne.23368>
- Gorelov, V. Y. (2024). Recognition of emotions by young people with disabilities. *Innovative science: psychology. pedagogy. defectology*, 7(2), 50–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-2-50-63>
- Kawasaki, H., Tsuchiya, N., Kovach, C. K., Nourski, K. V., Oya, H., Howard, M. A., & Adolphs, R. (2012). Processing of facial emotion in the human fusiform gyrus. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 24(6), 1358–1370. https://doi.org/10.1162/jocn_a_00175
- Kirasirova, L. A., Zakharov, A. V., Morozova, M. V., Kaplan, A. Ya., & Pyatin, V. P. (2021). ERP correlates of emotional face processing in virtual reality. *Opera Medica et Physiologica*, 8(3), 12–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2500-2295-2021-3-12-19>
- Khalsa, S. S., Rudrauf, D., Feinstein, J. S., & Tranel, D. (2009). The pathways of interoceptive awareness. *Nature Neuroscience*, 12(12), 1494–1496. <https://doi.org/10.1038/nn.2411>
- Kosonogov, V., Kovsh, E., & Vorobyeva, E. (2022). Event-related potentials during verbal recognition of naturalistic neutral-to-emotional dynamic facial expressions. *Applied Sciences*, 161, 108056. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2021.108056>
- Kropf, E., Syan, S. K., Minuzzi, L., & Frey, B. N. (2019). From anatomy to function: the role of the somatosensory cortex in emotional regulation. *Brazilian Journal of Psychiatry*, 41(3), 261–269. <https://doi.org/10.1590/1516-4446-2018-0183>
- Lewis, P. A., Critchley, H. D., Rotshtein, P., & Dolan, R. J. (2007). Neural correlates of processing valence and arousal in affective words. *Cerebral cortex*, 17(3), 742–748. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhk024>
- Li, Y., Wang, L., Zheng, W., Zong, Y., Qi, L., & Cui, Z. (2021). A novel bi-hemispheric discrepancy model for eeg emotion recognition. *IEEE Transactions on Cognitive and Developmental Systems*, 13(2), 354–367. <https://doi.org/10.1109/TCDS.2020.2999337>
- Luck, S. J., Hillyard, S. A., Mouloua, M., Woldorff, M. G., Clark, V. P., & Hawkins, H. L. (1994). Effects of spatial cuing on luminance detectability: psychophysical and electrophysiological evidence for early selection. *Journal of experimental psychology. Human perception and performance*, 20(4), 887–904. <https://doi.org/10.1037//0096-1523.20.4.887>
- Maclean, P. D. (1952). Some psychiatric implications of physiological studies on frontotemporal portion of limbic system (visceral brain). *Electroencephalography and clinical neurophysiology*, 4(4), 407–418. [https://doi.org/10.1016/0013-4694\(52\)90073-4](https://doi.org/10.1016/0013-4694(52)90073-4)
- Motomura, K., Terasawa, Y., Natsume, A., Iijima, K., Chalise, L., Sugiura, J., Yamamoto, H., Koyama, K., Wakabayashi, T., & Umeda, S. (2019). Anterior insular cortex stimulation and its effects on emotion recognition. *Brain structure & function*, 224(6), 2167–2181. <https://doi.org/10.1007/s00429-019-01895-9>
- Narumoto, J., Yamada, H., Iidaka, T., Sadato, N., Fukui, K., Itoh, H., & Yonekura, Y. (2000). Brain regions involved in verbal or non-verbal aspects of facial emotion recognition. *Neuroreport*, 11(11), 2571–2576. <https://doi.org/10.1097/00001756-200008030-00044>
- Schindler, S., Tirloni, C., Bruchmann, M., & Straube T. (2021). Face and emotional expression processing under continuous perceptual load tasks: An ERP study. *Biological Psychology*, 161, 108056. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2021.108056>
- Serikov, A. E. (2018). Ch. Darwin on the expression of emotions: the fate of the main ideas. *Vestnik of the Samara humanitarian academy. Series: philosophy. Philology*, 2(24), 30–40 (In Russ.)
- Simson, R., Vaughan, H. G., & Ritter, W. (1976). The scalp topography of potentials associated with missing visual or auditory stimuli. *Electroencephalography and clinical neurophysiology*, 40(1), 33–42. [https://doi.org/10.1016/0013-4694\(76\)90177-2](https://doi.org/10.1016/0013-4694(76)90177-2)
- Soulier, H., Mauguière, F., Catenoix, H., Montavont, A., Isnard, J., Hermier, M., Guenot, M., Rheims, S., & Mazzola, L. (2023). Visceral and emotional responses to direct electrical stimulations of the cortex. *Annals of clinical and translational neurology*, 10(1), 5–17. <https://doi.org/10.1002/acn3.51694>
- Steimer, T. (2002). The biology of fear- and anxiety-related behaviors. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 4(3), 231–249. <https://doi.org/10.31887/DCNS.2002.4.3/tsteimer>
- Vergallito, A., Riva, P., Pisoni, A., & Romero Lauro, L. J. (2018). Modulation of negative emotions through anodal tDCS over the right ventrolateral prefrontal cortex. *Neuropsychologia*, 119, 128–135. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2018.07.037>

Об авторах:

Евгений Александрович Мелешенко, ассистент кафедры клинической психологии и психофизиологии, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [Спин-код](#), meleshenko@sfedu.ru

Валерия Александровна Егорова, преподаватель кафедры психологии управления и юридической психологии, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42), [ORCID](#), [Спин-код](#), veremeeva@sfedu.ru

Александр Александрович Вальгерт, студент, Университет Максута Нарикбаева (Казахстан, 010000, г. Астана, ш. Коргалжын, 8), [ORCID](#), a_valgert@kazguu.kz

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Evgeny Aleksandrovich Meleshchenko, Assistant of Clinical Psychology and Psychophysiology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [Spin-code](#), meleshenko@sfedu.ru

Valeria Aleksandrovna Egorova, Lecturer of Management Psychology and Legal Psychology Department, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation), [ORCID](#), [Spin-code](#), veremeeva@sfedu.ru

Alexander Alexandrovich Walgert, Student, Maqsut Narikbayev University (8, Astanahighway, 010000, Kazakhstan), [ORCID](#), a_valgert@kazguu.kz

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 23.10.2024

Поступила после рецензирования / Revised 29.11.2024

Принята к публикации / Accepted 01.12.2025

ПСИХОЛОГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ PSYCHOLOGY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

УДК 159.9

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-68-76>

VAMARD

Рациональное потребление как междисциплинарный феномен: анализ истории и перспектив исследований в условиях формирования моделей устойчивого развития

Екатерина Г. Денисова , Анастасия О. Гостева , Юлия В. Зотова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

keithdenisova@gmail.com

Аннотация

Введение. Рациональное потребление является важным аспектом, выходящим за рамки экономического поведения. Оно охватывает широкий спектр социальных, психологических и культурных факторов. В условиях глобальных вызовов устойчивого развития вопросы рационального потребления приобретают особую актуальность.

Цель. Обобщить существующие представления о рациональном потреблении как междисциплинарном феномене и выявить перспективные направления для будущих исследований в условиях формирования моделей устойчивого развития.

Понятие «рациональное потребление». Рациональное потребление включает в себя осознание потребностей и стремление к их удовлетворению при минимальном использовании ресурсов. Это поведение связано не только с экономической целесообразностью, но и с социальными и культурными значениями потребления.

Историко-философские основы культуры рационального потребления. Концепция рационального потребления имеет глубокие историко-философские корни, включая идеи утилитаризма, шотландской школы морали и классической политической экономики. Влияние этих теорий на развитие представлений о потребительских практиках и их социальной роли прослеживается с XVIII века.

Социально-психологические аспекты рационального потребления. Потребление оказывает влияние на формирование Я-концепции и социальной идентичности, а также связано с саморегуляцией и метапознанием. Изучение психологических механизмов потребительского поведения позволяет понять как рациональные, так и иррациональные аспекты выбора.

Обсуждение результатов. Проведённый обзор показал, что рациональное потребление является многогранным феноменом, включающим в себя экономические, психологические и социальные компоненты, требующим междисциплинарного подхода для полноценного анализа механизмов принятия решений потребителями разных возрастных групп. В разных науках потребление уже давно изучается с учетом его социально-психологической детерминации, а также обратного влияния на формирование Я-концепции и социальной идентичности. В качестве перспектив исследований рационального потребления в условиях формирования моделей устойчивого развития авторы выделяют исследования метакогнитивных и нейробиологических основ регуляции поведения потребителей разных возрастных групп.

Ключевые слова: потребление, теории потребления, рациональное потребление, рациональность, ответственное потребление

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта для реализации научно-исследовательских проектов, выполняемых под руководством молодых ученых ДГТУ «Наука–2030» (проект «Психологические и психофизиологические механизмы пищевого поведения молодежи в условиях перехода к модели рационального потребления», 2023–2024 г.)

Для цитирования. Денисова, Е. Г., Гостева, А. О., и Зотова, Ю. В. (2025). Рациональное потребление как междисциплинарный феномен: анализ истории и перспектив исследований в условиях формирования моделей устойчивого развития. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 8(1), 68–76. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-68-76>

Original Theoretical Research

Rational Consumption as an Interdisciplinary Phenomenon: Analysis of History and Prospects of Research in the Context of Formation of Models Sustainable

Ekaterina G. Denisova , Anastasia O. Gosteva , Julia V. Zotova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 keithdenisova@gmail.com

Abstract

Introduction. Rational consumption is an important aspect that goes beyond economic behavior. It encompasses a wide range of social, psychological and cultural factors. In the context of global challenges of sustainable development, the issues of rational consumption become particularly relevant.

Objective. To summarize the existing ideas about rational consumption as an interdisciplinary phenomenon and to identify promising directions for future research in the context of the formation of sustainable development models.

The concept of “rational consumption”. Rational consumption includes awareness of needs and aspiration to satisfy them with minimum use of resources. This behavior is associated not only with economic expediency, but also with social and cultural meanings of consumption.

Historical and philosophical foundations of the culture of rational consumption. The concept of rational consumption has deep historical and philosophical roots, including the ideas of utilitarianism, the Scottish school of morality and classical political economy. The influence of these theories on the development of ideas about consumer practices and their social role can be traced back to the 18th century.

Social and psychological aspects of rational consumption. Consumption influences the formation of self-concept and social identity, and is also associated with self-regulation and metacognition. The study of psychological mechanisms of consumer behavior allows us to understand both rational and irrational aspects of choice

Discussion. This review has shown that rational consumption is a multifaceted phenomenon that includes economic, psychological and social components, requiring an interdisciplinary approach to fully analyze the mechanisms of decision-making by consumers of different age groups. In different sciences, consumption has long been studied taking into account its socio-psychological determination, as well as the reverse influence on the formation of self-concept and social identity. The authors highlight the research of metacognitive and neurobiological bases of regulation of behavior of consumers of different age groups. as the prospects for on rational consumption in the conditions of formation of sustainable development models

Keywords: consumption, theories of consumption, rational consumption, rationality, responsible consumption

Funding. The study was financially supported by a grant for the implementation of research projects led by young scientists of DSTU “Science–2030” (project “Psychological and psychophysiological mechanisms of nutritional behavior of young people in the conditions of transition to a model of rational consumption”, 2023–2024).

For Citation. Denisova, E. G., Gosteva, O. A. & Zotova, Y. V. (2025). Rational consumption as an interdisciplinary phenomenon: analysis of history and prospects of research in the context of formation of models sustainable. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 8(1), 68–76. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-1-68-76>

Введение

С момента своего возникновения человечество постоянно сталкивалось с проблемой рационального использования доступных ресурсов. В истории возникали самые разные варианты философии разумных потребностей, но все их объединяла идея о рациональности в распоряжении потребительскими благами. В последние десятилетия рациональное потребление фактически стало одним из ключевых мотивов при разработке международных и национальных программ государственного управления (Miniero et al., 2014), а также перспективным направлением в концепции устойчивого развития (Lee, 2008; Kim et al., 2012). Кроме того, исследования в области культуры рационального потребления приобретают особую актуальность в условиях снижения уровня жизни в различных регионах мира. Однако это явление выходит за рамки чисто экономического анализа. На фоне нарастающей непредсказуемости будущего, возрастающей экономической неопределённости и экологических проблем, рациональный подход к потребностям человечества требует междисциплинарного рассмотрения. Этот подход включает экономическую оценку ресурсов, социологический анализ социальных практик, психологическое ис-

следование потребительского поведения и экологическую оценку последствий потребления. Только синтез этих дисциплин позволит понять и эффективно управлять процессами рационального потребления.

Цель данной работы состоит в обобщении существующих представлений о рациональном потреблении как междисциплинарном феномене и выявлении перспективных направлений для будущих исследований в условиях формирования моделей устойчивого развития.

Понятие «рациональное потребление»

Понятие рациональности, сформированное в философии Древней Греции, стало основой для развития рационализма, который рассматривает разум в качестве фундамента познания и поведения (Рыжкова, 2012). Само же значение понятий «рациональность» и «рациональный» менялось в зависимости от исторического контекста и культурных условий: оно противопоставлялось мнению в античности, вере в средневековье, догматизму в эпоху Просвещения, эмпиризму или иррациональному (Автономова, 1988). Рациональность, как синоним объективной и субъективной правильности, делает поведение человека и социальную реальность понятными и объяснимыми (Наумова, 1988).

Потребление долгое время рассматривалось исключительно как экономический феномен, одна из стадий экономического круговорота (Борисов, 2005). Однако, как и любой феномен связанный с человеком, ввиду усложнения экономических теорий с одной стороны, и развития психологической науки с другой, потребление со временем начинает рассматриваться как поведение потребителя, одновременно связанное как с его потребностями и внутренним миром, так и с социокультурными и экономическими изменениями в обществе (Соломатина, 2019; Шайдакова и Радина, 2010).

Термин «рациональное потребление» не имеет строгих категориальных границ. Он часто используется как синоним таких понятий, как этическое, зелёное или экологически сознательное потребление, объединённые идеей минимизации экологических последствий (Винокурова, 2022; Peattie, 2010). Анализ литературы показал, что в более широком смысле сегодня понятие «рациональный» можно также рассматривать как «ориентированный на устойчивое развитие» (Геращенко, 2018; Привалова, 2016). Рассматривая модель ответственного потребителя, Митина (2020) выделяет следующие аспекты рационального потребления:

- органическое потребление (как потребление продукции, которая не наносит вреда окружающей среде и здоровью человека);
- этическое потребление (предполагает приобретение и использование ресурсов с учетом устойчивого развития и соблюдения прав человека);
- экологическое потребление (ориентировано на минимизацию воздействия на окружающую среду, содействие социальной справедливости и обеспечение экономической приемлемости);
- рациональное потребление (продуманное потребление, которое направлено на удовлетворение рациональных потребностей индивидов и их согласование с возможностями общества).

Эти компоненты модели ответственного потребителя подчеркивают социальную значимость рационального потребления и его важность для достижения устойчивого и этического подхода к использованию ресурсов.

Историко-философские основы культуры рационального потребления

Как было отмечено ранее, идея рационального потребления не является новой для человечества, а философия рациональных (разумных) потребностей прошла значительный путь развития. Наиболее оформленные взгляды относительно рациональности поведения людей в обществе и экономического поведения (потребления) можно найти в теории рационального выбора, которая объединяет многочисленные попытки социальных наук объяснить природу поведения и принятия решений (Рузавин, 2003; Геращенко, 2018). Предпосылки теории рационального выбора начали формироваться в середине XVIII – начале XIX века в рамках учений шотландской школы морали, где предложили индивидуалистическую концепцию рационального поведения. Основоположник классической политической экономики Адам Смит, принадлежащий к этой школе, применил концепцию рационального выбора к рыночным явлениям (Багоцци и др., 2008). Другим важным источником развития теории рационального выбора стали идеи школы утилитаризма, где отдельные действия и поведение людей в целом объяснялись через те результаты, к которым они приводят. Основатель утилитаризма Иеремия Бентам в начале XIX века предложил принцип, согласно которому этика должна быть ориентирована на максимизацию счастья для наибольшего числа людей (Багоцци и др., 2008). Его авторству также принадлежит идея о том, что счастье можно количественно измерить как баланс удовольствий и страданий от определенного поведения, и идея о соблюдении некоторой меры или некоторого «оптимального» (рационального) количества удовольствий, достаточного человеку для счастья. Поздняя неоклассическая теория, возникшая в 1870-е годы, заменила утилитаристский принцип баланса удовольствий и страданий принципом взаимного обмена товарами при условии честности обмена (Рыжкова, 2012). Таким образом, идеи индивидуализма и рационального выбора были применены для анализа экономической деятельности и рыночных отношений, что сделало теорию рационального выбора в первую очередь экономической теорией.

В отечественной науке ранним значимым направлением объяснения потребительского поведения был деятельностный подход, разработанный в 1930–40-е годы С. Л. Рубинштейном и А. Н. Леонтьевым, основанный на трудах Л. С. Выготского. Этот подход рассматривает детерминацию потребительского поведения в контек-

сте требований, задаваемых деятельностью человека (Шайдакова и Радина, 2010). В конце XX века концепция «общества потребления» в работах Пьера Бурдьё и Жана Бодрийяра привела к переосмыслению потребительского поведения. Потребление стало рассматриваться не только как утилитарный экономический процесс, но и как обмен символами, позволяющий людям выражать свою идентичность. В 1960-х годах появляется теория ответственного потребления как отдельная экономическая концепция. В этот же период появляются термины «этическое потребление» и «гедонистическое потребление» (Холодцова, 2016). Переходом к более современным теориям, объясняющим не только экономическую, но и психологическую сторону потребления можно считать работы Д. Канемана и А. Тверски, где внимание сместилось на поиск психологических механизмов переработки информации и выбора, реконструкцию ментальных моделей принятия решения (Котова и Лещенко, 2001).

С начала XXI века и по настоящее время некоторые ученые стремятся объяснить несовершенство и иррациональность потребительского поведения с помощью концепций, отражающих психическую функцию, мотивацию и когнитивные ограничения субъекта (Сивуха и др., 2004). Эти концепции помогают выявить отклонения от идеализированных моделей рационального выбора (Шульгин, 2012). Современные модели рационального выбора варьируются от классической концепции Номо *economicus* до модели RREEMM (человек изобретательный, ограниченный, оценивающий, ожидающий, максимизирующий). При этом до сих пор нет единства в понимании рациональности предпочтений индивида. Однако потребительское поведение приобретает более широкий контекст и становится не только личным выбором, но и важным социальным и экологическим фактором, влияющим на устойчивое развитие общества (Бандурин и др., 2023).

Социально-психологические аспекты рационального потребления

Потребление пронизывает многие аспекты жизни, влияя на формирование Я-концепции и социальные отношения (Breakwell, 1992; Фоломеева, 2010). Оно становится важным индикатором социальной мобильности: смена социального статуса часто сопровождается изменениями в потреблении, которые подтверждают новое положение индивида. Высокая цена товаров сигнализирует о привилегированном положении, но также отражает культурный капитал и духовное развитие (Аксюткина и Ильин, 2024; Радаев, 2005). Потребление также может служить средством социальной мобильности, когда индивид использует потребительские практики для идентификации с определенной группой (Баранова, 2011). Кроме того, потребление способно стать мотиватором социальной мобильности, когда оно является самоцелью, и изменение статуса необходимо для того, чтобы иметь возможности для получения каких-либо благ (Баранова, 2011).

Наиболее современные психологические подходы к исследованию потребления в целом разделяют мысль о том, что в основе потребительского поведения лежит аффективный, когнитивный, конативный и мотивационно-волевой компоненты личности (Посыпанова, 2012). При этом потребление часто иррационально (импульсивно): потребитель по тем или иным причинам не может контролировать такое поведение, а покупка часто становится средством совладания со стрессом (Бандурин, 2022; Холодцова, 2016). Многие авторы отмечают, что несформированность навыков саморегуляции и функциональных форм совладания в целом характерна для нарастающего в современном обществе инфантилизма (Серегина, 2011; Крулхет, 2008), который в свою очередь может выступать причиной как иррационального потребления, так и девиантного поведения (Аксюткина и Ильин, 2022; Салахов, 2015). Среди негативных последствий иррационального потребления выделяются финансовые трудности, снижение самооценки, ухудшение настроения, а также повышение агрессивности и риск девиантного поведения (Овруцкий, 2018; Землянухина, 2019). В работах Е. А. Сорокоумовой подчеркивается важность когнитивного компонента потребительского поведения. Автор полагает, что в основе принятия потребительского решения лежат процессы сбора, анализа, обработки, интерпретации и использования информации (Сорокоумова и др., 2022). Так, используя предложенную О. С. Посыпановой типологию потребительского поведения (инноватор, модник, традиционалист, консерватор, индивидуалист, ситуативист, равнодушный), Е. А. Сорокоумова и коллеги показывают наличие корреляции между определенными стилями потребления и когнитивными установками. В частности, показано, что «ситуативисты» демонстрируют большую убежденность в том, что события распределяются между людьми по принципу справедливости; «инноваторы» имеют более выраженную ориентацию на скорость принятия решений без тщательного анализа, с упором на статус товара; «консерваторы» склонны к более тщательному анализу при принятии решений, а «традиционалисты» рефлексивны, но меньше ориентируются на значимость собственного «Я» (Сорокоумова и др., 2022).

Еще одним перспективным и популярным в последние десятилетия подходом можно считать исследования потребления и механизмов принятия экономических решений в парадигме нейронаук. В нейробиологических исследованиях показано, что потребительское поведение и принятие экономических решений часто обусловлены взаимодействием префронтальной коры и лимбической системы (Семенова, 2024; Cooper et al., 2015). Так, в одном из классических на сегодняшний день нейромаркетинговых исследований (Knutson et al., 2007) показано, что активация определенных зон мозга, таких как префронтальная кора и прилежащее ядро, играет ключевую роль в формировании предпочтений потребителей. Согласно результатам исследования, указанные области принимают участие в оценке потребителем привлекательности товара, а также вероятности его покупки. Современные исследова-

дования в области нейромаркетинга подчеркивают, что активация префронтальной коры усиливает способность к когнитивному контролю, необходимому для осознанного выбора и предотвращения иррационального поведения (Фомин и Фаликман 2023; Сланевская, 2022). Зарубежные авторы обнаружили, что повышенная осведомленность о собственных когнитивных процессах позволяет потребителям более критически оценивать свои решения, снижая вероятность импульсивных покупок и способствуя рациональному потреблению (Genevsky & Yoon, 2022). При этом ключевую роль играют такие зоны мозга, как дорсолатеральная и медиальная префронтальная кора, которые отвечают за оценку сложной информации, когнитивный контроль, планирование и рефлекссию. Авторы делают вывод, что активность в этих областях способствует лучшему пониманию потребителями своих предпочтений и снижению влияния когнитивных искажений, что особенно важно в условиях сложного выбора.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ научной литературы последних лет подтверждает, что рациональное потребление выходит за рамки исключительно экономического явления, интегрируя социально-психологические, философские и биологические аспекты. Было выявлено, что потребление связано не только с индивидуальными предпочтениями, но и с процессами формирования социальной идентичности, а также с механизмами саморегуляции и метапознания. Одним из выявленных направлений исследований является анализ когнитивных и мотивационных факторов, влияющих на рациональность потребления. Было показано, что модели поведения зависят от когнитивных стратегий обработки информации, уровня саморегуляции и психологических установок. Также важным аспектом является связь рационального потребления с глобальными вызовами устойчивого развития. Сравнение полученных выводов с результатами других исследований позволяет отметить, что многие авторы также подчеркивают важность когнитивных стратегий и саморегуляции в формировании рационального потребительского поведения (Сорокоумова и др., 2022; Посыпанова, 2012). При этом ряд исследований, как и настоящий обзор, подтверждает значимость социально-психологических и философских аспектов потребления, что указывает на растущий интерес к междисциплинарному подходу в данной области (Бандурин и др., 2023; Соломатина, 2019).

Заключение. Цель данной работы состояла в обобщении существующих представлений о рациональном потреблении как междисциплинарном феномене и выявлении перспективных направлений для будущих исследований в условиях формирования моделей устойчивого развития. Проведенный обзор позволяет заключить, что потребление не ограничивается удовлетворением базовых потребностей, но играет значимую роль в социальной стратификации, а также формировании Я-концепции и социальной идентичности. Потребительское поведение связано с социальной мобильностью, культурными установками, личностными ценностями, стилями саморегуляции и особенностями самоотношения. В частности, потребление может служить средством социальной адаптации, инструментом самовыражения и даже механизмом совладания со стрессом, что особенно часто отмечается на выборках молодежи и респондентов в возрастной категории ранней взрослости. Основной перспективой будущих исследований рационального потребления в условиях формирования моделей устойчивого развития можно считать изучение метакогнитивных и нейробиологических основ поведения потребителей разных возрастных групп. Понимание механизмов рационального и иррационального потребления, в том числе импульсивного потребления людей разных возрастных групп, может способствовать разработке эффективных стратегий воздействия на потребительское поведение. Это особенно актуально в условиях глобальных вызовов, таких как изменение климата, истощение природных ресурсов и рост социального неравенства. Теоретические и практические результаты таких исследований могут найти применение в разработке технологий коррекции иррационального поведения, а также в создании продуктов и услуг, ориентированных на устойчивое и ответственное потребление.

К ограничениям проведенного обзора можно отнести несистематический характер отбора и оценки работ, подвергшихся анализу. Настоящий обзор представляет собой попытку интеграции разнородных теорий и подходов к рациональному потреблению, в том числе рассмотрение исследований из смежных гуманитарных областей науки, но не претендует на полноту систематического обзора литературы. Научная значимость проведенного обзора заключается в его способности расширить понимание регуляции потребительского поведения с позиций междисциплинарного подхода, что способствует развитию новых направлений продвижения рационального потребления.

Список литературы

- Автономова, Н. С. (1988). *Рассудок, разум, рациональность*. Наука.
- Аксютин, З. А., и Ильин, А. Н. (2022). Неопределенность образа нарушений потребительского поведения в представлениях студентов. *Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Психолого-педагогические науки»*, 19(1), 141–152. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2022.1.10>
- Аксютин, З. А., и Ильин, А. Н. (2024). Представления обучающихся о психологии потребительского поведения. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 29(2(97)), 211–217. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-211-217>
- Багоцци, Р. П., Гёрхан-Канли, Ц., и Пристер, Й. Р. (2008). *Социальная психология потребителя*. Академия.
- Бандурин, А. П. (2022). Рациональное и иррациональное в социальной регуляции производства и потребления продуктов питания. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 11–1, 25–28. <https://doi.org/10.23672/f5462-3511-5802-u>

- Бандурин, А. П., Щербакова, Л. И., и Самыгин, С. И. (2023). Избыточное потребление: социальные риски и угрозы. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 8, 22–26. <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.11.20.040>
- Баранова, А. В. (2011). Потребление как фактор социальной мобильности: возможности и ограничения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(5), 79–89.
- Борисов, Е. Ф. (2005). *Экономическая теория*. Юрайт-Издат.
- Винокурова, Н. Ф. (2022). Коэволюционный субъектно-деятельностный подход как методологический базис развития экологического образования и воспитания для устойчивого развития. *Вестник Международной академии наук. Русская секция*, S2, 30–32.
- Герашенко, И. Г. (2018). Философия рациональных потребностей. *Studia Humanitatis*, 4, 75–91.
- Землянухина, С. Г. (2019). Проблемы формирования рациональной модели личного потребления российской молодежи. В Л. В. Санкова, Е. В. Янченко (Ред.). *Человеческий и производственный потенциал российской экономики перед глобальными и локальными вызовами: материалы II Всероссийской научно-практической конференции* (С. 139–143). КУБиК.
- Котова, И. Б., и Лещенко, Ю. Е. (2001). Исследование личности в отечественной психологии: деятельностный и персоналистический подходы. В *Сборник научных трудов. Серия Гуманитарные науки* (С. 60–64). Северо-Кавказский государственный технический университет.
- Крулехт, А. А. (2008). Культура потребления как современная проблема воспитания личности. *Вестник КГУ*, 4, 44–47.
- Митина, Э. А. (2020). Теоретические подходы к пониманию сущности ответственного потребления. *Теоретическая экономика*, 1(61), 65–73.
- Наумова, Н. Ф. (1988). *Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения*. Наука.
- Овруцкий, А. В. (2018). Импульсивное потребление в психологии и экономике: дифференциация подходов и их интеграция в рамках экономической психологии. *Психолог*, 6, 62–79. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2018.6.27780>
- Посыпанова, О. С. (2012). *Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей*. Изд-во КГУ им. К. Э. Циолковского.
- Привалова, Е. А. (2016). Современные представления о потреблении в психологии. *Russian Journal of Education and Psychology*, 3–2(59), 302–307.
- Радаев, В. В. (2005). Социология потребления: основные подходы. *Социологические исследования*, 1, 5–18.
- Рузавин, Г. И. (2003). Теория рационального выбора и границы ее применения в социально-гуманитарном познании. *Вопросы философии*, 5, 57–70.
- Рыжкова, М. В. (2012). Рациональность потребительского поведения в теории и на практике. *Russian Journal of Education and Psychology*, 9(17), 84–105.
- Салахов, Д. М. (2015). Социальная ответственность за психологическое здоровье молодежи: проблемы и решения. *Психологические науки. Научный альманах*, 12–3(14), 300–305.
- Семенова, Д. В. (2024). Нейроэкономика принятия решения о готовности платить на рынке шоколада. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 59(2), 264–290. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-2-12>
- Серегина, А. А. (2011). Инфантилизм личности как фактор девиантного поведения. *Социальная политика и социология*, 7(73), 283–288.
- Сивуха, С. В., Журавлев, А. Л., и Купрейченк, А. Б. (2004). *Экономическая психология на пороге тысячелетий (анализ зарубежных исследований). Том 1*. Институт психологии РАН.
- Сланевская, Н. М. (2022). Трансформация государственного управления в контексте устойчивого развития на основе исследований в социальных нейронауках (часть 2). *Управленческое консультирование*, 5(161), 83–92. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-5-83-92>
- Соломатина, Е. Н. (2019). Теоретико-методологические аспекты изучения потребления и потребительских практик в современной социологии. *Общество: социология, психология, педагогика*, 10, 45–49. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.10.5>
- Сорокоумова, Е. А., Ферапонтова, М. В., и Васильева, А. С. (2022). Взаимосвязь когнитивных особенностей и потребительского поведения личности. *Коллекция гуманитарных исследований*, 2(31), 38–44. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2022-2\(31\)/5](https://doi.org/10.21626/j-chr/2022-2(31)/5)
- Фоломеева, Т. В. (2010). Динамика потребительских аттитюдов в условиях социально-экономических изменений. *Национальный психологический журнал*, 2(4), 122–126.
- Фомин, А. Е., и Фаликман, М. В. (2023). Метапознание: проблемы и подходы. *Образовательная политика*, 3(95), 30–43. <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2023-3-30-43>
- Холодцова, И. И. (2016). Научная интеграция в изучении потребительского поведения. *Бюллетень науки и практики*, 7(8), 179–189.
- Шайдакова, Н. В., и Радина Н. К. (2010). Проблема потребительского поведения в зарубежной и отечественной экономической психологии. *Сибирский психологический журнал*, 43, 72–79.
- Шульгин, М. В. (2012). Когнитивные и мотивационные теории в психолого-экономических исследованиях поведения. *Вестник ТГЭУ*, 1, 64–76.
- Breakwell, G. M. (1992). *Social psychology of political and economic cognition*. Surrey University Press.

Cooper, N., Tompson, S., O'Donnell, M. B., & Falk, E. B. (2015). Brain activity in self- and value-related regions in response to online antismoking messages predicts behavior change. *Journal of Media Psychology*, 27(3), 93–109. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000146>

Genevsky, A., & Yoon, C. (2022). Neural basis of consumer decision making and neuroforecasting. In L. R. Kahle, T. M. Lowrey, J. Huber (Eds.), *APA handbook of consumer psychology* (pp. 621–635). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/0000262-027>

Kim, S.-Y., Yeo, J., & Sohn, S. H. (2012). Toward a composite measure of green consumption: An exploratory study using a Korean sample. *Journal of Family and Economic Issues*, 33(2), 199–214. <https://doi.org/10.1007/s10834-012-9318-z>

Knutson, B., Rick, S., Wimmer, G. E., Prelec, D., & Loewenstein, G. (2007). Neural predictors of purchases. *Neuron*, 53(1), 147–156. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2006.11.010>

Lee, K. (2008). Opportunities for green marketing: young consumers. *Marketing Intelligence and Planning*, 26(6), 573–586. <https://doi.org/10.1108/02634500810902839>

Miniero, G., Codini, A., Bonera, M., Corvi, E., & Bertoli, G. (2014). Being green: From attitude to actual consumption. *International Journal of Consumer Studies*, 38(4), 521–528. <https://dx.doi.org/10.1111/ijcs.12128>

Peattie, K. (2010). Green consumption: Behavior and norms. *Annual Review of Environment and Resource*, 35(1), 195–228. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-032609-094328>

References

Avtonomova, N. S. (1988). *Reason, reason, rationality*. Science. (In Russ.)

Aksyutina, Z. A., & Ilyin, A. N. (2022). Uncertainty of the image of consumer behavioral disorders in the representations of students. *Vestnik of Samara State Technical University. Series "Psychological and Pedagogical Sciences"*, 19(1), 141–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2022.1.10>

Aksyutina, Z. A., & Ilyin, A. N. (2024). Students' Views on the Psychology of Consumer Behaviour. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 29(2(97)), 211–217. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-211-217>

Bagozzi, R. P., Goerhan-Canli, C., & Priester, J. R. (2008). *The social psychology of the consumer*. Academia. (In Russ.)

Bandurin, A. P. (2022). Rational and irrational in social regulation of food production and consumption. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 11–1, 25–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.23672/f5462-3511-5802-u>

Bandurin, A. P., Shcherbakova, L. I., & Samygin, S. I. (2023). Excessive consumption: social risks and threats. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 8, 22–26. (In Russ.)

Baranova, A. V. (2011). Consumption as a factor of social mobility: opportunities and limitations. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 14(5), 79–89. (In Russ.)

Borisov, E. F. (2005). *Economic theory*. Yurait-Izdat. (In Russ.)

Breakwell, G. M. (1992). *The social psychology of political and economic cognition*. Surrey University Press.

Cooper, N., Tompson, S., O'Donnell, M. B., & Falk, E. B. (2015). Brain activity in self- and value-related regions in response to online antismoking messages predicts behavior change. *Journal of Media Psychology*, 27(3), 93–109. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000146>

Folomeeva, T. V. (2010). Dynamics of consumer attitudes in the conditions of socio-economic changes. *National Psychological Journal*, 2(4), 122–126. (In Russ.)

Fomin, A. E., & Falikman, M. V. (2023). Metacognition: problems and approaches. *Educational Policy*, 3(95), 30–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2078-838X-2023-3-30-43>

Gerashchenko, I. G. (2018). Philosophy of rational needs. *Studia Humanitatis*, 4, 75–91. (In Russ.)

Genevsky, A., & Yoon, C. (2022). Neural basis of consumer decision making and neuroforecasting. In L. R. Kahle, T. M. Lowrey, & J. Huber (Eds.), *APA handbook of consumer psychology* (pp. 621–635). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/0000262-027>

Kotova, I. B., & Leshchenko, Y. E. (2001). The study of personality in Russian psychology: activity and personalistic approaches. In *Sbornik nauchnykh trudov. Series Humanities* (P. 60–64). North Caucasus State Technical University. (In Russ.)

Kim, S.-Y., Yeo, J., & Sohn, S. H. (2012). Toward a composite measure of green consumption: An exploratory study using a Korean sample. *Journal of Family and Economic Issues*, 33(2), 199–214. <https://doi.org/10.1007/s10834-012-9318-z>

Knutson, B., Rick, S., Wimmer, G. E., Prelec, D., & Loewenstein, G. (2007). Neural predictors of purchases. *Neuron*, 53(1), 147–156. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2006.11.010>

Kholodtsova, I. I. (2016). Scientific integration in the study of consumer behavior. *Bulletin of Science and Practice*, 7(8), 179–189. (In Russ.)

Krulecht, A. A. (2008). Consumer culture as a modern problem of personality education. *Vestnik of Kostroma State University*, 4, 44–47. (In Russ.)

Lee, K. (2008). Opportunities for green marketing: young consumers. *Marketing Intelligence and Planning*, 26(6), 573–586. <https://doi.org/10.1108/02634500810902839>

Mitina, E. A. (2020). Theoretical approaches to understanding the essence of responsible consumption. *Theoretical Economics*, 1(61), 65–73. (In Russ.)

- Miniero, G., Codini, A., Bonera, M., Corvi E., & Bertoli, G. (2014). Being green: From attitude to actual consumption. *International Journal of Consumer Studies*, 38(4), 521–528. <https://dx.doi.org/10.1111/ijcs.12128>
- Naumova, N. F. (1988). *Sociological and psychological aspects of purposeful behavior*. Science. (In Russ.)
- Ovrutsky, A. V. (2018). Impulsive consumption in psychology and economics: differentiation of approaches and their integration within economic psychology. *Psychologist*, 6, 62–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2018.6.27780>
- Posypanova, O. S. (2012). *Economic psychology: psychological aspects of consumer behavior*. Izd-e K.E. Tsiolkovsky KSU. (In Russ.)
- Peattie, K. (2010). Green consumption: Behavior and norms. *Annual Review of Environment and Resource*, 35(1), 195–228. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-032609-094328>
- Privalova, E. A. (2016). Modern ideas about consumption in psychology. *Russian Journal of Education and Psychology*, 3–2(59), 302–307. (In Russ.)
- Radaev, V. V. (2005). Sociology of consumption: main approaches. *Sociological Studies*, 1, 5–18. (In Russ.)
- Ruzavin, G. I. (2003). The theory of rational choice and the boundaries of its application in socio-humanitarian cognition. *Voprosy filosofii*, 5, 57–70. (In Russ.)
- Ryzhkova, M. V. (2012). Rationality of consumer behavior in theory and practice. *Russian Journal of Education and Psychology*, 9(17), 84–105. (In Russ.)
- Salakhov, D. M. (2015). Social responsibility for psychological health of youth: problems and solutions. *Psychological sciences. Scientific almanac*, 12–3(14), 300–305. (In Russ.)
- Semenova, D. V. (2024). Neuroeconomics of decision making on willingness to pay in the chocolate market. *Vestnik of Moscow University. Series 6. Economics*, 59(2), 264–290. (In Russ.) <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-2-12>
- Seregina, A. A. (2011). Infantilism of personality as a factor of deviant behavior. *Social policy and sociology*, 7(73), 283–288. (In Russ.)
- Sivukha, S. V., Zhuravlev, A. L., & Kupreichenk, A. B. (2004). *Economic psychology on the threshold of the millennium (analysis of foreign studies). Vol. 1*. Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Slanevskaya, N. M. (2022). Transformation of public administration in the context of sustainable development based on research in social neuroscience (part 2). *Management Consulting*, 5(161), 83–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-5-83-92>
- Solomatina, E. N. (2019). Theoretical and methodological aspects of the study of consumption and consumer practices in modern sociology. *Society: sociology psychology, pedagogics*, 10, 45–49. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/spp.2019.10.5>
- Sorokoumova, E. A., Ferapontova, M. V., & Vasilieva, A. S. (2022). The relationship between cognitive features and consumer behavior of personality. *Humanities Research Collection*, 2(31), 38–44. (In Russ.) [https://doi.org/10.21626/j-chr/2022-2\(31\)/5](https://doi.org/10.21626/j-chr/2022-2(31)/5)
- Shaidakova, N. V., & Radina, N. K. (2010). The problem of consumer behavior in foreign and domestic economic psychology. *Siberian Psychological Journal*, 43, 72–79. (In Russ.)
- Shulgin, M. V. (2012). Cognitive and motivational theories in psychological and economic studies of behavior. *Vestnik TSTU*, 1, 64–76. (In Russ.)
- Vinokurova, N. F. (2022). Coevolutionary subject-activity approach as a methodological basis for the development of environmental education and upbringing for sustainable development. *Bulletin of the International Academy of Sciences. Russian Section*, S2, 30–32. (In Russ.)
- Zemlyanukhina, S. G. (2019). Problems of forming a rational model of personal consumption of Russian youth. In L. V. Sankova, E. Yanchenko (Eds.). *Human and production potential of the Russian economy before global and local challenges: materials of the II All-Russian scientific and practical conference* (P. 139–143). KUBiK. (In Russ.)

Об авторах:

Екатерина Геннадьевна Денисова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [Спин-код](#), keithdenisova@gmail.com

Анастасия Олеговна Гостева, старший преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [Спин-код](#), agosteva.dstu@yandex.ru

Юлия Викторовна Зотова, магистрант 2 курса, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), yuliaa.guseva@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Ekaterina Gennadyevna Denisova, Cand. Sc. (Psychology), associate Professor of Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [Spin-code](#), keithdenisova@gmail.com

Anastasia Olegovna Gosteva, Senior Lecturer of Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [Spin-code](#), agosteva.dstu@yandex.ru

Yulia Viktorovna Zotova, 2nd year Master's student, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), yuliaa.guseva@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 27.11.2024

Поступила после рецензирования / Revised 24.12.2024

Принята к публикации / Accepted 20.01.2025